

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

1

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2024

2024 ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

1

2024

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

1

2024

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громько Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р.

(Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М.

(Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., и. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2024

Издатель: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту: ФГБУ «Издательство “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Адрес редакции: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Тел. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitlovskiy Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Isosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2024

Publisher: Russian Academy of Sciences

119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia

Executor under contract: Publishing House "Nauka", 121099, build.1, 6, Shubinskiy per., Moscow, Russia

Address: Russian Academy of Sciences, 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia

Tel. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Шипилов А.В.** Развитие в ретроспективе: историко-феноменологический анализ 7
Давыдов Д.А. Экологическая критика капитализма: главный козырь левых
или «яблоко раздора»? 19

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Ознобищев С.К., Климов В.А.** Оборонное планирование НАТО
в новых военно-политических условиях 32
Трунов Ф.О. Роль Германии как «рамочного государства» НАТО 46

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Кислицын С.В., Гужева А.А.** Транснациональный бизнес в условиях
геоэкономической фрагментации 60
Леваков П.А., Павлова Н.С. Большие данные как источник рыночной власти
цифровых платформ 74

ГЕРМАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Хорольская М.В.** Восточные немцы в политических элитах
объединенной Германии: проблема недопредставленности 92
Погорельская С.В. Антивоенные силы в ФРГ в 2022–2023 гг.:
возможен ли их союз? 106

Трибуна молодого ученого

- Крылов Г.Л.** Шиитские вооруженные формирования
как средство укрепления влияния Ирана в Ираке 120
Крикунов К.А. Конфликт интересов на государственной службе:
факторы эффективного регулирования 132

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

- Shipilov A.** Development in Retrospect: Historical-Phenomenological Analysis 7
Davydov A. Environmental Criticism of Capitalism: The Main Trump Card
of the Left or an Apple of Discord? 19

EUROPEAN SECURITY

- Oznobishchev S., Klimov V.** NATO Defense Planning under New Military
and Political Conditions 32
Trunov Ph. The Role of Germany as a NATO “Framework Nation” 46

WORLD ECONOMY

- Kislitsyn S., Guzheva A.** Transnational Business in Conditions
of Geoeconomic Fragmentation 60
Levakov P., Pavlova N. Big Data as a Source of Market Power of Digital Platforms 74

GERMAN STUDIES

- Khorolskaya M.** East Germans in the Political Elites of Reunited Germany:
The Problem of Underrepresentation 92
Pogorelskaya S. Antiwar Forces in the FRG in 2022–2023:
Is Their Alliance Possible? 106

THE ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

- Krylov G.** Shia Paramilitary Groups as an Instrument
of Iranian Influence in Iraq 120
Krikunov K. Conflict of Interest in the Civil Service:
Factors of Effective Regulation 132

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original article

Развитие в ретроспективе: историко-феноменологический анализ

© А.В. ШИПИЛОВ

Шипилов Андрей Васильевич, Воронежский государственный педагогический университет, (Воронеж, Россия), andshipilo@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8885-2157

Статья посвящена развитию как понятию и явлению в исторической ретроспективе. Развитие в его современном понимании стало наблюдаемым фактом и осознанной идеей не ранее второй половины XVIII в. Как показывают результаты анализа данных по Средневековью, Древнему миру и эпохе первобытного общества, развитие редко присутствует в истории и практически отсутствует в доистории. Наметившиеся тенденции в мировой экономике и демографии позволяют говорить о снижении темпов роста и замедлении развития. Уподобление в этом отношении постмодерна пре-модерну способно вывести развитие из числа значимых ценностей и целей общества, так что встает вопрос о возможных его альтернативах.

Ключевые слова: развитие, понятие, явление, модерн, премодерн, постмодерн, Средние века, Древний мир, первобытное общество

Цитирование: Шипилов А.В. (2024) Развитие в ретроспективе: историко-феноменологический анализ // Общественные науки и современность. № 1. С. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049924010014, EDN: RVKVGW

Development in Retrospect: Historical-Phenomenological Analysis

© A. SHIPILOV

Andrey V. Shipilov, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia), andshipilo@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8885-2157

Abstract. The article is devoted to development as a concept and phenomenon in historical retrospect. Attention is drawn to the fact that development in its modern understanding became an observable fact and a conscious idea no earlier than the second half of the 18th century. The deeper we look into history, the less development we see in it as a phenomenon and concept ranging from technology to ideology. The analysis of data on the Middle Ages, the Ancient World and the era of primitive society shows that development is rarely present in history and is practically absent in prehistory. The emerging trends in the global economy and demography suggest a decline in growth rates and a slowdown in development. In this regard, the likening of postmodernity to premodernity in the future can remove development from the number of significant values and goals of society, so the question arises about possible alternatives.

Keywords: development, concept, phenomenon, modern, premodern, postmodern, Middle Ages, Ancient world, primitive society

Citation: Shipilov A.V. (2024) Development in Retrospect: Historical-Phenomenological Analysis. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049924010014, EDN: RVKVGW (In Russ.)

Происхождение понятия и перспективы явления

Метафора развития, понимаемого как необходимое направленное, необратимое увеличение / усложнение / улучшение, в современном словоупотреблении настолько распространена, что рассматривать ее извне непросто. Согласно советскому лингвисту В.В. Виноградову, русское слово «развитие», калькирующее немецкое *Entwicklung*, французское *développement* и в конечном счете латинское *evolutio*, относилось к косам, веревкам и венкам и вплоть до конца XVIII в. означало разматывание, раскручивание и рассучивание. Семантика расплетения воспринималась однозначно вплоть до середины следующего столетия, диссонируя с новым отвлеченным значением увеличения, приумножения и раскрытия; «развитие» резало слух А.С. Шишкова и служило предметом иронии И.С. Тургенева [Виноградов 1999, 588–590]. Тем не менее значение данного понятия как последовательного поступательного прогрессивного изменения все более распространялось. Усилиями Кондорсе, Канта, Гердера и других известных философов и историков словосочетание «социальное развитие» стали употреблять в значении продолжения природного и понимать как прогресс – восхождение от низших форм к высшим. Гегель расширил смысл понятия, добавив к нему такие характеристики, как объективность, закономерность, имманентность, телеологичность и духовность/разумность, а Спенсер представил эволюцию движением от однородной бессвязной неопределенности к разнородной связной определенности. Как констатируют авторы статьи в «Новой философской энциклопедии», «к концу XIX в. идея развития (прежде всего в ее эволюционной форме) прочно внедрилась в концепции истории общества, научного знания, органического и неорганического мира» [Новая... 2010, 397–399]. Очевидно, что продвижение самого понятия коррелировало с развитием как явлением в сферах технической, социальной, политической, научной, культурной жизни.

На первый взгляд, XXI в. в отношении принятия развития как феномена и концепта продолжает предыдущие, однако нельзя не обратить внимание на некоторые нюансы: развитие как увеличение в количественно измеримых экономическом и демографическом аспектах, по-видимому, замедляется [Ликетти 2015, 88, 100, 108–109]. Вместе с тем многие считают, что замедление демографического и экономического роста происходит слишком медленно и надо бы в этом смысле ускориться: на протяжении последних пяти десятилетий самые разные организации и лица от Римского клуба до Клауса Шваба призывают к ограничению, снижению, а то и отказу от роста, т. е., по сути, от развития. Некоторые концептуализируют этот тезис как устойчивое развитие, другие считают, что развитие возможно и при отказе от роста, а третьи рассуждают о постразвитии (postdevelopment) и пропагандируют снижение роста (degrowth).

В связи с этим следует рассмотреть развитие как понятие и явление в направлении от модерна к премодерну, чтобы затем обратиться к постмодерну. В такой ретроспективе чем дальше от нас эпоха, тем более она продолжительна и в то же время менее изучена, почему и требует большего внимания. Конечно, формат статьи обуславливает некоторую эскизность и пунктирность анализа, но порой взгляд с птичьего полета способен дать представление о картине в целом. Для человека, воспринимающего реальность через призму развития, все выглядит развивающимся или неразвивающимся, стагнирующим, а то и регрессирующим в диапазоне от застоя до упадка. Однако резонно задать вопрос, является ли развитие традиционной ценностью. Ответ будет отрицательным, если под традицией мы будем иметь в виду не модерн, а премодерн в целом, обращение к опыту которого, вероятно, способно привести к лучшему пониманию специфики нынешнего пост[пост]модерна.

Старый порядок

Как известно, Западная Европа в экономическом и демографическом отношении достигла уровня Древнего Рима времен его расцвета приблизительно к XVIII в., после чего в 1760–1780-х гг. с началом промышленной революции заработал механизм самообеспечивающегося роста, благодаря которому резко ускорилось политическое, социальное и культурное развитие [Бродель 1992, 582; Щербак 2023, 6–10, 24, 36]. Какой-либо шеллингианско-гегельянской целесообразности, закономерности, необходимости, неизбежности и необратимости в этом феномене не было: самоподдерживающееся развитие в истории есть не норма, а исключение, случайность. Она стала результатом комбинации нескольких факторов, усиливающих друг друга, среди которых называют технологическую креативность, наличие рынка идей, возможность межгосударственных миграций, переход на ископаемое топливо, доступ к ресурсам колоний, различные экологические и демографические особенности и т. д. И в другие периоды европейской истории (например, в XV в.), и в других регионах мира (например, в позднесредневековом Китае) складывались ситуации, при которых могла бы начаться индустриализация, обеспечив устойчивый экономический рост. Однако всякий раз включался механизм отрицательной обратной связи, приводивший к стагнации или упадку. Технический прогресс, экономический рост и устойчивое развитие – это не норма, а отклонение от нее, продукт удачного стечения обстоятельств, случившегося в Западной Европе (еще конкретнее – в Англии) во второй половине XVIII в. [Мокир 2014, 38, 343, 367; Померанц 2017, 125, 495].

Примерно с этого времени (точнее, несколькими десятилетиями ранее) европейские мыслители начали рассуждать о прогрессивном развитии, но довольно своеобразно. У итальянского философа Дж. Вико вещи и идеи совершенствуются от самого их воз-

никновения, обычаи развиваются, люди движутся вперед благодаря развитию ума, нации пребывают в «естественном поступательном движении», которое вместе с тем включает в себя фазы упадка и конца, а руководит всем этим процессом Провидение (именно оно «породило», «создало», «установило», «заставило», «позволило», «допустило» то и это, от гражданского порядка до красноречия) [Вико 1994, 377, 424, 427, 466–467]. Для французского экономиста и философа А.Р.Ж. Тюрго общественное развитие определяется уже не провидением, а производством, которое обуславливает классовое деление и социальное неравенство. Народы господствуют и подчиняются, империи возникают и гибнут, но именно благодаря этому «нравы смягчаются, человеческий разум просвещается, изолированные нации сближаются, торговля и политика соединяют, наконец, все части земного шара. И вся масса человеческого рода, переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и години бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству», рубежом которого было правление Людовиков Четырнадцатого и Пятнадцатого в их блеске и величии, осчастлививших собой Францию и всю вселенную [Тюрго 1937, 51, 72; Тюрго 1961, 100–104]. Известный британский историк Э. Гиббон считал, что человечество поступательно совершенствуется, и «если внешний вид природы не изменится, то ни один народ не возвратится в свое первобытное варварство». Он пришел к «тому приятному заключению, что с каждым веком увеличивались и до сих пор увеличиваются материальные богатства, благосостояние, знания и, быть может, добродетели человеческого рода», и все это в сочинении под названием «История упадка и крушения Римской империи», где он описал «достопамятный ряд переворотов, который в течение почти тринадцати столетий мало-помалу распатывал и наконец разрушил громадное здание человеческого величия» [Гиббон 1994, 15, 526]. Ж.-Ж. Руссо рассуждал о поступательном развитии вещей, последовательном развитии разума и способностей человека, чье родовое свойство – способность к самосовершенствованию, но касательно формы правления демократия у него классически вырождается в охлократию, аристократия – в олигархию, а монархия – в тиранию; политический организм, подобно человеческому, «начинает умирать с самого своего рождения и несет в себе самом причины своего разрушения» [Руссо 1998, 68–71, 83, 274–275]. Здесь просветитель недалеко ушел от Макиавелли, чьи городские республики в случае, если «имеют добрую основу, способную к улучшениям, могут при благоприятном стечении обстоятельств достичь совершенства», но развитие их все равно ходит по кругу одних и тех же форм правления от «самодержавия» до «разнузданности», а «мир всегда остается одинаковым» [Жизнь... 1993, 319–322, 376].

Средние века

Старый режим (*Ancien Régime*, или дореволюционная Франция) был порядком не самым старым – ему предшествовало Средневековье. Нельзя сказать, что развитие как явление совершенно отсутствовало в течение тысячелетия между Древним миром и Новым светом, однако за периодами подъема неизменно следовали периоды упадка, о чем свидетельствуют количественные показатели площади распаханых земель, численности населения и т. п. Что касается развития как понятия, то некоторые концептуальные его элементы включены в христианскую линейно-историческую модель времени, в котором то, что происходило до Р.Х., – не то, что случилось после. Однако в конце времен для христианина эта линия сворачивается в кольцо: земная история от Сотворения мира до Страшного суда есть цикл, а в истории священной каждому событию Нового завета находится аналог/прообраз в Ветхом, и последние как предвещают, так и предвосхищают первые. В таинствах и праздниках регулярно воспроизводится сакральное время, а во времени

профанном вращается колесо Фортуны, возносящей лишь для того, чтобы затем низвергнуть [Гуревич 1972, 100, 117; Гуревич 1990, 83; Ле Гофф 1992, 155–156, 161]. Средневековое время исторично, но эта история не содержит в себе развития независимо от периодизации: четыре царства Иеронима Стридонского, семь возрастов Августина Иппонийского, три эры Иоахима Флорского – все это не развитие, а развертывание (предначертанного божественного плана) [Гуревич 1972, 115, 119].

Призыв «помни о смерти» (*memento mori*) как лейтмотив душевной жизни – не лучший стимул для развития, ведь согласно ему, если в мире что-то меняется, то эти изменения не к добру: средневековый человек живет в шестом возрасте мира, лучшее осталось позади, человечество одряхлело, люди стали меньше ростом и дурнее лицом, все и всё на пороге смерти и на грани гибели [Блок 1973, 138–140; Ле Гофф 1992, 157–159]. В этом мире любое изменение есть изменение к худшему, ведущее к упадку. Всякое новшество греховно, технические или интеллектуальные новации подлежат осуждению и преследованию, изобретать безнравственно и быть оригинальным недостойно; всё старое/древнее безусловно лучше нового/современного [Гуревич 1972, 112–113; Ле Гофф 1992, 303].

Для Средних веков существование – это не становление, а пребывание. Быть – это быть сопричастным вечности, и неизменное онтологически превосходит изменяющееся. В соответствии с этим историки пишут свои труды «как нечто вневременное, как процесс, в котором повторяются одни и те же модели и нет подлинного развития» [Гуревич 1972, 106, 121; Ле Гофф 1992, 173]. То же и литераторы других жанров: события, произошедшие раньше, и события, произошедшие позже, они и описывают как одновременные, герои рыцарских романов не стареют, в «Песне о Нибелунгах» юные, зрелые и пожилые персонажи остаются точно такими же спустя несколько десятков лет, их характеры не развиваются, не эволюционируют, в агиографии персонажи не знают никакого развития на пути к святости – либо таковыми сразу рождаются, либо в данное состояние внезапно перерождаются [Гуревич 1972, 120–125; Гуревич 1990, 118–121]. «Люди средних веков не безразличны к времени, но они мало восприимчивы к изменению и развитию, – отмечает А.Я. Гуревич. – Стабильность, традиционность, повторяемость – в этих категориях двигалось их сознание, в них же осмыслялось то действительное историческое развитие, которого они так долго не могли ощутить» [Гуревич 1972, 138].

Древний мир

Греко-римская античность в отношении развития как факта и идеи тоже весьма специфична. В некоторых местах в некоторые времена технико-технологическое развитие было столь интенсивным, что эллинистический Египет и Рим периода Поздней республики – ранней Римской империи вплотную приблизились к порогу не только индустриализации, но и модернизации, однако так и не перешагнули его. Блестящие изобретения александрийских инженеров не стали базой промышленной революции; водяной двигатель применяли только для помола зерна, паровую турбину использовали для автоматических игрушек, а насосы, шестерни, винты, болты, рычаги, шкивы применяли и того меньше [Бернал 1956, 130; Бродель 1992, 559–560; Мокир 2014, 58]. Рим эпохи принципата по целому ряду экономических параметров дошел до уровня Нидерландов и Англии начала XVIII в., однако остановился на этом, стагнировал и в дальнейшем регрессировал. Среди причин называют рабовладение, узость рынка сбыта товаров крупного производства, эпидемии, войны, несовершенство политических институтов, предпочтение экстенсивных технологий интенсивным и т. д. Кроме того, слабый интерес к техническим изобретениям и практической адаптации научных открытий, незначительный уровень технологической креативности, низкий

спрос на инновации со стороны государства и частного сектора объясняются ментально-идеологическими факторами [Бернал 1956, 130–137; Щербак 2023, 5–6, 30–33].

Дело в том, что античный человек в принципе воспринимал мир не через изменение и развитие, а через покой / самодовление и вращение / возвращение. По замечанию А.Ф. Лосева, античность не исторична, а астрономична; место истории здесь занимает природа, которая в своей целостности, как космос, существует вне времени и вечно возвращается в то же самое состояние [Лосев 1977, 19, 198; Лосев 2000, 72, 559]. Мир космический и мир исторический не статичны, но элементы и души пребывают в круговороте, сменяющие друг друга эпохи довлеют себе, люди стремятся не творить новое, а воспроизводить имеющееся и рассматривают будущее как возвращение настоящего либо прошедшего. Философские первоначала, будь то аристотелевский Нус или платоновско-плотиновские Единое, Ум и Душа, вечны и неизменны, и если движутся, то лишь сами в себе; никакой направленности, стремления к определенной цели в социальном и природном мире нет, никто и ничто не стремится развиваться.

Конечно, нельзя сказать, что античность вовсе не знала идеи развития; исключения есть, но они таковы, что, скорее, подтверждают правило. Уже в греческой мифологии присутствуют моменты, связанные с идеей прогресса, однако он оценивается весьма неоднозначно: «Прометей вместе с огнем принес людям горе и страдания, а Дедал, потеряв Икара, проклял свое искусство» [Кессиди 2003, 39]. У Гесиода имеется теогоническая концепция восхождения от дикости и стихийности Урана к порядку и справедливости Зевса, но его повествование о пяти родах людей от золотых до железных являет собой картину не прогресса, а регресса, к тому же это цикл, который должен повторяться бесконечно [Нисбет 2020, 47–50]. Метафизическое учение Аристотеля о четырех причинах бытия вещи – это, безусловно, учение о развитии, но только об органическом; что касается общественного / исторического развития, то соответствующих идей Стагирит не касался [Лосев 1977, 20–23]. Более или менее отчетливо о прогрессе человеческой цивилизации рассуждали атомисты, но их объяснение возникновения, движения, изменения и исчезновения вещей рекомбинацией атомов в пустоте никак этот прогресс не объясняло, а у Лукреция картина движения от дикости к цивилизации есть в сущности картина регресса, так как мир стареет, земля истощается, людям живется тяжелее, а впереди всех ожидает гибель.

За пределами философской рефлексии развития и того меньше. Мифологические боги и богини, герои и героини вечно молоды, понятие возраста к ним неприменимо, имея детей и внуков, они вступают в браки с молодыми и обзаводятся очередным потомством. Как замечает О.М. Фрейденберг, и «к греческой литературе неприменимо так называемое “развитие”» [Фрейденберг 1998, 229]. Архаическая наррация атемпоральна, время в ней – это окаменелое настоящее. В древней логографии рассказ подобен показу, в нем нет начала, конца, связи явлений и сюжетной линии; да и в позднейших мимах отсутствует действие – это не процессы, а картины. В древней аттической комедии, равно как и в ранней трагедии, мелической поэзии и др. события не связаны причинной последовательностью, нет дискурсии, нет развития [Фрейденберг 1998, 371, 373, 463, 466]. Персонажи, мотивы, явления, события – все это статично, точно, паратактивно, как то свойственно мышлению, еще только движущемуся от мифа к понятию, и концепт развития в нем немислим.

Аналогичные особенности характерны в той же и даже большей мере для мышления первых цивилизаций Древнего Востока. Здесь инновации люди осмыслили не как таковые, а как воспроизведение мифологических архетипов, исторические события они возводили к мифологическим же прототипам, причинно-следственные связи воспринимали как личностные силы, и в этом контексте концепция прогрессивного общественно-исторического развития понятным образом не была возможна [Антонова 1984, 35, 189;

Вейнберг 1986, 47]. История, может быть, и началась в Шумере, но там и тогда писцы по образу мышления были весьма далеки от позднейшей историографии [Крамер 1965, 47]. Для шумеров и вавилонян прошлое было «передним», т. е. к нему человек обращен лицом, в то время как будущее мыслилось находящимся за спиной [Антонова 1984, 194; Вейнберг 1986, 70]. Двигаясь в будущее спиной вперед, о развитии не помыслишь; да и не было в мифологическом мышлении подходящих для этого средств и условий.

Первобытное общество

Первобытное / примитивное / мифологическое мышление нередко сравнивают с детским, и здесь, действительно, можно проследить явные параллели [Мелетинский 2000, 164, 173]. Согласно Ж. Пиаже, детская речь паратактивна: «и» в ней заменяет «потому что», соположение преобладает над подчинением. Детскому мышлению причинно-следственные объяснения и логические обоснования не свойственны, оно синкретично, а не синтетично (и не аналитично). Вместо дедукции и индукции у ребенка преобладает трансдукция, он рассуждает не от общего к частному и не от частного к общему, а от единичного к единичному и от специального к специальному. При этом синкретизм и паратактивность есть две стороны одного явления: если все связано со всем, то ничто ни с чем не связано [Пиаже 1994, 232–237, 333–334, 367–368]. Аналогично в мифологическом мышлении унитивность предполагает аддитивность: здесь господствует принцип «всё есть всё», причем это «всё» представляет собой конгломерат отдельных независимых друг от друга единиц. С одной стороны, все вещи единосущны / консубстанциальны, они не только могут превращаться во все иные, но и есть все эти иные в одно и то же время и в одном и том же отношении. Предмет и символ, часть и целое, земля и небо, жизнь и смерть, лицо и орудие, субъект и объект есть одно и то же [Леви-Брюль 1937, 128, 172; Лосев 1957, 12–13, 54, 150, 212, 401]. С другой стороны, мир представляет собой не систему, а сумму, и отражение его в сознании человека организовано так же. Связность вещей и явлений при этом есть не более чем смежность: миф антикаузален, это система представлений с антикаузальной конструкцией, где отсутствует причинно-следственное построение [Фрейденберг 1998, 24, 57].

В первобытном обществе, если ты родился, то это еще не свидетельствует ни о том, что ты действительно родился, ни о том, что родился действительно ты. С одной стороны, рождение часто понимали как реинкарнацию, когда новорожденного представляли как вновь родившегося умершего, и его принимали за такого возвращенца, предпринимая специальные меры для того, чтобы определить, кто именно вернулся [Пронн 1976, 215, 240]. С другой стороны, не только новорожденного, но и двух-трехлетнего и даже пяти-шестилетнего ребенка могли относить к категории вещей, рассматривая как воду, рыбу и т. п., и только номинация – наречение именем – наделяла его личностью [Шпилов 2022, 159]. Это еще не всё: часто в течение жизни человек сменял несколько имен, то есть несколько личностей, и всякий раз новая сущностно отличалась от прежней. Наконец, становление человеком в полном смысле этого слова предполагает социализацию посредством одной или нескольких инициаций, которые осмысляются «как ликвидация старого состояния и новое начало, смерть и новое рождение» [Мелетинский 2000, 226]. Предполагалось, что во время обряда иницируемый умирал (его поглощали, пожирали разные чудовища, сжигали, варили, жарили, разрубали на части и т. п.) и затем он воскресал уже новым человеком. При подобных обрядах несложно было погибнуть на самом деле, так как инициация включала в себя длительные голодовки, истязания, пытки, членовредительство, принятие ядов, телесный контакт с труппами, иногда каннибализм и пр. В результате иницируемый

мог приходиться в умоисступление, терять память, забывать дом, родителей, собственное имя и тем самым убеждаться в том, что он умер и вернулся другим человеком; со своей стороны, родители и окружающие тоже делали вид, что не узнают его, что он другой человек с другим именем [Пропн 1946, 43–44, 74–85, 120–121].

Какое все это имеет отношение к развитию? Самое отрицательное и даже исключительное. Чтобы развиваться, нужно прежде всего быть собой, а если всё есть всё, то ничто не есть ничто. Быть – это отличаться от иного синхронно и от себя диахронно, не отличаясь от иного диахронно и от себя синхронно; отличаясь от иного, отождествляешь себя с собой, отличаясь от себя, отождествляешь себя с иным. Здесь не так: и синхронно, и диахронно всё есть всё, а одно не есть одно. Если человек и общество слабо отличаются от других, но сильно отличаются от себя, то чему/кому здесь развиваться? Объект не отделен от других, субъект разделен на другие, и нет того, что менялось бы, оставаясь собой. Кроме того, не способствовала развитию как идея и слабость причинно-следственного мышления. Конечно, развитие как явление материально-технической и вообще культурной сферы в собственно и условно первобытном обществе присутствовало; кумуляция, дифференциация, интеграция, рост, расширение, улучшение и пр., что попадает под категорию развития, происходили, но чрезвычайно медленно, так что изменения были несопоставимы со сроками жизни человека, одного или нескольких поколений. Поэтому развитие не замечали, его не рефлексировали и тем более не считали ценностью и целью. Д.Л. Эверетт, проживший много лет среди индейцев пираха, замечает, что «у нас, в индустриальной культуре, успех хотя бы частично приравнивается к постоянному прогрессу орудий и техники. Но у пираха такого прогресса нет, и они его не хотят» [Эверетт 2016, 94].

Чтобы развиваться, для начала нужно существовать, но в наиболее примитивных мифологиях у существования нет начала. Точнее сказать, у наиболее примитивных племен, таких как каробы, дайери, арунта, космогонический миф просто отсутствует как таковой: всё существующее мыслится существующим всегда, всё происходящее происходит само собой [Шахнович 1971, 118–122]. Д.Л. Эверетт свидетельствует, что, несмотря на все усилия, ему не удалось обнаружить у пираха мифов о сотворении мира [Эверетт 2016, 145]. Согласно Б. Малиновскому, тробрианцы, широко практиковавшие магию, последнюю не воспринимали как сотворенную или изобретенную, а мыслили существующей всегда и неизменно [Малиновский 2004, 395–399; Малиновский 2015, 74, 138].

В примитивных обществах если даже представления о космогенезе, равно как о антропо-, социо- и культурогенезе наличествуют, то идея развития в них отсутствует. У тех же тробрианцев люди вышли из-под земли, где вели существование, во всех деталях подобное дальнейшему земному; всю культуру они принесли с собой готовой, будь то орудия, навыки, украшения, обычаи или законы [Малиновский 2004, 307; Малиновский 2015, 109–111]. Если происхождение чего- или кого-либо не автогенетическое, то культурные герои и демиурги не производят и тем паче не модифицируют эти блага (огонь, свет, вода, злаки, производственно-магические приемы и т. п.), они их добывают – находят, похищают, перемещают – в готовом виде (в этом, как считается, находит свое выражение специфика присваивающего хозяйства); лишь иногда им приходится доделывать полуфабрикат, например заготовки первых людей в виде личинок или кусков дерева [Мелетинский 1968, 166–167, 232].

Коль в мифе что-то или всё произошло, оно не склонно к изменению и тем более к развитию. Мифологические (частью и сказочные) вещи и люди, будучи рожденными / созданными/произведенными, мгновенно приходят в состояние полной готовности, чтобы перманентно пребывать в нем: пальмы или ореховые деревья вырастают и начинают плодоносить за несколько часов, младенцы становятся взрослыми за несколько дней [Леви-Брюль 1937,

321–322, 427, 487]. Если мифологические реалии изменяются, то при этом они не развиваются от одного состояния к другому, а превращаются, метаморфируют друг в друга, и это скорее флуктуации, чем направленное движение [Леви-Брюль 1937, 321; Лосев 1957, 12; Мелетинский 2000, 48]. Последнее появляется только в позднем эсхатологическом мифе, выступающем своего рода инверсией космогонического, но в конечном счете это чаще всего цикл, где за возвратом в хаос следует новый космос, и если развитие подразумевает необратимость изменения, то это не развитие [Мелетинский 2000, 73–74, 154–155, 224]. «Мы видели, что идея исторического развития остается совершенно чуждой этим первобытным существам, – замечает Л. Леви-Брюль о людях примитивных обществ. – Тем больше оснований для отсутствия у них идеи прогресса. <...> Каково бы ни было развитие их цивилизации, идея прогресса их даже не задевает» [Леви-Брюль 1937, 326–327].

* * *

Насколько идея исторического развития, идея прогресса задевает нас? Насколько развитие остается целью и ценностью, и каковы его перспективы как идеи и факта в ближайшем, среднесрочном, отдаленном будущем? Вопросительные знаки здесь стоят неспроста, так как ситуация видится не столь однозначной, как могло бы показаться на первый взгляд. Развитие как наблюдаемый факт и осознаваемая идея есть не традиция, а новация по большей части двух-трехвековой давности, что составляет менее полутора сотых процента истории человечества на Земле.

Перспективы демографического и экономического роста как по объективным причинам, так и вследствие целенаправленной деятельности различных групп, партий и движений начинают выглядеть неопределенными. К тому же в последние десятилетия все чаще предметом обсуждения становятся феномены реархаизации социальных практик и ремифологизации общественного сознания, в силу чего постмодерн все более уподобляется премодерну. Представляется, что результатом тотального внедрения телекоммуникационных технологий и повсеместного распространения «зеленой повестки» может стать не только замедление темпов экономического роста, но и остановка социального прогресса. Как относиться к этому? Вопрос остается открытым. Может быть, настало время задуматься о возможных альтернативах развитию?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Антонова Е.В. (1984) Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука. 264 с.

Antonova E.V. (1984) *Oчерки kul'tury drevnih zemledel'cev Perednej i Srednej Azii. Opyt rekonstrukcii mirovospriyatija* [Essays on the culture of ancient farmers of Western and Central Asia. The experience of world perception reconstruction]. Moscow: Nauka. 264 p. (In Russ.).

Бернал Дж. (1956) Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы. 735 с.

Bernal J. (1956) *Nauka v istorii obshhestva* [Science in History]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 735 p. (In Russ.).

Блок М. (1973) Апология истории. М.: Наука. 230 с.

Blok M. (1957) *Harakternye cherty francuzskoj agrarnoj istorii* [The original characters of French rural history]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 314 p. (In Russ.).

Бродель Ф. (1992) Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс. 679 с.

Braudel F. (1992) *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremja mira* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 3: The Perspective of the World]. Moscow: Progress. 679 p. (In Russ.).

Вейнберг И.П. (1986) Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 208 с.

Vejnberg I.P. (1986) *Celovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka* [Man and Culture in the Ancient Orient]. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka». 208 p. (In Russ.).

Вико Д. (1994) Основания новой науки. М.–Киев: REFL-book – «ИСА». 656 с.

Vico D. (1994) *Osnovanija novoj nauki* [The New Science]. Moscow–Kyiv: «REFL-book» – «ISA». 656 p. (In Russ.).

Виноградов В.В. (1999) История слов. М.: Институт русского языка РАН. 1138 с.

Vinogradov V.V. (1999) *Istorija slov* [History of words]. – Moscow: Institut russkogo jazyka RAN. 1138 p. (In Russ.).

Гиббон Э. (1994) История упадка и крушения Римской империи. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура». 526 с.

Gibbon E. (1994) *Istorija upadka i krushenija Rimskoj imperii* [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. Moscow: Izdatel'skaja grupa «Progress», «Kul'tura». 526 p. (In Russ.).

Гуревич А.Я. (1972) Категории средневековой культуры. М.: «Искусство». 318 с.

Gurevich A.Ja. (1972) *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo. 318 p. (In Russ.).

Гуревич А.Я. (1990) Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство. 396 с.

Gurevich A.Ja. (1990) *Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvujushhego bol'shinstva* [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo. 396 p. (In Russ.).

Жизнь Никколо Макьявелли (1993). СПб.: Лениздат. 413 с.

Zhizn' Nikkolo Mak'javelli [Life of Niccolo Machiavelli] (1993). St. Petersburg: Lenizdat. 413 p. (In Russ.).

Кессиди Ф. (2003) От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя. 360 с.

Kessidi F.H. (2003). *Ot mifa k logosu* [From myth to logos]. St. Petersburg: Aletejja. 360 p. (In Russ.).

Крамер С. (1965) История начинается в Шумере. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 256 с.

Kramer S. (1965) *Istorija nachinaetsja v Shumere* [History Begins at Sumer]. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka». 256 p. (In Russ.).

Ле Гофф Ж. (1992) Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия. 376 с.

Le Goff J. (1992) *Civilizacija srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. Moscow: Izdatel'skaja grupa Progress, Progress-Akademija. 376 p. (In Russ.).

Леви-Брюль Л. (1937) Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ. 533 с.

Lévy-Bruhl L. (1937) *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow: OGIZ. 533 p. (In Russ.).

Лосев А.Ф. (1957) Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз. 617 с.

Losev A.F. (1957). *Antichnaja mifologija v ee istoricheskom razvittii* [Ancient mythology in its historical development]. Moscow: Uchpedgiz. 617 p. (In Russ.).

Лосев А.Ф. (1977) Античная философия истории. М.: Наука. 206 с.

Losev A.F. (1977) *Antichnaja filosofija istorii* [Ancient philosophy of history]. Moscow: Nauka. 206 p. (In Russ.).

Лосев А.Ф. (2000) История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Издательство АСТ; Харьков: Фолио. 624 с.

- Losev A.F. (2000) *Istorija antichnoj jestetiki. Rannjaja klassika* [History of ancient aesthetics. Early Classic]. Moscow: Izdatel'stvo AST; Har'kov: Folio. 624 p. (In Russ.).
- Малиновский Б. (2004) Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 552 с.
- Malinovski B. (2004) *Izbrannoe: Argonavty zapadnoj chasti Tihogo okeana* [Selected: Argonauts of the Western Pacific]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). 552 p. (In Russ.).
- Малиновский Б. (2015) Магия, наука и религия. М.: Академический проект. 298 с.
- Malinovski B. (2015) *Magija, nauka i religija* [Magic, Science and Religion and Other Essays]. Moscow: Akademicheskij projekt. 298 p. (In Russ.).
- Мелетинский Б.М. (2000) Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 407 с.
- Meletinskij B.M. (2000) *Pojetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 407 p. (In Russ.).
- Мелетинский Е.М. (1968) «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука. 364 с.
- Meletinskij E.M. (1968) *«Jedda» i rannie formy jeposa* [«Edda» and early forms of epic]. Moscow: Nauka. 364 p. (In Russ.).
- Мокир Дж. (2014) Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Издательство Института Гайдара. 504 с.
- Mokyr J. (2014) *Rychag bogatstva. Tehnologicheskaja kreativnost' i jekonomicheskij progress* [The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 504 p. (In Russ.).
- Нисбет Р. (2020) Прогресс: история идеи. М.; Челябинск: Социум. 558 с.
- Nisbett R. (2020) *Progress: istorija idei* [History of the Idea of Progress]. Moscow; Cheljabinsk: Socium. 558 p. (In Russ.).
- Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. III. (2010). М.: Мысль. 692 с.
- Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. T. III* (2010) [New Encyclopedia of Philosophy: In 4 volumes. Vol. III]. Moscow: Mysl'. 692 p. (In Russ.).
- Пиаже Ж. (1994) Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс. 528 с.
- Piaget J. (1994) *Rech' i myshlenie rebenka* [The Language and Thought of the Child]. Moscow: Pedagogika-Press. 528 p. (In Russ.).
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Press. 592 p. (In Russ.).
- Померанц К. (2017) Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Издательский дом «Дело». 592 с.
- Pomeranz K. (2017) *Velikoe rashozhdenie: Kitaj, Evropa i sozdanie sovremennoj mirovoj jekonomiki* [The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Global Economy]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo». 592 p. (In Russ.).
- Пропп В.Я. (1946) Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ. 340 с.
- Propp V.Ja. (1946) *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad: LGU. 340 p. (In Russ.).
- Пропп В.Я. (1976) Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука. 330 с.
- Propp V.Ja. (1976) *Fol'klor i dejstvitel'nost'. Izbrannye stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow: Nauka. 330 p. (In Russ.).
- Руссо Ж.Ж. (1998) Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-пресс, Кучково поле. 416 с.
- Rousseau J-J. (1998) *Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty* [The Social Contract. Treatises]. Moscow: Kanon-press, Kuch-kovo pole. 416 p. (In Russ.).
- Тюрго А.Р. (1937) Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 187 с.

Turgot A.R. (1937) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Writings]. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo. 187 p. (In Russ.).

Тюрго А.Р. (1961) Избранные экономические произведения. М.: Издательство социально-экономической литературы. 198 с.

Turgot A.R. (1961) *Izbrannye jekonomicheskie proizvedeniya* [Selected Economic Writings]. Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoy literatury. 198 p. (In Russ.).

Фрейденберг О.М. (1998) Миф и литература древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 800 с.

Frejdenberg O.M. (1998) *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 800 p. (In Russ.).

Шахнович М.И. (1971) Первобытная мифология и философия. Л.: Наука. 240 с.

Shakhnovich M.I. (1971) *Pervobytnaja mifologija i filosofija* [Primitive Mythology and Philosophy]. Leningrad: Nauka. 240 p. (In Russ.).

Шипилов А.В. (2022) До и после современности. М.: Прогресс-Традиция. 240 с.

Shipilov A.V. (2022) *Do i posle sovremennosti* [Before and After Modernity]. Moscow: Progress-Tradiciya. 240 p. (In Russ.).

Щербак А.Н. (2023) Первый блин комом: почему не случилась модернизация в Древнем Риме? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 38 с.

Shherbak A.N. (2023) *Pervyj blin komom: pochemu ne sluchilas' modernizacija v Drevnem Rime?* [The first pancake is lumpy: why didn't modernization happen in Ancient Rome?] St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 38 p. (In Russ.).

Эверетт Д.Л. (2016) Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: Издательский Дом ЯСК. 384 с.

Everett D.L. (2016) *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indejcev amazonskih dzhunglej* [Don't Sleep, There Are Snakes. Life and Language in The Amazonian Jungle]. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK. 384 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Шипилов Андрей Васильевич, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, экономики и социально-экономических дисциплин Воронежского государственного педагогического университета. Адрес: 394043, Россия, Воронеж, ул. Ленина, д. 86. E-mail: andshipilo@yandex.ru

About the author

Andrey V. Shipilov, Doctor of Sciences (Culturology), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University. Address: 394043, 86, Lenina st., Voronezh, Russia. E-mail: andshipilo@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 20.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 02.12.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024

Оригинальная статья / Original article

Экологическая критика капитализма: главный козырь левых или «яблоко раздора»?

© Д.А. ДАВЫДОВ

Давыдов Дмитрий Александрович, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), davydovdmityriy90@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7978-9240

Оценены перспективы экологической критики капитализма, которая стала наиболее важной и актуальной частью дискурса для многих левых теоретиков. Они считают, что экологический кризис обнажает наиболее уязвимые стороны капиталистической системы, а также ставит перед человечеством выбор между катастрофой и социал-демократическими преобразованиями или социалистической революцией. Представлена критика точки зрения, согласно которой экологический кризис может объединить левые политические силы в борьбе за посткапиталистическое будущее. Напротив, можно говорить о том, что актуализация экологических тематик способствует появлению новых расколов среди левых теоретиков. Рассмотрен один из наиболее примечательных подобных расколов: между сторонниками «зеленого» роста (авторами проектов «зеленых новых курсов») и идеологами дероста / построста. Полемика между ними свидетельствует о внутренней противоречивости попыток сочетать классовую борьбу со стремлением максимально сохранить природу. Сложная ситуация, с которой сегодня столкнулось человечество, требует мучительного выбора между материальным благополучием максимального количества людей и сохранением природы. Иными словами, попытки поставить экологическую критику капитализма во главу угла левой политической теории приводят лишь к неразрешимым ценностным противоречиям. В такой ситуации консенсус среди всего разнообразия левых теоретиков не представляется возможным.

Ключевые слова: посткапитализм, капитализм, марксизм, постмарксизм, энвайронментализм, дерост, построст, экосоциализм, глобальное потепление, Зеленый новый курс

Цитирование: Давыдов Д.А. (2024) Экологическая критика капитализма: главный козырь левых или «яблоко раздора»? // Общественные науки и современность. № 1. С. 19–31. DOI: 10.31857/S0869049924010021, EDN: RVJAAX

Environmental Criticism of Capitalism: The Main Trump Card of the Left or an Apple of Discord?

© D. DAVYDOV

Dmitriy A. Davydov, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia), davydovdmitriy90@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7978-9240

Abstract. The prospects of ecological criticism of capitalism, which has become the most important and relevant for many left-wing theorists, are assessed. These theorists believe that the ecological crisis exposes the most vulnerable features of the capitalist system and puts humanity in front of a choice between catastrophe and social democratic transformations (or a socialist revolution). The point of view, according to which the ecological crisis can give the left-wing political forces grounds to unite in the struggle for a post-capitalist future, is criticized. On the contrary, it can be said that the actualization of environmental topics contributes to the new splits among left-wing theorists. One of the most notable splits is considered: between the proponents of green growth (and the authors of the Green New Deal projects) and the ideologues of degrowth/post-growth. The polemic between them testifies to the internal inconsistency of attempts to combine class struggle with the desire to preserve nature as much as possible. The difficult situation that humanity is facing today requires a painful choice between the material well-being of the maximum number of people and the preservation of the natural environment and “non-human beings”. In other words, attempts to put ecological criticism of capitalism at the forefront of leftist political theory would only lead to insoluble value contradictions, which makes a consensus among all the variety of leftist theorists impossible.

Keywords: post-capitalism, capitalism, marxism, postmarxism, environmentalism, degrowth, postgrowth, ecosocialism, global warming, Green New Deal

Citation: Davydov D. (2024) Environmental Criticism of Capitalism: The Main Trump Card of the Left or an Apple of Discord? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 19–31. DOI: 10.31857/S0869049924010021, EDN: RVJAXX (In Russ.)

Экологическую критику капитализма, которая апеллирует к проблемам глобального потепления, загрязнения окружающей среды и возможного «шестого массового вымирания» животных и растений планеты, сегодня можно назвать самым убедительным и риторически безотказным аргументом противников капитализма. В последнее время для левых «зеленый аргумент» стал «kozyрем в рукаве» на случай, если ни один другой довод в споре с консерваторами, республиканцами и другими сторонниками капитализма не сработает. Так, в одной из последних книг видного левого философа С. Жижек красной нитью через весь текст проходит тема надвигающихся экологических бедствий. «Вызовы, стоящие перед нами, – пишет он, – от глобального потепления до беженцев, цифрового контроля и биогенетических манипуляций, требуют глобальной реорганизации наших обществ» [*Жижек 2022*, 58–59]. На первое место автор выводит глобальное потепление, при этом он не упоминает проблему экономической эксплуатации, которая также требует «глобальной реорганизации». Некоторые исследователи добавляют экологические общественные проблемы в предметное поле интересекционального анализа. Формируется идея «зеленой» интересекциональности, что позволяет осмыслить пересечение различных систем эксплуатации и угнетения (по «критериям» класса, гендера, расы, сексуальности и т. д.) и капиталистического насилия над природой и «нечеловеческими существами» [*Thomas 2022*].

Левые рассматривают экологические аргументы как самые весомые в критике капитализма как такового, но также считают их частью некоего коллективного идейного проекта,

который объединяет разные антикапиталистические движения (рабочие, феминистские, антирасистские и т. д.). Участниками борьбы за решение экологических планетарных проблем могут быть самые разные субъекты: от прекариата до квир-сообщества или представителей «покоренных» и угнетаемых коренных народов. «Выживание планеты и условия, делающие ее пригодной для жизни, – пишет Ш. Муфф – это цель, которая касается большого количества людей, а также различных движений с разнородными требованиями» [Mouffe 2022, 51].

В данной статье будут проанализированы проблемы «зеленого» аргумента против капитализма. Вместо того, чтобы стать набором идей, которые объединяют единомышленников, энвайронменталистские дискурсы все чаще противостоят не столько капитализму, сколько друг другу. Споры о ценностях и приоритетах возникают перед лицом суровой реальности, которая неизбежно требует жертв. Данное противоречие проблематично для левых политических традиций, которые всегда опирались на концепцию эгалитарного и/или «изобильного» посткапиталистического будущего. Как бы разные авторы ни пытались совместить идею борьбы за интересы бедных и рабочего класса с различными «зелеными» перспективами, ценности защиты окружающей среды неизбежно вступают в противоречие со стремлением к материальному благополучию наибольшего количества людей на Земле.

«Зеленый» рост vs. концепции дероста

В рамках данной статьи нет необходимости углубляться в суть экологических проблем, которые и так обсуждают повсеместно: глобальное потепление, массовое вымирание и депопуляция биологических видов, обезлесение, закисление океанов и т. д. По главной из них (глобальное потепление, вызванное эмиссией CO₂ и других парниковых газов) сложился устойчивый научный консенсус. Основная дискуссия идет уже не о ее наличии, а о темпах и возможных ее последствиях. Знаменитый физик Л. Краусс [Krauss 2021] и другие авторы предоставили доступный и очевидный набор данных, оспаривать которые не имеет смысла. Глобальное потепление происходит, его основная причина – сжигание ископаемого топлива и промышленное сельское хозяйство / животноводство. Его последствия могут быть крайне неприятными или даже катастрофическими, однако до сих пор неясно, когда конкретно эта катастрофа может наступить и при каких условиях. Диапазон возможных негативных сценариев глобального потепления широк: от повышения уровня моря до более частых засух и наводнений.

Резонно, что экологическая проблематика сегодня столь актуальна. Рыночный «хаос» уже давно считается одной из самых критикуемых черт капитализма. В нынешней ситуации данная особенность представляется опасной, т. к. рыночная экономика, настроенная на рост ВВП, игнорирует многочисленные экстерналии, а финансовализация нацеливает производителей на мимолетные выгоды. Если учитывать мифологию о всевластии энергетических компаний и лоббистов добычи ископаемого топлива, то общая ситуация может показаться идеальным штормом: при бездействии произойдет катастрофа, а значит, единственная альтернатива – укрощение капитализма или ускоренный переход к посткапитализму.

Тем не менее, как уже было отмечено, несмотря на актуальность экологических проблем, среди левых политических теоретиков мало единства даже по самым общим тематическим вопросам. «Зеленая» проблематика не столько объединяет различные левые движения, сколько добавляет новые противоречия, из-за которых возникают идейные расколы.

Политические разногласия среди левых никого не удивляют. Многочисленные направления, которые придерживаются данной идеологии, различаются представлениями о средствах и желаемых целях, их сторонники опираются на разные социальные силы.

Современные левые, акцентирующие внимание на экологической критике капитализма, придерживаются диаметрально противоположных взглядов на то, каким образом будет достигнуто состояние экологической «устойчивости». Среди них есть реформисты и радикалы, социал-демократы / социалисты, анархисты и т. д. Однако разногласия среди «зеленых» теоретиков порождены не только разным видением способов достижения цели. Принципиальные ценностные расхождения между ними делают консенсус труднодостижимым, если не невозможным.

Можно выделить две условные группы авторов, которые критикуют капитализм с экологической точки зрения.

В первую группу сторонников «зеленого» роста входят авторы вроде Дж. Рифкина [Рифкин 2014] и Р. Фюкса [Фюкс 2016]. Они полагают, что решение экологических проблем не противоречит капитализму и/или экономическому росту (развитию). Многие из представителей этой группы считают, что при «зеленом» росте капитализм придется трансформировать. Также для решения экологических проблем потребуется восстановить былую силу государства всеобщего благосостояния (инициативы вроде «Зеленого нового курса»). Однако экологическая повестка может быть встроена в модернистскую логику дальнейшего роста и развития. Сторонники «зеленого» роста предлагают перестать вкладываться в добычу ископаемого топлива, ввести налог на эмиссию CO₂, срочно инвестировать в «зеленую» энергетику (создание солнечных и ветряных электростанций). Данные действия со временем станут рентабельными (или возможно уже стали в отдельных случаях), что одновременно решит две проблемы: обеспечения доступной энергии и сохранения окружающей среды.

Среди авторов данного направления есть свои оптимисты и пессимисты, рьяные критики капитализма и те, кто просто выступает за глубокие реформы. Р. Хендерсон придерживается умеренных взглядов, согласно которым забота об окружающей среде не противоречит капиталистической логике накопления. В настоящее время тысячи компаний не ставят перед собой цели повышения финансовой прибыльности – бизнесу будет сложно зарабатывать, если прибрежные мегаполисы уйдут под воду.

По мнению Р. Хендерсона, капитализм нужно реформировать: постепенно менять финансовую систему; вводить новые рейтинги, которые позволят оценивать инвестиции не по критерию дальнейшей прибыльности, а по социальной ответственности принимаемых решений; организовать «корпорации общественных благ», которые будут совмещать получение прибыли с достижением общественного блага; инвестировать в солнечную энергетику, которая уже дает больше рабочих мест в США, чем угольная, атомная и ветряная отрасли вместе взятые. Автора этих идей обнадеживают те факты, что молодые поколения (в частности миллениалы) готовы жертвовать материальными благами ради заботы об окружающей среде, а предприниматели несут издержки, когда обществу становится доступной информация об их потогонных или «грязных» производствах. Исследователь приводит примеры выгодных инвестиций в устойчивые производства, считая, что зачастую основным препятствием к достижению поставленных целей выступает лишь стремление к быстрой финансовой отдаче без учета будущих выгод [Хендерсон 2021].

Многие критики не разделяют оптимизма таких авторов, как Р. Хендерсон. Определенный скепсис может вызывать и анекдотический стиль аргументации, в рамках которого рассмотрены лишь положительные примеры, в то время как концентрация CO₂ в атмосфере продолжает расти. Стало быть, необходимы более радикальные инициативы. Так, на фоне экологических протестов, связанных, в частности, с популярностью известной активистки Г. Тунберг, в 2019 г. член палаты представителей США А. Окасио-Кортес (штат Нью-Йорк) и сенатор Э. Марки (штат Массачусетс) внесли в Конгресс проект «Зеленого

нового курса», программа которого предусматривает снижение выбросов CO₂ к нулю до 2030 г., создание рабочих мест в «зеленой энергетике», значительные инвестиции в инфраструктуру (например, строительство скоростных железных дорог) и модернизацию зданий, расширение сетей общественного транспорта, переход к устойчивому сельскому хозяйству и борьбу с экономическим неравенством населения.

Конгресс США отклонил законопроект, однако документ поднял большую волну дискуссий. В 2020 г. ЕС одобрил стратегию Европейской комиссии в области изменения климата, цель которой – сделать Европу «нулевым» источником выбросов парниковых газов к 2050 г. Кроме того, многие известные авторы (в том числе Н. Кляйн [Klein 2019], Н. Хомский [Chomsky, Pollin 2020] и Дж. Рифкин [Rifkin 2019]) призывали поддержать «Зеленый новый курс» в многочисленных книгах и статьях [Prakash, Girgenti 2020; Pettifor 2019].

Большая часть разработанных в результате данной волны «зеленых новых курсов» представляют собой социал-демократические проекты урегулирования экологического кризиса. С ними связаны отсылки к старому «Новому курсу» Ф.Д. Рузвельта, выполнение которого обеспечило ручное управление капиталистической экономикой и стало ответом на вызовы экономического неравенства. Предполагается, что «Зеленый новый курс» позволит разрешить и другие кризисы капитализма: совместить борьбу за «зеленую» экономику с искоренением «плохих» (нестабильных, прекарных) рабочих мест и созданием «хороших» (актуальный ответ на автоматизацию и роботизацию производства). «Зеленый новый курс» предлагают сочетать с другими действиями, включая борьбу за всеобщее бесплатное здравоохранение, доступное образование, массовое строительство социального жилья и др. [Calhoun, Fong 2022]. Американский исследователь Р.А. Уокер считает, что данный проект должен включать в себя государственные программы по созданию рабочих мест (Корпус общественного здравоохранения, Корпус образования и т. п.), которые будет финансировать государство за счет повышения налогов на богатство, прогрессивных корпоративных налогов, а также налогов на наследство, прирост капитала, имущество (недвижимость) и подоходных налогов [Walker 2022].

Помимо социал-демократических инициатив вроде «Зеленого нового курса», существуют и более радикальные предложения. Так, представители немецкой партии Die Linke («Левые») Б. Риксингер, Л. Беккер, К. Даме и К. Кайндл написали книгу «Левый новый зеленый курс». Уже в ее названии авторы намекают, что все остальные подобные концепции недостаточно левые. Немецкие публицисты акцентируют внимание на необходимости поддерживать профсоюзы, повышать заработную плату и создавать новые рабочие места не только в промышленном производстве, железнодорожной и транспортной сферах, но и в сфере услуг. Авторы принципиально не согласны развивать сотрудничество с глобальными корпорациями, так как последние преследуют цель перераспределения богатства [Riexinger, Becker, Dahme, Kaindl 2021].

Данная работа демонстрирует ограниченность идеи «зеленого» роста. Чем больше ее сторонники говорят о рабочем классе, экономическом неравенстве и новых рабочих местах, тем меньше внимания они акцентируют на экологии. В книге представителей Die Linke экологическая тематика играет скорее роль актуальной повестки, нежели темы, которая требует глубокого анализа. Строительству железных дорог, инвестициям в общественный транспорт, отказу от личного транспорта и постепенному отказу от угля (не упоминая нефть и газ) к 2030 г. они посвящают лишь несколько страниц. Проявляется глубинное противоречие: любой экономический рост подразумевает еще и решение многочисленных социальных проблем, что требует огромных материальных вложений (от инвестиций в «зеленую энергетiku» до повышения зарплат, строительства новых домов, школ, больниц и др.), которые неизбежно влекут за собой загрязнение окружающей среды и/или дополнительную эмис-

сию CO₂. Оптимистические концепции «зеленого» роста все чаще критикует другая группа теоретиков и общественных деятелей, которая придерживается идеи дероста.

Нельзя сказать, что концепции дероста (degrowth) или построста (postgrowth)¹ не имеют точек пересечения со стратегиями «зеленого» развития. Их приверженцы также преимущественно нацелены на критику капитализма или на построение посткапиталистического общества (в большинстве версий – экосоциализма). Некоторые теоретики «зеленого» роста также выступают за сокращение вредных производств и отказ от определенных моделей потребления (например, от личных автомобилей). Однако у сторонников концепций дероста вызывает скепсис идея одновременно обеспечить экономический рост и решить экологические проблемы. Согласно теоретикам дероста, невозможно спасти планету без экономических жертв. Основные потери в этом процессе должны понести т. н. страны Глобального Севера (промышленно развитые государства), которые несут наибольшую историческую ответственность за выбросы CO₂. Последователи дероста считают строительство солнечных и ветряных электростанций и переход к электромобилям и другим видам электротранспорта эффективными способами борьбы за «зеленое» будущее.

Как отмечают исследователи француз В. Лижеи и австралийка А. Нельсон, сегодня экономический рост опережает возможности по разворачиванию солнечных батарей и ветряных турбин. «Мы, – пишут авторы, – ведем битву, которую обречены проиграть» [*Liegey, Nelson 2020*, 16]. По их мнению, заменить ископаемые источники энергии возобновляемыми невозможно, поскольку при добыче, производстве, транспортировке, техническом обслуживании и утилизации последних все равно используют нефть, а для их создания и эксплуатации необходима технологически сложная и дорогая инфраструктура [*Ibid*].

Американский писатель П. Гелдерлоос критикует стратегии роста в духе «зеленых новых курсов» и «зеленую энергетику», которая, по его мнению, «добавит новые разрушительные инфраструктуры для улавливания и хранения углерода, спровоцирует войны и перевороты в отношении меди, лития и кобальта и создаст многотриллионный рынок земли – поглотителей углерода, площадок для производства ветряной и фотоэлектрической энергии, биотоплива – что станет похоронным звоном для мелких фермеров, крестьян и общин коренных народов во всем мире» [*Gelderloos 2022*, 157–158]. Антрополог Дж. Хиккель ссылается на данные Всемирного банка 2017 г., согласно которым для достижения нулевого уровня выбросов (не считая гидроэнергетики, геотермальной энергии и атомной энергии) потребуется 34 млн тонн меди, 40 млн тонн свинца, 50 млн тонн цинка, 162 млн тонн алюминия и не менее 4,8 млрд тонн железа. Добыча неодима должна возрасти на 35%, по сравнению с нынешним уровнем, добыча серебра – в два раза. Спрос на индий как минимум утроится. Чтобы сохранять накапливаемую энергию, нужны огромные батареи, или еще 40 млн тонн лития (увеличение на 2700%, по сравнению с текущим уровнем добычи).

Данные подсчеты касаются только энергодобычи, а не транспортных средств. Прогнозируемая замена мирового парка в 2 млрд автомобилей потребует взрывного роста добычи редкоземельных и других химических элементов: глобальная ежегодная добыча неодима и диспрозия возрастет еще на 70%, ежегодная добыча меди увеличится более чем в два раза, кобальта – почти в четыре раза. Как отмечает исследователь, добыча полезных ископаемых стала одной из причин обезлесения, разрушения экосистем и утраты биоразнообразия во всем мире. Выработка отдельных ресурсов приводит к локальным экологическим катастрофам уже сейчас (так, для производства одной тонны лития требуется 500 тыс. галлонов воды). Картина становится вовсе катастрофической, если учитывать

¹ Термин «построст» относится к жизни вне и после парадигмы экономического роста. Термин «дерост» теснее связан с экологическими проблемами, хотя в данном случае понятийные границы условны.

будущий рост: поддержание прогнозируемого роста мировой экономики будет означать удвоение общего глобального запаса солнечных панелей, ветряных турбин и аккумуляторов каждые тридцать или сорок лет [Hickel 2020].

Соответственно, сторонники дероста призывают радикально сокращать потребление (особенно в развитых странах), а также создавать новые модели производства и распределения экономических благ. Идеологи данной концепции критикуют ВВП как нерелевантный показатель развития, который учитывает финансовые спекуляции, капитал, сконцентрированный в руках «1%», огромное количество «мусорной» и бесполезной работы и др.

Японский философ К. Соито, ссылаясь на экологические заметки К. Маркса и его концепцию «метаболического разрыва», показывает, что поздний Маркс порвал со своим оптимистическим прометеанством и симпатизировал крестьянским общинам (в частности, поменял отношение к России и к российскому «крестьянскому социализму»). Согласно интерпретации Соито, коммунизм как постдефицитное будущее без экономического роста мог обеспечить сокращение «царства необходимости» и расширение «царства свободы» без обязательного увеличения производительных сил. Продуктивистское отрицание естественных пределов в будущем обществе, по его мнению, абсолютно несовместимо с планетарными границами, которые существуют независимо от воли человека. Другими словами, благосостояние или богатство обществ стоит измерять не большим количеством производимых товаров и их денежным выражением, а, скорее, постоянным развитием людей, наиболее полным раскрытием их возможностей. В некоторых секторах, как считает Соито, производство нужно улучшать, а не расширять, так как многие важные отрасли недостаточно развиты при капитализме. Данный процесс потребует перераспределения средств в пользу образования, работы в сфере услуг, искусства, спорта и общественного транспорта [Saito 2023]. Британский экономист Т. Джексон утверждает, что люди не становятся счастливее, когда ВВП на душу населения растет выше 20 тыс. долл. Наоборот, многие недуги людей происходят от изобилия (ожирение, связанная со стрессом от работы депрессия и т. д.). Люди в развитых странах недостаточно физически активны, что в совокупности со стрессом и ожирением приводит к диабету, повышенному кровяному давлению, проблемам с дыханием, болям в спине и суставах, а также повышает риск слабоумия. Для истинного счастья людям нужно не так уж и много: хорошее питание, достаточное количество воды, физические упражнения, защита от непогоды. В условиях построста следует больше внимания уделять спорту, ремеслам, творческой деятельности, социальным взаимодействиям, романтическим отношениям и созерцательным практикам (медитация и др.). Все должно замедлиться, а промышленное производство желательно максимально заместить ремеслом [Jackson 2021].

Британский философ К. Сопер вовсе пытается убедить читателей, что минимализм представляет собой иную форму гедонизма. Минимизация потребления должна принести удовольствие, потому что она означает меньше работы и больше свободного времени, которое можно потратить на культурные и развлекательные мероприятия. По мнению исследователя, антипотребительская этика и политика должны апеллировать не только к альтруистическому состраданию и заботе об окружающей среде (как в случае со справедливой торговлей и этическим шопингом), но и к эгоцентрическому удовлетворению от жизни. Автор также призывает к ремесленному труду, который позволяет уделять больше внимания деталям, вынуждает лично участвовать и контролировать сам процесс созидания какого-либо продукта. Медленные путешествия (в частности, отказ от самолетов, которые выбрасывают огромное количество парниковых газов) позволяют наслаждаться полями и живыми изгородями, реками и холмами, деревьями и городами. Вместо массового использования автомобилей К. Сопер предлагает использовать больше вело-

сипедов и велорикш (будет меньше аварий, а езда на велосипеде полезна). Совместное использование инструментов, гаджетов и техники (шеринг) освобождает место, снижает трудозатраты, связанные с очисткой и ремонтом.

Несмотря на то, что Сопер пытается говорить с потребителями на их языке («зеленый» гедонизм – тоже гедонизм), она не исключает принудительных ограничений: «первоочередной задачей будет сдерживание производства товаров и услуг, которые наносят наибольший ущерб планете (дороги, автостоянки, взлетно-посадочные полосы, загородные супермаркеты, а также быстро устаревающие и выбрасываемые товары)» [Soper 2020, 164].

Учитывая сказанное выше, может возникнуть впечатление, что теоретики дероста нашли золотую середину. Однако такое совмещение порождает дополнительные противоречия.

Энвайронментализм vs. человечество?

Основное достоинство (совмещение заботы об окружающей среде с гедонизмом) концепций дероста одновременно служит их главной уязвимостью. Сторонники дероста хотят одновременно быть левыми и поддерживать людей, испытывающих материальные трудности в ситуациях, когда решение социальных вопросов для всех сразу неизбежно повлечет за собой огромные экологические издержки. Соответственно, эта концепция неприемлема как для многих левых, которые ставят социальные проблемы рабочих и бедных во главу угла, так и для более радикальных защитников окружающей среды.

В вопросе защиты окружающей среды концепцию дероста отличает некая непоследовательность. Как было отмечено выше, ее теоретики считают, что «зеленая» энергетика угрожает окружающей среде. Однако они не спешат полностью отказываться от нее. Ни один из упомянутых выше авторов не называет инвестиции в солнечную энергетiku или ветряные электростанции бесполезными. Согласно концепции, они имеют место быть, но в меньшем объеме.

Более того, теоретики дероста постоянно говорят о прогрессивных изменениях, которые неминуемо потребуют материальных затрат. В частности, они поддерживают идею перераспределять доходы и богатства от 1% наиболее богатых в пользу остальных 99%. Подобные действия якобы позволят улучшить жизнь очень многих людей даже без экономического роста. Однако эти благие с социальной точки зрения шаги могут иметь последствия для окружающей среды. Богатые обычно хранят свои накопления в виде денежных средств в банках или в виде предметов роскоши вроде произведений искусства. Получив данные ресурсы, беднейшие слои населения будут тратить их на загрязняющие природу вещи: покупать дома, бытовую технику, мебель, автомобили и прочие материальные ценности (за цену одной Lamborghini можно купить больше 50 автомобилей модели LADA Granta, но производство одной Lamborghini не подразумевает в 50 раз больше выбросов CO₂).

Некоторые авторы призывают богатые страны сокращать производство и потребление, а бедные – увеличивать. Дж. Хиккель, к примеру, рассматривает кейс Коста-Рики, ВВП на душу населения которой составляет примерно 22 тыс. долл. (по ППС). В то же время страна демонстрирует один из лучших показателей субъективного благополучия и продолжительности жизни [Hickel 2020]. Однако чем обернется для природы или вымирающих видов достижение таких показателей в Индии или в беднейших странах Африки (где тоже придется строить свою «зеленую» энергетiku, что приведет к занятию огромных пространств и «токсичной» добыче редкоземельных металлов)? Разумеется, данные потери можно пытаться компенсировать сокращением потребления в развитых странах. Тем не менее при подобном раскладе глобальное потепление, вероятнее всего, продолжится теми же темпами (богатые страны сократят выбросы, а бедные – нарастят).

Следует учитывать и широкий охват различных социальных мер, которые сторонники дероста предлагают внедрять в развитых странах. Как считает Дж. Хиккель, «мы должны следить за тем, чтобы заработная плата оставалась достаточной для того, чтобы люди жили хорошо» [*Ibid*, 180]. В. Лижеи и А. Нельсон предлагают выплачивать всем безусловный доход (средства, позволяющие не работать и удовлетворять т. н. «базовые потребности»), который также должен дополнять растущую сферу социальных услуг (медицинские и связанные с ними вспомогательные услуги должны быть бесплатными) [*Liegey, Nelson 2020*]. К. Соито убежден, что в коммунистическом будущем расширится доступ к образованию, работе по уходу за людьми, искусству, спорту и общественному транспорту [*Saito 2023*]. Однако наивно считать, что эти сферы деятельности будут исключительно углеродно-нейтральными и не будут нести никаких экологических издержек. Строительство новых школ и университетов, больниц и поликлиник, хосписов, домов престарелых (их техническое оснащение и содержание, а также производство лекарств и медицинской аппаратуры), культурных учреждений и спортивных объектов требуют значительных затрат. Развитие «зеленого» общественного транспорта до необходимого уровня в мировых масштабах (при условии отказа от личных автомобилей) и вовсе потребует колоссальных вложений.

Иными словами, чтобы придерживаться левой стороны политического спектра, теоретики дероста просто не могут не жертвовать природой ради решения социальных проблем человечества. Однако их рецепты процветания вряд ли будут по нраву всем бедным и социально уязвимым гражданам. Можно согласиться с доводом о том, что ВВП не всегда верно отражает рост реального благосостояния всех людей. Тем не менее экономический рост все же важен для человеческого счастья и благополучия, особенно если он не порождает слишком сильного экономического неравенства. Вернемся к примеру Коста-Рики. По данным Our World in Data, в 2019 г. Коста-Рика опережала по уровню субъективного благополучия (self-reported life satisfaction) США, Японию и Италию. Однако уже в 2021 г. страна утратила свои передовые позиции и сравнялась с Румынией и Косовом. В то же время развитые европейские социал-демократии (Финляндия, Дания, Нидерланды, Норвегия, Швеция и т. д.) по данному критерию находятся в значительно более выгодном положении, и они в этом смысле стабильны. Более того, есть вопросы и к тому, насколько уровень субъективного благополучия отражает реальное благосостояние. Культура может побуждать людей быть чрезмерно оптимистичными. К примеру, в 2014 г. по уровню субъективного благополучия от Коста-Рики незначительно отставала Мексика – страна с сильным социальным неравенством, огромным количеством бедных и высоким уровнем преступности. В 2021 г. Мексика в соответствующих рейтингах занимала более высокие позиции, чем Япония².

Действительно, в Коста-Рике наблюдается достаточно высокая средняя продолжительность жизни – 80,26 лет (по данным ООН). Тем не менее страна занимает в списке лишь 46 место. На первых местах государства с очень высоким ВВП на душу населения: Монако (87,01), Япония (84,95), Лихтенштейн (84,77), Швейцария (84,38) и т. д.³ Можно ли считать замедление роста призывом к странам с высоким уровнем субъективного благополучия и продолжительности жизни отказаться от них и «спуститься» к уровню Коста-Рики?

По всей видимости, сторонники идеи дероста именно это и имеют в виду. Исследователь М. Эйл, к примеру, считает, что отказ от капиталистической организации здра-

² Self-reported life satisfaction vs. GDP per capita, 2022. Our World in Data. (<https://ourworldindata.org/grapher/gdp-vs-happiness?time=latest>).

³ Life Expectancy by Country 2024. World Population Review. (<https://worldpopulationreview.com/country-rankings/life-expectancy-by-country>).

вохранения и медицинского образования приведет к появлению более качественной и наукоемкой системы здравоохранения. Но как такое развитие сочетается с деростом? Эйл сразу дает ответ: бесплатное всеобщее здравоохранение должно быть сосредоточено на питании, профилактике и первичной помощи, т.е. институт медицины должен перейти от высокотехнологичной медицинской помощи (которая увеличивает «капиталоемкость» медицины) к народной медицине (о ней действительно часто пишут сторонники дероста) и полезному питанию. Возможно, «капиталоемкую» медицину будет попросту некому осваивать, ведь Эйл предлагает сократить рабочую неделю до 20 часов (при одновременном повышении минимальной заработной платы в пять раз и более). Логичны его дальнейшие слова о том, что, «возможно, более активное и заинтересованное в природе население будет и более голодным» [Ajl 2021, 123].

П. Гелдерлоос призывает закрыть все нефтяные и газовые скважины как можно быстрее за исключением случаев, когда это приведет к голоду. По его мнению, в будущем дероста основными формами промышленного производства будут лекарства и предметы медицинского назначения, текстиль и детали машин, но и их будут производить в гораздо меньших объемах (большинство фабрик будут работать всего пару дней в неделю) [Gelderloos 2022]. Известный своими призывами «взрывать нефтепроводы» шведский климатический активист А. Мальм пишет, что никто, богатый или бедный, не имеет права на выбросы, поскольку они должны быть сведены к нулю в кратчайшие сроки. Оправдывает свое мнение он довольно спорным утверждением о том, что скоро возобновляемые источники энергии станут дешевле повсеместно [Malm 2021] (причиной удешевления станет не только развитие технологий, но и эксплуатация дешевой рабочей силы в Китае).

По мнению В. Лижеи и А. Нельсон, ограничение роста – это приглашение признать лимиты окружающей среды строгим условием существования для любого биологического вида, человека и общества. В частности, они критикуют большие траты на медицину, т.к. нужно просто смириться с фактом смертности человека: «средний француз тратит большую часть своего бюджета на здравоохранение в последний год своей жизни. Не является ли такой подход к здоровью симптомом эмоциональной незрелости в том смысле, что он указывает на отрицание смертных ограничений?» [Liegey, Nelson 2020, 41–42]. Также они предлагают людям ограничивать себя во всем. К примеру, авторы распределяют траты на одного человека следующим образом: 15 кг мяса в год, 20 л молока в год, 70 л воды в день, 3 часа интернета в неделю, 1 печатная газета в день для 50 человек и т.д. [Ibid]. В другой своей работе А. Нельсон рисует «утопическое» будущее, где деньги отменены, а общество дробится на анархические сообщества – экотаты. Существование в них больше похоже на жизнь сельских общин XIX в., нежели на то, что привычно ассоциируют со словом «коммунизм». В экотатах процветает ручной, ремесленный труд и запрещены даже посудомоечные машины (которые, как известно, экономят воду) [Nelson 2022].

Ограничения, которые предлагают сторонники дероста, разнообразны. Так, недавно известность получила идея полуземли американского биолога Э.О. Уилсона. Автор считает, что людям стоит покинуть половину Земли и оставить ее природе, что позволит сохранить биологическое разнообразие и избежать глобального потепления [Wilson 2017]. Американские энвайронменталисты Т. Веттез и Д. Пендерграсс развили эту мысль и предложили концепцию полуземного социализма, в рамках которого также необходимо перейти к плановой экономике и отказаться от употребления в пищу мяса (животноводство – один из крупнейших источников выбросов CO₂ и метана) [Vettese, Pendegrass 2022]. Данные концепции продолжают идею дероста и доводят ее до некоего логического завершения. Однако их критикуют другие теоретики дероста, которые указывают, что «освобождение» половины Земли от людей означает выселение коренных народов, а также потерю доходов

и источников существования для бедных жителей «третьего мира» в результате повсеместного веганства [Ajl 2021].

Такие противоречия неизбежны, поскольку между направлениями возникает ценностный конфликт. Некоторые энвайронменталисты могут считать основной проблемой само существование человечества. В конце концов, приоритизация сохранения максимального количества биологических видов несовместима с благополучием людей. Заинтересованность в дальнейшем процветании человечества, численность и материальные потребности которого еще долго будут расти, неизбежно вступает в конфликт с интересами и ценностями таких защитников природы, как Э. Колберт. Публицист посвятила целую главу одной из своих книг драматической борьбе за сохранение рыбок *Suprinodon Diabolis*, ареал обитания которых составляет буквально несколько квадратных метров [Колберт 2023]. Сколько же таких видов будет уничтожено, если максимальное количество людей перестанет голодать и начнет процветать?

По другую сторону интеллектуальных баррикад (в оппозиции как деростерам, так и идеологам «зеленого» роста) располагаются оптимистически настроенные гуманисты, в том числе американский журналист М. Шелленбергер [Shellenberger 2020] и датский автор Б. Ломборг [Lomborg 2020]. Они считают, что политические активисты и журналисты существенно преувеличивают масштабы грядущей экологической катастрофы. Для решения экологических проблем они призывают строить больше атомных и газовых электростанций (сжигание газа выделяет в атмосферу значительно меньше CO_2 , чем угля и нефти) вместо ветряных или солнечных. По мнению гуманистов, лучше подождать, пока численность населения Земли не стабилизируется в результате демографического перехода, так как дерост или слишком активный «зеленый» рост создадут больше проблем и обойдутся людям дороже (и не факт, что позволят снизить радикально эмиссию CO_2), нежели адаптация к потеплению. Данная перспектива также подразумевает природные жертвы в результате роста населения и глобального потепления, однако приоритет здесь отдается материальным интересам бедных. Примечательно, но большинство левых крайне негативно смотрят на таких критиков «зеленого алармизма», то есть более консервативные авторы оказываются в какой-то степени «левее» них. В конце концов, резонные вопросы вызывает тот факт, что в США при президенте Дж. Байдене «вся внутренняя и внешняя политика, а также политика безопасности должны строиться вокруг проблемы, существование которой не до конца доказано, причины не полностью выявлены и эффекты, возможно, проявятся лет через 80 (по модельным прогнозам, достоверность как минимум сомнительна)» [Рогинко 2021, 54–55].

С предложениями сторонников дероста вряд ли будут согласны многие люди, испытывающие самые банальные материальные проблемы (не говоря уже о миллионах работников «грязной» энергетики и промышленного производства, чьи перспективы при сценарии дероста становятся туманными). В конце концов, дерост словно заставляет людей смириться с брэнностью существования в то время, когда технический прогресс и экономический рост могли бы облегчить их боль и страдания и сделать их более счастливыми.

Заключение

Главный вывод, который стоит сделать из сказанного выше, заключается в том, что левые вряд ли смогут объединиться перед масштабными вызовами экологических проблем. Напротив, наблюдается серьезный ценностный разрыв между традиционными приоритетами левых (материальное благополучие возможно большего количества людей) и стремлением максимально сохранить природу и видовое разнообразие «нечеловеческих

существ». В рамках данного противоречия просто невозможен какой-либо «оптимальный консенсус». Напротив, авторы различных левых экологических концепций лишь больше конфликтуют друг с другом по мере конкретизации и детализации собственных идей.

Перед левыми встает прагматический выбор между людьми и не-людьми. Разумеется, благополучие людей также зависит и от благополучия планеты. Однако пока полемика между различными направлениями говорит о нарастающем ценностном конфликте (если не сказать антагонизме) между теми, для кого важнее всего решение материальных проблем бедных и социально уязвимых, и теми, кому здоровье и относительное благополучие позволяют занимать аскетическую позицию и считать более приоритетным сохранение насекомых, рыб или птиц, а не людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Жижек С. (2022) Небеса в смятении. М.: Издательство АСТ. 320 с.
- Žižek S. (2022) *Nebesa v smiatenii* [Heaven in Disorder]. Moscow: Izdatel'stvo AST. 320 p. (In Russ.).
- Колберт Э. (2023) Под белым небом: Как человек меняет природу. М.: Альпина нон-фикшн. 240 с.
- Kolbert E. (2023) *Pod belym nebom: Kak chelovek meniaet prirodu* [Under a White Sky: The Nature of the Future]. Moscow: Alpina. 240 p. (In Russ.).
- Кондрашов П.Н. (2022) Миф о прометеевстве Карла Маркса: анализ и критика // Антиномии. № 1 С. 7–43. DOI: 10.17506/26867206_2022_22_1_7
- Kondrashov P.N. (2022) Mif o prometeanstve Karla Marksa: analiz i kritika [The Myth of Karl Marx's Prometheanism: Analysis and Criticism]. *Antinomii*. no. 1, pp. 7–43. DOI: 10.17506/26867206_2022_22_1_7 (In Russ.).
- Рифкин Дж. (2014) Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир. М.: Альпина нон-фикшн. 410 с.
- Rifkin J. (2014) *Tret'ia promyshlennaiia revoliutsiia. Kak gorizonta'nye vzaimodejstviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir* [The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World]. Moscow: Alpina. 410 p. (In Russ.).
- Рогинко С.А. (2021) Климатический поворот Америки // Общественные науки и современность. № 2. С. 53–65. DOI: 10.31857/S086904990014921-5
- Roginko S. (2021) Klimaticheskii' povorot Ameriki [America's Climate Turn: Goals and Means]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 53–65. DOI: 10.31857/S086904990014921-5 (In Russ.).
- Фюкс Р. (2016) Зеленая революция. Экономический рост без ущерба для экологии. М.: Альпина нон-фикшн. 330 с.
- Fücks R. (2016) *Zelenaiarevoliutsiia. Ekonomicheskii' rost bez ushcherba dlia ekologii* [Green Revolution. Economic Growth without Harming the Environment]. Moscow: Alpina non-fiction. 330 p. (In Russ.).
- Хендерсон Р. (2021) Капитализм в огне. Как сделать эффективную экономическую систему человеческой. М.: БФ «Нужна помощь». 360 с.
- Henderson R. (2021) *Kapitalizm v ogne. Kak sdelat' effektivnuiu ekonomicheskuyu sistemu chelovechnoi* [Reimagining Capitalism in a World on Fire]. Moscow: BF «Nuzhna pomoshch'». 330 p. (In Russ.).
- Ajl M. (2021) A People's Green New Deal. London: Pluto Press.
- Calhoun C., Fong B. (2022) Introduction // In: The Green New Deal and the Future of Work. Ed(s): Calhoun C., Fong B. New York: Columbia University Press. Pp. 1–20.
- Chomsky N., Pollin R. (2020) Climate Crisis and the Global Green New Deal: The Political Economy of Saving the Planet. New York: Verso. 192 p.
- Gelderloos P. (2022) The Solutions Are Already Here: Strategies for Ecological Revolution from Below. London: Pluto Press. 256 p.

- Hickel J. (2020) *Less is More: How Degrowth Will Save the World*. London: William Heinemann. 336 p.
- Jackson T. (2021) *Post Growth: Life after Capitalism*. Cambridge: Polity. 256 p.
- Klein N. (2019) *On Fire: The (Burning) Case for a Green New Deal*. New York: Simon & Schuster. 320 p.
- Krauss L.M. (2021) *The Physics of Climate Change*. London: Head of Zeus. 208 p.
- Liegey V., Nelson A. (2020) *Exploring Degrowth: A Critical Guide*. London: Pluto Press.
- Lomborg B. (2020) *False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet*. New York: Basic Books. 320 p.
- Malm A. (2021) *How to Blow Up a Pipeline*. New York: Verso. 208 p.
- Mouffe C. (2022) *Towards A Green Democratic Revolution: Left Populism and the Power of Affects*. New York: Verso. 96 p.
- Nelson A. (2022) *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy*. Pluto Press: London. 232 p.
- Pettifor A. (2019) *The Case for the Green New Deal*. New York: Verso. 208 p.
- Prakash V., Girgenti G. (2020) *Winning the Green New Deal: Why We Must, How We Can*. New York: Simon & Schuster. 384 p.
- Riexinger B., Becker L., Dahme K., Kaindl C. (2021) *A Left Green New Deal: An Internationalist Blueprint*. New York: Monthly Review Press. 146 p.
- Rifkin J. (2019) *The Green New Deal: Why the Fossil Fuel Civilization Will Collapse by 2028, and the Bold Economic Plan to Save Life on Earth*. New York: St. Martin's Press. 304 p.
- Saito K. (2023) *Marx in the Anthropocene: Towards the Idea of Degrowth Communism*. Cambridge: Cambridge University Press. 300 p.
- Shellenberger M. (2020) *Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All*. New York: Harper. 432 p.
- Soper K. (2020) *Post-Growth Living: For an Alternative Hedonism*. New York: Verso. 240 p.
- Thomas L. (2022) *The Intersectional Environmentalist: How to Dismantle Systems of Oppression to Protect People + Planet*. New York: Voracious. 208 p.
- Vettese T. and D. Pendergrass (2022) *Half-Earth Socialism: A Plan to Save the Future from Extinction, Climate Change and Pandemics*. New York: Verso. 240 p.
- Walker R.A. (2022) *From the New Deal to the Green New Deal // In: The Green New Deal and the Future of Work*. Ed(s): Calhoun C., Fong B. New York: Columbia University Press. Pp. 23–52.
- Wilson E.O. (2017) *Half-Earth: Our Planet's Fight for Life*. New York: Liveright. 272 p.

Информация об авторе

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

About the author

Dmitriy A. Davydov, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of RAS). Address: 16, Sofia Kovalevskaya st., Ekaterinburg, Russia, 620219. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию/Received: 30.05.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 27.12.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ EUROPEAN SECURITY

Оригинальная статья / Original article

Оборонное планирование НАТО В НОВЫХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

© С.К. ОЗНОБИЩЕВ, В.А. КЛИМОВ

Ознобищев Сергей Константинович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), serko96@gmail.com. ORCID: 0000-0002-1623-8529

Климов Василий Александрович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), vasily-klimov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6910-1075

Представлен анализ военно-политических предпосылок текущей трансформации Североатлантического альянса (НАТО). Ухудшение отношений между Россией и государствами – членами НАТО получило новый стимул с началом боевых действий на Украине, которые сопровождаются массовыми поставками западных систем вооружений Киеву. В результате в НАТО началась реконфигурация всей системы принятия военно-политических решений и оборонного планирования. Североатлантический альянс возвращается к своей первоначальной миссии – противодействию советской, а затем и российской «угрозе». В то же время НАТО декларативно не выступает стороной вооруженного конфликта на Украине. Проанализированы реакция и действия НАТО в связи с украинским кризисом и началом специальной военной операции (СВО), в том числе планы руководства альянса на будущее. Отмечено, что ряд процедур и требований в системе оборонного планирования альянса в краткосрочной и среднесрочной перспективе были упрощены. Детально рассмотрен и схематично представлен полный цикл оборонного планирования НАТО, дан прогноз его дальнейшей эволюции.

Ключевые слова: отношения Россия – НАТО, военное противостояние, европейская безопасность, холодная война, контроль над вооружениями, оборонное планирование НАТО, специальная военная операция (СВО)

Цитирование: Ознобищев С.К., Климов В.А. (2024) Оборонное планирование НАТО в новых военно-политических условиях // Общественные науки и современность. № 1. С. 32–45. DOI: 10.31857/S0869049924010032, EDN: RUWGCF

NATO Defense Planning under New Military and Political Conditions

© S. OZNOBISHCHEV, V. KLIMOV

Sergey K. Oznobishchev, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), serko96@gmail.com. ORCID: 0000-0002-1623-8529

Vasily A. Klimov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vasily-klimov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6910-1075

Abstract. An analysis of the military and political preconditions for the current transformation of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) is presented. The deterioration of relations between Russia and NATO member states, which accelerated with the outbreak of hostilities in Ukraine accompanied by massive supplies of Western weapons systems to Kiev, launched the reconfiguring of the entire system of military and political decision-making and defense planning process in NATO. The alliance is returning to its original mission – countering the “Russian threat” (formerly Soviet), despite the fact that NATO is not declaratively a party to the armed conflict in Ukraine. NATO’s reaction and actions in connection with the Ukrainian crisis and the start of the Special Military Operation (SMO), including the plans of the alliance’s leadership for the future, are analyzed. The simplification of a number of procedures and requirements in the defense planning system of the organization in the short and medium term are noted. The full cycle of NATO defense planning is examined in detail and schematically presented, and a forecast of its further evolution is given.

Keywords: Russia-NATO relations, military confrontation, European security, crisis, Cold War, arms control, NATO defense planning, special military operation (SMO)

Citation: Oznobishchev S.K., Klimov V.A. (2024) NATO Defense Planning under New Military and Political Conditions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 32–45. DOI: 10.31857/S0869049924010032, EDN: RUWGCF (In Russ.)

* * *

Начало специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. заметно ухудшило отношения между Москвой и Западом/НАТО, которые в итоге оказались отброшены к грани холодной войны, а во многих отношениях эту грань преодолели. В качестве примера можно указать, что в последние десятилетия холодной войны стороны активно вели переговоры по ограничению и сокращению вооружений, несмотря на любые внешние обстоятельства. Сейчас же этот процесс разрушен практически во всех направлениях.

Тем временем деградация контроля над вооружениями продолжается. Жертвами этой опасной тенденции стали основополагающие соглашения: Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и Договор по открытому небу (ДОН).

Все более неопределенной представляется судьба российско-американского Договора по сокращению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3). Москва «приостановила» свое участие в нем в связи с тем, что недавние действия США «подорвали основополагающие принципы, на которых зиждется договор и которые изложены в пре-

амбуле». В создавшейся ситуации Россия, выражая «готовность сохранять установленные в договоре потолки стратегических наступательных вооружений», представляет свое решение «не более чем жестом доброй воли»¹. Отечественные эксперты все чаще критикуют и такие фундаментальные соглашения, как многосторонний Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

В то же время для НАТО новая ситуация стала «привычным» повторением не слишком «хорошо забытого старого» – многолетней конфронтации, противостояния с Москвой и опасных военных кризисов периода холодной войны. Современная фаза конфликта поставила перед руководством НАТО вопрос о необходимости обновить механизм принятия военно-политических решений, а также совершенствовать снижающую свою эффективность в новой военно-политической обстановке систему оборонного планирования. В настоящем исследовании проанализированы предпосылки и содержание начатых под влиянием обострения отношений между Россией и Западом изменений в системе оборонного планирования НАТО.

Военно-политические предпосылки оборонного планирования НАТО в современных условиях

24 февраля 2022 г., сразу же после экстренного заседания Североатлантического совета в связи с началом СВО, генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил на пресс-брифинге, что в Европе начата «война такого масштаба и такого типа, которые, как мы думали, остались в истории»². Было объявлено, что «действия России представляют серьезную угрозу евроатлантической безопасности»³.

Й. Столтенберг напомнил, что «основная задача НАТО – защита и оборона всех союзников», когда «нападение на одного будет расцениваться как нападение на всех»⁴. В связи с произошедшим «Североатлантический совет принял решение ввести в действие» планы обороны⁵. В частности, по словам генсека НАТО, альянс в ответ на действия России планирует развернуть «дополнительные оборонительные сухопутные и военно-воздушные силы в восточной части Североатлантического союза, а также дополнительные морские силы и средства»⁶. Был взят курс на повышение уровня готовности сил НАТО до реагирования «на все непредвиденные ситуации»⁷.

Если в начале украинского кризиса некоторые страны Запада поставляли вооружения на Украину «в личном качестве», то с началом СВО координирующую роль взяла на себя НАТО. Специально созданная «контактная группа» (которая к 2023 г. уже насчитывала 54 участника) провела несколько встреч в штаб-квартире НАТО, а в апреле 2022 г. перенесла свои практически ежемесячные заседания на американскую военную базу

¹ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова информационному агентству ТАСС. 28 марта 2023 г. (<https://tass.ru/interviews/17388143?from=teaser>).

² Пресс-брифинг Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга после экстренного заседания Североатлантического совета. Организация Североатлантического договора. 22 февраля 2022 г. (https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_192408.htm?selectedLocale=ru).

³ Заявление Североатлантического совета о нападении России на Украину. Организация Североатлантического договора. 24 февраля 2022 г. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_192404.htm?selectedLocale=ru).

⁴ Пресс-брифинг Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга (сноска 3).

⁵ Заявление Североатлантического совета о нападении России на Украину (сноска 4).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

«Рамштайн» в ФРГ. Подобные действия демонстрировали «внеблоковый» статус поставок вооружений Украине: формально государства поставляют вооружения в индивидуальном качестве.

Вовлеченность Запада в украинский конфликт можно охарактеризовать как «ползучую эскалацию». Нарастают и поставки вооружений: если весной 2022 г. Украина получила лишь несколько десятков противотанковых ракетных комплексов (ПТРК) Javelin, то к настоящему времени Киеву направляют широкую номенклатуру наступательных вооружений: танки, боевые бронированные машины, ракеты, дальнебойные артиллерийские системы, минометы, системы ПВО. Участники «встреч Рамштайн» и вне этого формата обсуждают передачу Украине современных истребителей четвертого поколения F-16 (табл. 1).

Таблица 1

Решения контактной группы по поставкам оружия на Украину

Table 1

Decisions of the contact group on arms supplies to Ukraine

Дата	Основные итоги встречи	
26 апр. 2022 г.	«Рамштайн-1»	Выделение помощи на 5 млрд долл.
23 мая 2022 г.	«Рамштайн-2»	Договоренность о наращивании поставок артиллерии калибра 155 мм
15 июня 2022 г.	«Рамштайн-3»	Передача гаубиц M777, ракет для HIMARS, ракет Harpoon, Brimstone
20 июля 2022 г.	«Рамштайн-4»	Союзники договорились обеспечить обучение украинских военных и ремонт техники
8 сент. 2022 г.	«Рамштайн-5»	США объявили о поставках противорадиолокационных ракет HARM, ФРГ – о поставках зенитных установок Gepard
12 окт. 2022 г.	«Рамштайн-6»	Впервые было объявлено о передаче Украине систем ПВО NASAMS, IRIS-T, Hawk
16 нояб. 2022 г.	«Рамштайн-7»	ФРГ подтвердила поставки дополнительных систем РСЗО, Польша – ПВО ближнего действия
20 янв. 2023 г.	«Рамштайн-8»	Обсуждение возможности поставок танков, в частности немецких Leopard
14 фев. 2023 г.	«Рамштайн-9»	Обсуждение поставок боевой авиации; было обещано содействовать Украине в переходе в контрнаступление
15 мар. 2023 г.	«Рамштайн-10»	Девять стран обязались поставить Украине 150 танков Leopard; подтверждены поставки средств ПВО; тему поставок истребителей не обсуждали
21 апр. 2023 г.	«Рамштайн-11»	Достигнуто соглашение о создании в Польше центра по обслуживанию и ремонту танков Leopard; объявлено о начале обучения ВСУ управлению и техническому обслуживанию американских танков M1 Abrams. Государства – члены НАТО подтвердили поддержку воссоединения Украины, но эта тема будет поднята только после «победы над Россией»
25 мая 2023 г.	«Рамштайн-12»	Дания и Нидерланды возглавят коалицию по проведению тренировок для украинских пилотов на истребителях F-16; союзники договорились найти больше возможностей для обеспечения Украины дополнительными системами наземных ПВО

Дата	Основные итоги встречи	
15 июня 2023 г.	«Рамштайн-13»	Стартовало обучение украинских пилотов; утверждено «формирование коалиции, которая позволит в будущем передать Украине F-16». Закупка дополнительных зенитных ракет ПВО для Украины. Согласован «финансовый пакет» помощи от Канады на 500 млн долл., который будет включать в себя поставку более 200 ракет ПВО. Принято решение о передаче дополнительно 14 танков Leopard ⁸ ; Дания выделяет «пакет» долгосрочной военной помощи в размере 2,6 млрд долл.
18 июля 2023 г.	«Рамштайн-14»	Анонсирован «пакет» помощи: от США – на 800 млн долл, включая поставки ракет для ПВО и кассетных боеприпасов, от Германии – на 770 млн долл. с двумя ЗПК Patriot, 25 танками Leopard, 40 БМП Marder и др. Норвегия отправит две пусковые ЗПК NASAMS, Франция предоставит ВСУ дальнобойные ракеты SCALP, Австралия –70 бронемашин
19 сент. 2023 г.	«Рамштайн-15»	Министр обороны США призвал активизировать поставки систем ПВО и объявил, что американские танки Abrams «в ближайшее время» будут отправлены Украине ⁹ . Дания пообещала поставить Украине 30 танков Leopard 1 и 15 танков T-72. Встрече предшествовали заявления об оборонных поставках со стороны Швеции (более 300 млн долл.), Германии (420 млн долл.) и Дании (833 млн долл.)

Источник: *составлено авторами.*

Source: *compiled by the authors.*

Политика и позиция НАТО формировались исходя из нескольких основных постулатов. Во-первых, Брюссель стал однозначно воспринимать Россию как главную угрозу безопасности альянса. Во-вторых, после небольшого замешательства сначала отдельные страны, а потом и вся организация Североатлантического договора взяла курс на самую широкую военно-политическую поддержку Украины. Подобная позиция привела к тому, что альянс балансирует на грани прямого вмешательства в конфликт. В то же время это сопровождается заверениями руководства о том, что «НАТО, союзники по НАТО не являются стороной конфликта»¹⁰.

Именно эти основные постулаты и стали основой конструкции политики НАТО на современном этапе. Эти тезисы в той или иной редакции постоянно декларируются на официальных мероприятиях НАТО и в ходе выступлений отдельных представителей альянса.

Принятая на первом после начала СВО саммите НАТО в Мадриде (29–30 июня 2022 г.) новая Стратегическая концепция стала отражением кардинальных изменений в отношениях с Россией, которая теперь квалифицируется как «наиболее значительная и прямая угроза»¹¹. В предыдущем программном документе альянса такого рода, Стратегической

⁸ Ожидалось, что первые танки из этой партии доставят на Украину в январе 2024 г., а все остальные танки придут в течение 2024 г.

⁹ Конкретные сроки поставок танков названы не были.

¹⁰ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the Informal Meeting of NATO Ministers of Foreign Affairs in Oslo, Norway. NATO. June 1, 2023. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_214995.htm?selectedLocale=en).

¹¹ Стратегическая концепция НАТО 2022 г. НАТО. 29 июня 2022 г. (https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf).

концепции 2010 г., Россию рассматривали в другом ключе – как государство, с которым альянс стремился выстраивать отношения «подлинно стратегического партнерства»¹².

Свое дальнейшее развитие тезис о «российской угрозе» получил на следующем, последнем на данный момент саммите НАТО в Вильнюсе (11–12 июля 2023 г.). В его заключительном документе было отмечено, что перед альянсом стоят две основные угрозы – Россия и терроризм. Для противодействия им необходимо разработать новые «региональные планы обороны». Им, в свою очередь, должна соответствовать и «новая модель построения сил», которая была одобрена в Мадриде в 2022 г.¹³.

«Фактор СВО» и декларируемое альянсом нарастание угрозы со стороны России не могли не способствовать заметным корректировкам в военной структуре НАТО. Растущая военно-политическая напряженность на европейском континенте стала стимулом для повышения уровня «милитаризации» и военной активности альянса. Наряду с разработкой новых региональных планов, государства – члены НАТО взяли на себя обязательства в случае необходимости предоставлять в распоряжение альянса «большой резерв специальных боевых сил, в том числе сил повышенной готовности». По заявлению руководства альянса, для оперативного ответа на возникающие угрозы будут созданы «новые многонациональные силы быстрого реагирования НАТО в различных сферах». Трансформация и наращивание военного потенциала в Европе потребует и внесения корректировок в систему командования и управления НАТО¹⁴.

Будут продолжены и усилия по накоплению военных резервов на континенте: они включают в себя размещение техники и вооружений на отдельных направлениях, а также реорганизацию системы резервных сил в рамках «новой модели». Создается специальный контингент вооруженных сил численностью 300 тыс. человек с «высоким уровнем оперативной готовности»¹⁵. После вступления Финляндии в НАТО предпринимаются усилия по «военному обустройству» ее территории.

На «восточном фланге» альянс планирует развернуть «дополнительные мощные боеготовые силы в местах постоянной дислокации»¹⁶. Боевые батальонные тактические группы планируется в случае необходимости усилить до подразделений уровня бригады. Количество многонациональных боевых групп, развернутых на восточном направлении, удвоят до восьми единиц (ранее в странах Балтии и Польше были развернуты четыре батальонные тактические группы, их общая численность достигала 4,5 тыс. чел.).

Новые военные планы потребуют дополнительного финансирования, которое станет предметом дискуссии внутри НАТО на годы вперед. Напомним, что в 2014 г. на саммите в Уэльсе альянс поставил задачу выделять минимум 2% от ВВП каждой страны – участницы альянса на оборону, данный посыл был затем подтвержден в Вильнюсе. Однако по прошествии почти десяти лет этот процесс идет с трудом. Тем не менее было заявлено,

¹² Активное участие, современная оборона. «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов организации Североатлантического договора». Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. НАТО. 19 ноября 2010 г. (https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm).

¹³ НАТО согласовывает мощный пакет мер для Украины, усиливает сдерживание и оборону. НАТО. 11 июля 2023 г. (https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_217059.htm?selectedLocale=ru).

¹⁴ Заявление по итогам встречи в верхах в Вильнюсе. НАТО. 11 июля 2023 г. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=ru).

¹⁵ Совет НАТО-Украина проводит заседание, посвященное выполнению решений встречи в верхах в Вильнюсе. НАТО. 4 октября 2023 г. (https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_218952.htm).

¹⁶ Активное участие, современная оборона. «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов организации Североатлантического договора». Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. НАТО. 19 ноября 2010 г. (https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm).

что «для внесения вклада в операции, миссии и деятельность НАТО» в некоторых случаях может срочно потребоваться финансирование, превышающее 2% ВВП¹⁷. В очередной раз руководство НАТО подтвердило, что члены альянса остаются «непоколебимыми в обязательстве далее наращивать политическую и практическую поддержку Украины»¹⁸.

Однако руководство альянса до сих пор не предложило Украине официально вступить в блок, чего Киев давно ждет. Вместо этого высокопоставленные представители НАТО лишь обещают, что «члены НАТО будут продолжать поддержку» Украины. Несомненно, одним из основных сдерживающих факторов здесь может быть нежелание НАТО серьезно обострять отношения с Москвой, что неизбежно произойдет в случае вступления Украины в альянс.

В западных странах усиливается критика массовой и в целом практически бесконтрольной помощи Украине, что способствует выдвиганию условий, которые могут замедлить сближение Киева и Брюсселя. Представители альянса заявляют, что «члены НАТО будут продолжать... обзор прогресса Украины в области оперативной совместимости, а также требуемых дополнительных демократических реформ и реформ сектора безопасности». Лишь «когда государства – члены НАТО придут к согласию», что страна соответствует упомянутым критериям, участники альянса смогут «направить Украине приглашение присоединиться к Североатлантическому союзу»¹⁹.

В обещанный Киеву пакет «из трех элементов, направленных на то, чтобы приблизить Украину к НАТО», входит многолетняя программа финансовой помощи, которая должна содействовать переходу украинских вооруженных сил на стандарты НАТО. В рамках этого пакета предполагается также оказание помощи «в восстановлении сектора безопасности и обороны Украины»²⁰.

НАТО не называет точные сроки вступления Украины в альянс. В нынешних условиях, как отмечалось, организация воздерживается от открытой конфронтации с Россией, и можно предположить, что и в обозримом будущем ситуация не изменится. Тем не менее появляются разного рода форматы по «адаптации» Украины к НАТО, в частности новый специальный Совет НАТО – Украина. На прошедшем в октябре 2023 г. заседании было заявлено, что «Украина теперь ближе к НАТО, чем когда-либо»²¹.

Одновременно альянс демонстративно устраняет установленные ранее бюрократические барьеры на пути вступления в свой состав. Например, было «решено отменить требования о наличии Плана действий по подготовке к членству в НАТО, преобразовав тем самым путь вступления Украины в НАТО из двухэтапного в одноэтапный»²².

Несмотря на то, что в последнее время просматривается некоторая «усталость» Запада от масштабной поддержки Украины, пока что следует ожидать продолжения взятого им курса на конфронтацию с Россией, хотя и, возможно, в меньших объемах. Очередным заметным шагом на этом пути явилась подготовка поставок истребителей F-16, которые уже стали причиной нагнетания военно-политической обстановки в восточной части

¹⁷ Заявление по итогам встречи в верхах в Вильнюсе (сноска 15).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Совет НАТО-Украина проводит заседание, посвященное выполнению решений встречи в верхах в Вильнюсе. НАТО. 4 октября 2023 г. (https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_218952.htm).

²² Генеральный секретарь в своем обращении к Контактной группе по обороне Украины: поддержка НАТО будет продолжаться столько времени, сколько потребуется. НАТО. 18 июля, 2023. (https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_217716.htm?selectedLocale=ru).

Европы. Как предупредил министр иностранных дел С.В. Лавров, «сам факт появления подобных систем у Вооруженных сил Украины будет рассматриваться нами как угроза со стороны Запада в ядерной сфере»²³.

Оптимизация оборонного планирования НАТО

«Украинский фактор» вносит определенные коррективы в оборонное планирование НАТО (NATO Defence Planning Process), который призван обеспечить реализацию утвержденных стратегических целей и задач альянса. Он включает ряд последовательных и скоординированных рабочих процедур согласования национальных оборонных программ с целями безопасности в интересах удовлетворения военных потребностей альянса. За несколько основных этапов этого процесса достигается ключевая цель оборонного планирования – согласование усилий государств – членов НАТО «для того, чтобы наиболее эффективным образом обеспечить необходимые силы и средства»²⁴.

В последние годы эффективность работы системы оборонного планирования НАТО ставится под сомнение Международной комиссией аудиторов²⁵. По ее заключению, процесс распределения и выполнения целевых заданий существенно затягивается по причине чрезмерной бюрократизации системы и низкой заинтересованности государств-членов вкладываться в общий оборонный потенциал НАТО²⁶. Однако кардинально изменившиеся реалии европейской безопасности, заданные военно-политическим кризисом на Украине, «создали новый фактор безотлагательности»²⁷ на пути к совершенствованию оборонного потенциала альянса, поскольку теперь «мир нельзя воспринимать как данность»²⁸. Факторы срочности и заблаговременности, традиционно сопутствующие планированию военных действий, уже в ближайшем будущем придадут ускорение процессу оборонного планирования, поскольку ожидается упрощение некоторых его процедур. При этом радикальная трансформация привычного пятиэтапного цикла оборонного планирования пока не планируется (рис. 1).

В начале стандартного цикла планирования Всеобъемлющие политические указания (ВПУ, приняты в 2006 г.)²⁹ корректируют под новую военно-стратегическую обстановку. Последняя редакция политических указаний была проведена в феврале 2023 г. на закрытой части заседания министров обороны стран – членов НАТО. Плановые изменения руководящих принципов обязательно включают в себя «уровень амбиций» НАТО (NATO's Level

²³ Шварцман В. «Это чревато катастрофическими последствиями». Сергей Лавров – о конфликте с НАТО и рисках применения ядерного оружия. Lenta.ru. 12 июля 2023 г. (<https://lenta.ru/articles/2023/07/13/lavrov/>).

²⁴ NATO Defence Planning Process. NATO. March 31, 2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49202.htm).

²⁵ Международная комиссия аудиторов (International Board of Auditors) – независимый контролирующий орган НАТО, который удостоверяется в надлежащем использовании финансовых средств для покрытия утвержденных расходов, а также оценивает эффективность и результативность деятельности, операций и программ НАТО. См.: International Board of Auditors for NATO (IBAN). NATO. August 9, 2023. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_55937.htm?selectedLocale=en).

²⁶ International Board of Auditors for NATO. Performance audit report to Council on the need to improve NATO's capability package process. NATO. (https://www.nato.int/issues/iban/performance_audits/170201-improve-capability-package-process-eng.pdf).

²⁷ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg previewing the extraordinary Summit of NATO Heads of State and Government. NATO. 22 March, 2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_193610.htm).

²⁸ Ibid.

²⁹ Comprehensive Political Guidance Endorsed by NATO Heads of State and Government on 29 November 2006. NATO. November 29, 2006. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_56425.htm).

of Ambition), отражающий в зависимости от политико-стратегических условий количество, масштаб и характер операций, которые альянс способен проводить для нейтрализации существующих и зарождающихся угроз. Очевидно, что в этот раз «уровень амбиций» отражает военную способность альянса реагировать на действия России в случае переноса театра боевых действий на территорию государств – членов НАТО. В основе принятых в 2023 г. политических указаний было несколько основополагающих угроз: распространение терроризма, военно-политические вызовы со стороны Китая и «агрессивное поведение России»³⁰. Все они, в особенности действия России, существенно «изменяют оборонный потенциал [альянса] на долгие годы вперед»³¹.

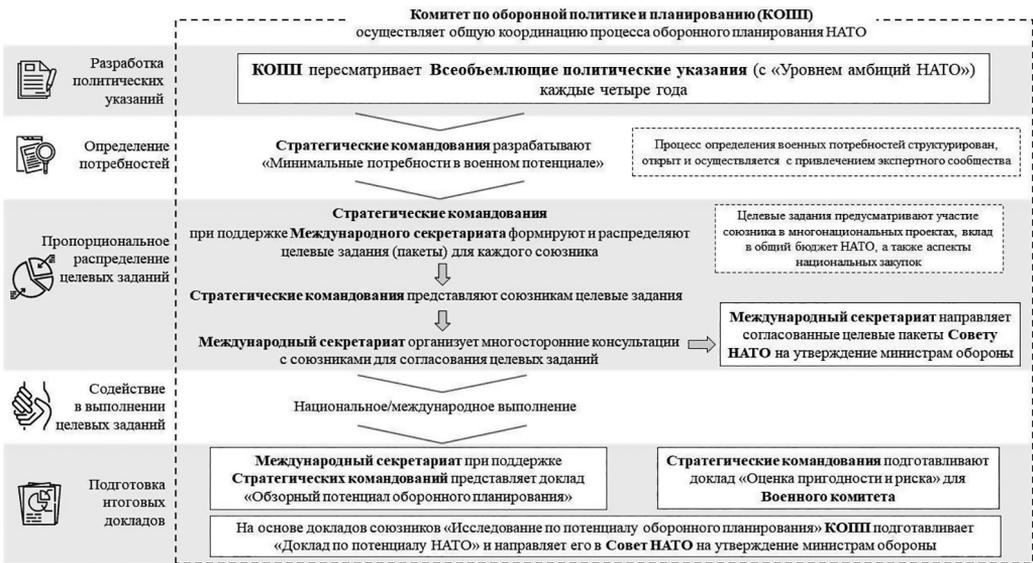

Рисунок 1. Система оборонного планирования НАТО

Figure 1. NATO defence planning system

Источник: *составлено авторами.*
Source: *compiled by the authors.*

Обязательства по общей координации процесса оборонного планирования возложены на специальный консультативный орган Совета НАТО – Комитет по оборонной политике и планированию (Defence Policy and Planning Committee, далее – КОПП). Им руководит помощник генерального секретаря А. Лэпсли. До проведения в июне 2010 г. структурной реформы роль КОПП была заметно слабее – теперь же его функции увеличились, а значимость в системе оборонного планирования возросла. КОПП перенял функции по организации процесса оборонного планирования от Исполнительной рабочей группы и

³⁰ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meetings of NATO Defence Ministers. NATO. February 15, 2023. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_211742.htm).

³¹ Ibid.

Комитета по оборонному обзору³². Помимо общей координации планирования, комитет разрабатывает плановые изменения в политические указания, после чего представляет их министрам обороны государств – членам НАТО для рассмотрения и последующего утверждения.

После выработки политических указаний следует этап определения военных потребностей альянса. С целью получения адекватного и соответствующего сделанным оценкам уровня количественных и качественных параметров Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО Стратегическое командование по операциям (Allied Command Operations) и Стратегическое командование по трансформации (Allied Command Transformation)³³ разрабатывают и направляют государствам-членам документ под названием «Минимальные потребности в военном потенциале» (Minimum Capability Requirements). Документ содержит перечень требуемых военных сил и средств, которые необходимо выделить в распоряжение коалиции. В рамках текущего цикла оборонного планирования данный перечень уже направлен всем государствам – членам альянса для предварительного ознакомления. Очевидно, что эти потребности заметно возросли после начала боевых действий на Украине [Ознобищев 2022].

На следующем, более детальном этапе оборонного планирования Стратегические командования с административной поддержкой Международного секретариата пропорционально распределяют «минимальные потребности» среди государств-участников в форме Согласованных целевых пакетов (Agreed Capability Target Packages) необходимых сил, средств и недостающих ресурсов для формирования военных возможностей альянса. Это распределение проводится с учетом принципа «справедливого распределения затрат», геополитического расположения государств-членов и на основе потребностей в восполнении военных ресурсов, направленных на помощь Украине. В нынешних условиях конфронтации с Россией ожидается, что большая часть «минимальных потребностей» альянса будет возложена на государства восточного фланга НАТО, а именно на Польшу, Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию. К тому же оборонные расходы указанных государств за 2022 г. превысили 2% от ВВП³⁴, чем могут «похвастаться» лишь семь государств – членов НАТО. Ожидается, что вступление Швеции в альянс приведет к тому, что она также станет «надежным и влиятельным союзником в рамках НАТО», который внесет заметный вклад в оборону НАТО с целью «укрепления ее оборонного планирования»³⁵.

Раньше этап определения потребностей и распределения заданий занимал примерно два года. Так, в октябре 2021 г., спустя два года после редакции «политических указаний» в 2019 г., Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг объявил о принятии всеми государствами-членами своих новых целевых пакетов³⁶. Теперь, ввиду срочной необходимости укрепления военного потенциала для противодействия «российской угрозе», Стратегические командования намерены согласовать новые целевые пакеты со всеми союзниками

³² Defence Policy and Planning Committee. NATO. December 10, 2010. (https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_69128.htm).

³³ Стратегическое командование по трансформации возглавляют процесс определения потребностей альянса.

³⁴ Литва (2,47%), Польша (2,42%), Эстония (2,12%), Латвия (2,07%). См.: The Secretary General's Annual Report 2022. NATO. (https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/3/pdf/sgar22-en.pdf#page=49). P. 52. Ожидается, что оборонные расходы Финляндии в 2024 г. составят 2,3 % от ВВП.

³⁵ В Швеции заявили о возможности передачи военных под командование НАТО. Lenta.ru. 4 июля 2023 г. (<https://lenta.ru/news/2023/07/04/sweden/>).

³⁶ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Defence Ministers. NATO. July 29, 2017. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_145385.htm).

уже в 2024 г., таким образом заметно ускорив данный этап оборонного планирования³⁷. После согласования целевые пакеты по каждому государству-участнику утверждает Совет НАТО в составе министров обороны.

Члены Североатлантического альянса наращивают и укрепляют свой военный потенциал в соответствии с обновленными пакетами при помощи специализированных агентств, созданных Советом НАТО для поддержания высокого уровня обороноспособности. Этот этап непрерывен и происходит одновременно с другими этапами оборонного планирования (рис. 2).

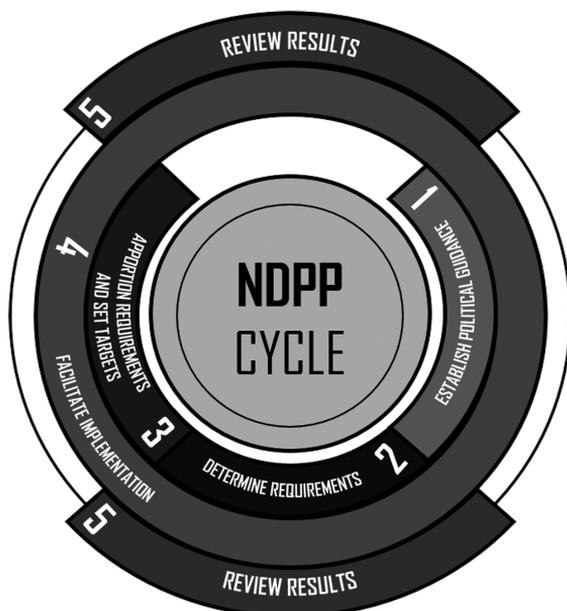

Рисунок 2. Полный цикл оборонного планирования НАТО

Figure 2. Full NATO defense planning cycle

Источник: *Allied Command Transformations Role in the NATO Defence Planning Process*. NATO. 2023. (<https://www.act.nato.int/allied-command-transformations-role-in-the-nato-defence-planning-process/>).

Source: *Allied Command Transformation's Role in the NATO Defence Planning Process*. NATO. 2023. (<https://www.act.nato.int/allied-command-transformations-role-in-the-nato-defence-planning-process/>).

По свидетельству аудиторов НАТО, в некоторых случаях данный цикл чрезмерно затягивается (иногда рекордно – до 11 лет)³⁸. По заключению комиссии аудиторов, весьма длительные сроки разработки, одобрения и осуществления целевых пакетов с периодическими задержками усложняют процесс оборонного планирования. Огляды-

³⁷ NATO Headquarters Hosts Defence Ministers Meeting Ahead of Vilnius Summit. NATO. June 16, 2023. (<https://www.act.nato.int/article/nato-hq-hosts-defence-ministers/>).

³⁸ International Board of Auditors for NATO. Performance audit report to Council on the need to improve NATO's capability package process. NATO. 2016. (https://www.nato.int/issues/iban/performance_audits/170201-improve-capability-package-process-eng.pdf).

ваясь на прошлый опыт и учитывая намеченный руководством альянса «принцип безотлагательности», Международный секретариат НАТО пытается оптимизировать слишком продолжительные этапы планирования, в особенности – этап реализации целевых заданий.

Далее подводятся итоги оборонного планирования в виде всесторонней оценки степени соответствия вооруженных сил государств-членов и военного потенциала альянса политическим указаниям, включая «уровень амбиций НАТО». Смыслом этой оценки является определение степени достижения соответствующих целевых показателей государствами-членами и предоставление обратной связи для оптимизации следующего цикла оборонного планирования. Этот этап проходит дважды в течение каждого четырехлетнего срока (рис. 2).

Оценки содержатся в серии «Обзоров потенциала оборонного планирования» (Defence Planning Capability Reviews), которые готовит Международный секретариат НАТО при поддержке Стратегических командований отдельно по каждому государству-члену. В каждом документе представлен тщательный анализ оборонной политики, дана оценка финансовых планов государств – членов НАТО. Особое внимание уделено тому, насколько страна продвинулась в выполнении индивидуальных целевых пакетов. Так, в «Обзор потенциала оборонного планирования Нидерландов», подготовленный в октябре 2022 г., вошли критические замечания по поводу того, что Нидерланды «не имеют планов и намерений удовлетворить требуемый запрос в полном объеме»³⁹. На завершающем этапе одного из последних оборонных циклов в конце 2022 г. были представлены обзоры и по другим государствам Североатлантического блока.

При планировании необходимо учитывать разного рода факторы, часть из которых может быстро меняться и/или носить субъективный характер. По этой причине в рамках оборонного планирования Стратегические командования составляют «Оценку пригодности и риска» (Suitability and Risk Assessment), которую направляют в Военный комитет для подготовки расширенного доклада. Документ включает в себя оценку рисков, связанных с дефицитом вооруженных сил и потенциальных возможностей НАТО, а также оценку реальных возможностей и планов государств по достижению «уровня амбиций» в рамках соответствующих политических указаний.

Завершающим и наиболее комплексным документом оборонного планирования является Доклад по потенциалу НАТО (NATO Capability Report). При его подготовке КОПП использует оценки и исследования государств-членов и Стратегических командований. Доклад призван показать индивидуальный («страновой») и коллективный прогресс по планируемому развертыванию вооруженных сил альянса. Подготовленный документ передают Совету НАТО для согласования, а затем направляют на утверждение министрам обороны государств-членов.

За время своего существования процесс оборонного планирования «оброс» целым рядом бюрократических процедур, замедляющих его реализацию. Некоторые из них планируется усовершенствовать, например для того, чтобы устранить «страновые дисбалансы» по вооружениям и военной технике, возникшие в результате оказания помощи Украине, а также, что более важно, в целях обеспечения высокого уровня обороноспособности альянса в любых условиях обстановки, в особенности в случае расширения боевых действий на территорию государств – членов НАТО.

³⁹ NATO Defence Planning Capability Review 2021/2022. Netherlands. NATO. October 7, 2022.

* * *

Очевидно, что в зависимости от изменения обстановки в общие планы «подключения» Украины к НАТО будут вносить коррективы. Опыт последних лет наглядно показывает, что принятый Западом и НАТО курс на широкую военно-политическую и финансовую поддержку Киева принципиально не поменяется, по крайней мере в ближайшее время. Однако можно предположить, что под давлением различных обстоятельств «энтузиазм» стран – членов НАТО в отношении этого курса будет со временем ослабевать. Многое будет зависеть от динамики политического процесса: перспектив прекращения и/или приостановки конфликта на Украине, внутривосточных трансформаций в европейских странах (как, например, произошло в результате парламентских выборов в Словакии, которая после них во многом перестала поддерживать Украину). Коррективы в отношении внутри НАТО и в «украинскую политику» альянса могут быть внесены в связи с конфликтом на Ближнем Востоке, а также в случае победы Д. Трампа на президентских выборах в США в 2024 г.

НАТО в любом случае надо будет приспосабливаться к принципиально новым условиям, которые в общих чертах определены противостоянием с Россией. Текущая ситуация и обозримая динамика ее дальнейшего развития отражаются на характере оборонного планирования НАТО. Постепенно снижаются требования к некоторым бюрократическим этапам планирования, которые тормозят выполнение целевых заданий. Другим трендом, значимость которого растет в условиях быстро меняющейся военно-политической ситуации, стало требование повышенной оперативности к процедурам выработки и принятия решений разного уровня в рамках оборонного планирования. Реконфигурация этой системы уже начата. Государства – члены НАТО, придерживаясь единого курса на конфронтацию с Москвой, на военную и финансовую поддержку Киева, готовы принимать во внимание эти тренды, что может заметно изменить систему оборонного планирования НАТО в обозримом будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Александр Коновалов. Наследие (2021) Ред.: С. Ознобищев, В. Климов. М.: ИП Пахомова Е.А. 508 с.
Aleksandr Konovalov. *Naslediye* [Alexander Konovalov. Legacy] (2021) Ed(s): S.K. Oznobishchev, V.A. Klimov. Moscow: IE Pakhomova E.A. 508 p. (In Russ.).
- Барановский В. (2021) Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика. М.: Весь мир. 715 с.
Baranovsky V. (2021) *Mezhdunarodnyy landshaft: epokha peremen. Izbrannaya analitika* [International Landscape: The Age of Change. Selected Analyses]. Moscow: Ves' Mir. 715 p. (In Russ.).
- Громыко А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом // Современная Европа. № 4. С. 10–26.
Gromyko A. (2021) Sub'ektnost' Evrosoyuza – mezhdru atlantizmom i evropocentrizmom [Subjectivity of the European Union – Between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa*. no. 4, pp. 10–26. (In Russ.).
- Никитин А. (2020) Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 53–74.
Nikitin A. (2020) Tendencii voenno-politicheskogo razvitiya i voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva stran Evrosoyuza [Trends in Military-political Development and Military-technical Cooperation of the European Union Countries]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 53–74. (In Russ.).

Ознобищев С. (2022) Динамика отношений Россия – НАТО и новая стратегическая концепция альянса // В: Ежегодник СИПРИ 2021: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН. 964 с. С. 843–854.

Oznobishchev S. (2022) Dinamika otnosheniy Rossiya – NATO i novaya strategicheskaya kontseptsiya al'yansa [Dynamics of Russia-NATO Relations and the New Strategic Concept of the Alliance] In: *Yezhegodnik SIPRI 2021: Vooruzhenia, razorushenie i mezhdunarodnaya bezopasnost*. Moscow: IMEMO RAN. 964 p. Pp. 843–854 (In Russ.).

Perry W.J. (2015) *My Journey at the Nuclear Brin*. Redwood City: Stanford University Press. 234 p.

Toal G. (2017) *Near Abroad: Putin, the West, and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford, UK: Oxford University Press. 387 p.

Информация об авторах

Ознобищев Сергей Константинович, кандидат исторических наук, заведующий Сектором военно-политического анализа и исследовательских проектов Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: serko96@gmail.com

Климов Василий Александрович, кандидат политических наук, младший научный сотрудник Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: vasily-klimov@mail.ru

About the authors

Sergey K. Oznobishchev, Candidate of Sciences (History), Head of Sector, Section of Military-Political Analysis and Research Projects, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: serko96@gmail.com

Vasily A. Klimov, Candidate of Political Science, Junior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: vasily-klimov@mail.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 28.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 18.09.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024

Оригинальная статья / Original article

Роль Германии как «рамочного государства» НАТО

© Ф.О. ТРУНОВ

Трунов Филипп Олегович, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), ltrunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

В отличие от предшественниц, ФРГ использовала свой военный потенциал не как нация-государство, а как участница многосторонних военных структур. Одновременно она сохраняла державные амбиции. Сочетание двух тенденций привело к феномену использования бундесвера в качестве средства, которое обеспечивало Германии возможность стать «рамочным государством» (ведущим государством-комплектатором) при развертывании различных многонациональных группировок. Изучены случаи выполнения этой роли контингентами Германии в зонах нестабильности на Балканах в 1990-е гг., в Афганистане, Ливане и Мали в XXI в. Рассмотрены обусловленные состоянием бундесвера ограничители для выполнения им задач ФРГ как «рамочной нации». Исследуются особенности принятия ФРГ данных функций для сил быстрого реагирования, сил передового развертывания НАТО на фоне развития конфронтации Запада и РФ. Сделаны выводы о политическом значении каждого кейса для изменения позиций Германии в Европе и мире.

Ключевые слова: вооруженные силы, многосторонние группировки, «рамочное государство», Афганистан, Ливан, Мали, конфронтация, НАТО, силы быстрого реагирования НАТО, силы передового развертывания, новая модель войск НАТО

Цитирование: Трунов Ф.О. (2024) Роль Германии как «рамочного государства» НАТО // Общественные науки и современность. № 1. С. 46–59. DOI: 10.31857/S0869049924010047, EDN: RSXUBQ

The Role of Germany as a NATO «Framework Nation»

© PH. TRUNOV

Philipp O. Trunov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Itrunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Abstract. Unlike its predecessors, Germany used its military potential not to solve exceptionally national issues, but to participate in the activities of multilateral military blocs. At the same time she maintained its ambitions as a power. The combination of two trends has conditioned the Bundeswehr's usage as a means that provided Germany with the opportunity to become a framework nation for different multinational military groupings. The article explores the cases of such a role of Germany in the instability zones in the Balkans in the 1990s, in Afghanistan, Lebanon and Mali in the XXI century. The constraints caused by the state of the Bundeswehr for the implementation of the tasks of the Federal Republic of Germany as a «framework nation» are considered. The cases of such Bundeswehr's activity as NATO Response Force, enhanced and tailored Forward Presence during the confrontation between the West and Russia are considered. The political importance of each case for the change of Germany's positions in Europe and in the world is presented.

Keywords: armed forces, multinational military groups, framework nation, Afghanistan, Lebanon, Mali, confrontation, NATO, NATO Response Force, Forward Presence, New NATO Force Model

Citation: Trunov Ph. (2024) The Role of Germany as a NATO «Framework Nation». *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 46–59. DOI: 10.31857/S0869049924010047, EDN: RSXUBQ (In Russ.)

Исторически Германия (германо-прусское государство, Пруссия) применяла вооруженные силы (ВС) для решения только национально значимых вопросов – в одиночку или как ведущее государство – участник военно-политических блоков (в Первую и Вторую мировые войны). ФРГ по инициативе первого федерального канцлера К. Аденауэра отошла от данной традиции, стала участвовать («растворяться») в многосторонних военных инициативах государств из сообщества западных демократий. Константой оставалось другое исторически сложившееся правило германской внешней политики – попытки воплотить лидерские амбиции в его модульном (абсолютном) значении [Hacke, 1993]. Методы достижения искомой цели заметно различались, но намерение занимать ведущее положение на мировой арене оставалось неизменным. Добиться этого для ФРГ сложнее всего оказалось именно в военной сфере. Ключевая причина – признанная мировым сообществом ответственность Германии как главного агрессора во Второй мировой войне. Уже на ранних этапах существования Боннской республики ее истеблишмент стал искать способы преодолеть данную проблему. Избранное решение – предельно полная интеграция ВС (бундесвера) в многосторонние международные структуры западных демократий, прежде всего в НАТО, что стало воплощением схемы «растворения».

Создав основу мощных конвенциональных вооруженных сил в 1955–1962 гг., ФРГ стремилась войти в круг ведущих государств – членов НАТО. Применительно к использованию бундесвера в военных операциях стран Запада данный подход в теоретическом и одновременно практическом плане окончательно оформился в XXI в., получив название концепции «рамочного государства» («рамочной нации»). В соответствии с данной установкой при развертывании и использовании определенной многосторонней группировки войск одно из государств-участников вносит самый большой вклад (чаще всего от 30 до

50% от общей численности военнослужащих), осуществляя в то же время общее руководство совместными действиями [Glatz, Zapfe, 2017]. Широкое распространение концепция получила среди западных стран, что можно объяснить высокой степенью отлаженности их военно-стратегического сотрудничества.

Для одного многостороннего военного формирования невысокого уровня (до батальонной тактической группы, БТГ) «рамочной нацией» потенциально может стать любое государство. На практике выполняют данные функции сразу в нескольких случаях лишь страны, политически мотивированные и обладающие достаточным военным потенциалом, т. е. располагающие крупными (200 тыс. военнослужащих и более) вооруженными силами. Поэтому частое принятие роли «рамочного государства» – атрибут держав, которые либо уже утвердились в данном статусе, либо готовы его принять. Ко второй категории относилась ФРГ.

Задача статьи – проанализировать практику Германии использовать бундесвер для позиционирования страны как «рамочного государства». Зарубежные и отечественные специалисты сформировали обширную базу исследований по внешней и военной политике ФРГ, которая быстро пополняется новыми работами в условиях современной милитаризации Германии и увеличения фактора силы в ее внешней политике [Арзаманова, 2022; Камкин, 2022; Хабаров, 2022; Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath, 2018; Major, Swistek, 2022]. Актуальность исследования связана с тем, что до сих пор изучались отдельные (частные) кейсы по данной проблематике, но нет работ, в которых они были бы сведены воедино и раскрыты комплексно.

О причинах феномена «рамочной нации» применительно к ВС ФРГ

Показателен хронологический разрыв между 1955–1962 гг. (создание бундесвера как одного из осевых элементов объединенных ВС НАТО) и 1990-ми гг., когда концепция «рамочного государства» вошла в практику Германии при использовании ее вооруженных сил. За эти годы изменился подход западных стран к организации совместных военных сил. В период холодной войны (1946–1990 гг.) их многонациональные группировки состояли из мононациональных войсковых единиц с общим командованием. С 1990-х гг. начали возникать многосторонние формирования, которые включали контингенты нескольких государств – членов НАТО или ЕС. Такая практика получила распространение на различных направлениях деятельности евро-атлантических институтов, а также была применена на разных уровнях организации войск – корпуса, реже дивизии и бригады [Сидоров, 2019, 175–176], в последующем и батальона.

Другая причина связана с тем, что заметно расширилась география использования бундесвера. До конца 1980-х гг. западногерманские ВС действовали исключительно в пределах национальных границ, тем самым предельно сосредоточились на решении задач по выстраиванию конфронтации Запад–Восток. Прекращение холодной войны принесло ФРГ большие выгоды. Помимо решения «германского вопроса» страна получила возможность активно использовать бундесвер вне своей территории. В 1990-е – начале 2010-х гг. официальный Бонн / Берлин сфокусировал внимание на участии в заграничных миссиях вдали от зоны ответственности НАТО, с середины 2010-х гг. акцент в применении германских ВС вновь сместился внутрь Евро-Атлантического сообщества, прежде всего в его восточную часть. Присутствию в зонах вооруженных конфликтов на Среднем и Ближнем Востоке, в Африке севернее экватора ФРГ предпочла наращивание военного вклада в систему сдерживания России.

Бундесвер как механизм «рамочного государства» для миссий вне зоны ответственности НАТО

Впервые ФРГ приняла на себя функции «рамочного государства» на постъюгославском пространстве. Балканы стали важнейшим направлением стратегической деятельности западных стран в 1990-е гг. Здесь германские военные играли роль «рамочной нации» для трех операций под эгидой НАТО: как командование № 3 (в районе г. Сараево) миссии IFOR/SFOR в Боснии и Герцеговине (БиГ; в 1995–2003 гг.)¹; «Юго-Запад» сил KFOR в Косово (с 1999 г.)²; при проведении операции Essential Harvest в Македонии (август–сентябрь 2001 г.)³. США координировали действия коалиции во всех случаях. В первых двух операциях Германия взяла на себя руководящую роль для одного из секторов ответственности НАТО (т. е. не для миссии в целом, а для ее сегмента), в третьем – для всей операции. Поэтому отдельные немецкие специалисты употребляли термин «рамочное государство» лишь по отношению к использованию ВС ФРГ в операции Essential Harvest [Varwick, 2007]. Таким образом они не хотели подчеркивать ведущую роль Германии в наземных миссиях, которые были созданы после проведения под эгидой НАТО военно-воздушных операций против Республики Сербской (РС) и Сербии, т. е. открытого применения силы.

Силы IFOR/SFOR и KFOR развертывались, соответственно, на средне- (до 2003 г.) и долгосрочную перспективы (функционировала на 2023 г.), а операция Essential Harvest продлилась лишь месяц. Различалась и численность контингентов войск для каждого из направлений. Изначально Германия направила порядка 3 тыс. военных (эквивалент 0,5 бригады) в состав IFOR/SFOR, 8,5 тыс. (примерно 1,5 расчетные бригады) в KFOR⁴, лишь порядка 0,5 тыс. солдат и офицеров (несколько рот) для Essential Harvest⁵. Таким образом, бундесвер принимал функции «рамочного государства» для многосторонних группировок следующего размера: в первом случае – усиленной бригады, во втором – дивизии, в третьем – лишь 2–3 батальонно-тактических групп (БТГ). ФРГ неизменно сочетала военные усилия с повышенной политико-дипломатической активностью, которая была направлена на сохранение Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины, содействие обособлению Косова от Сербии вплоть до провозглашения краем независимости (2008 г.), урегулирование обстановки в Македонии⁶. Все эти положения в будущем, в середине 2010-х гг., стали предпосылками фактического модерирования именно Германией Конференции по Западным Балканам (Берлинский процесс). Данная площадка должна была обеспечить интегрирование в ЕС еще не вступивших в объединение региональных игроков и тем самым окончательно оформить облик постъюгославского пространства в соответствии с интересами западных держав⁷.

Наработанный на Балканах опыт получил развитие в Афганистане, т. е. на Среднем Востоке. Бундесвер стал одним из основных организаторов миссии ISAF уже с 2002 г., а в 2003–2004 гг. Германия взяла на себя функции «рамочного государства» для регионального командования «Север». Другие подобные командования были созданы позднее

¹ The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. P. 67.

² Ibid, p. 73.

³ Ibid, p. 54.

⁴ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/1133, 11.06.1999. S. 3.

⁵ The Bundeswehr on operations ... 2009.P. 54.

⁶ Ibid, pp. 54, 65–67, 71–73.

⁷ Frieden und Stabilität für den Westbalkan. Bundeskanzleramt. 5.07.2021. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/gesetzesvorhaben/westbalkan-gipfel-1939554>).

(кроме «Центра» в районе Кабула). В Боснии и Косове все секторальные группировки были учреждены сразу, что объяснялось намного большей площадью, удаленностью от зоны ответственности НАТО, особенностями ситуации в Афганистане.

ФРГ демонстрировала готовность быть в авангарде многосторонних усилий западных стран, а принятие функций «рамочного государства» сочеталось с повышенной политической активностью, например в качестве координатора Боннского процесса по воссозданию центральных органов власти в Афганистане (2001–2005 гг.). Кроме того, Германия стала одним из учредителей структур, ответственных за решение данной задачи на местах, – провинциальных восстановительных команд (ПВК)⁸.

Однако на практике способность ФРГ быть «рамочным государством» оказалась намного меньше готовности. Основные силы контингента бундесвера размещались лишь в двух провинциях (Бадахшан, Кундуз), штаб – еще в одной (Балх)⁹, а общее количество административных единиц в зоне регионального командования «Север» дошло до девяти. В Бадахшане и Кундузе (каждая провинция площадью по несколько десятков тысяч кв. км) в 2000-е гг. находились силы ФРГ, эквивалентные лишь 2–5 ротам. В начале 2010-х гг. этот показатель увеличился до 2–3 БТГ, но только на короткое время (два года), при этом он включал как войсковые подразделения, так и группы военных инструкторов¹⁰. Последние обучали спешно набираемых рекрутов афганской армии. Таким образом, были отмечены огромные пространственные и функциональные узкие места в деятельности ФРГ как «рамочного государства» на севере Афганистана. Потенциально уменьшить масштаб проблем должно было использование афганских сил безопасности, а также небольших союзнических контингентов малых и средних стран – участниц НАТО. Штаб командования «Север», работой которого руководили германские офицеры, имел в подчинении 1–2 расчетные бригады из контингентов государств – членов альянса и координировал (по сути, курировал) формирование и применение 209-го армейского корпуса армии официального Кабула¹¹. Общие условия для присутствия ФРГ на севере Афганистана обеспечивало применение ВС США на территории страны, особенно в ее беспокойных южных и восточных провинциях.

Германия сохранила роль «рамочного государства» при смене сил ISAF миссией Resolute Support (с января 2015 г.). Де-юре сотрудники ее миссии должны были обучать и консультировать афганских военных. Однако в конце 2010-х – начале 2020-х гг. ФРГ стала номинально выполнять взятые на себя функции, утрачивая прямой и опосредованный (через афганские правительственные силы безопасности и чиновников) контроль над ситуацией на местах. Однако официальный Берлин на протяжении почти двух десятилетий (2003–2021 гг.) участвовал в деятельности НАТО на данном направлении. ФРГ противилась выполнению условий сделки между администрацией Д. Трампа и «Талибаном»¹², поскольку документ предполагал полный вывод из Афганистана войск США, а значит, и партнеров по альянсу [Glatz, Kaim, 2020]. Решение аппарата президента Дж. Байдена в пользу выполнения соглашения (апрель 2021 г.) привело к стремительной утрате позиций Германии в Афганистане (к июлю 2021 г.), что сильно ударило по ее престижу, заставив искать способы компенсировать потери на иных направлениях (прежде всего в контексте сдерживания РФ).

Афганский кейс стал значимым, но не единственным случаем вынужденного отказа ФРГ от роли «рамочного государства» для наземных миссий вне зоны ответственности

⁸ The Bundeswehr on operations ... 2009. P. 79–81.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/654, 09.02.2010. S. 3–4.

¹¹ Ibid, S. 6.

¹² Организация запрещена в России.

НАТО. Сразу два примера в начале 2020-х гг. имели место в Мали, в Сахаро-Сахельском регионе. С 2013 г. здесь действовали две миссии: военно-тренировочная ЕС *EUTM Mali* и миротворческая ООН *MINUSMA*. Для *EUTM Mali* де-юре функции «рамочной нации» поочередно принимал ряд стран – участниц ЕС, однако именно ФРГ задействовала самый крупный контингент инструкторов и де-факто координировала усилия с руководством Мали, т. е. была неофициальным «рамочным государством». Эта роль Германии отчетливо проявилась в ситуации, когда малийские военные лишили полномочий гражданские власти в стране (в августе 2020 г. и в мае 2021 г.). Новое руководство Мали выступило с требованиями повысить эффективность антитеррористической борьбы, критикуя деятельность *EUTM Mali*. В ответ ФРГ резко увеличила численность персонала (до рекордных 600 инструкторов¹³), но в апреле 2022 г. была вынуждена поддержать решение на уровне ЕС о прекращении деятельности миссии, обозначая его как временное¹⁴. Фактически германские инструкторы продолжали оставаться на севере Мали (слабо контролируемом новыми властями) до начала 2023 г.

В случае *MINUSMA* ФРГ до 2016 г. вносила в деятельность миссии вклад, ограниченный количественно и качественно (только медицинская и логистическая поддержка партнеров). Лишь после заключения межмалийских договоренностей о примирении (2015 г.) при участии германо-французского тандема положение изменилось. Вновь проявилась связь между повышенной политико-дипломатической активностью ФРГ и принятием ею функций «рамочного государства» в военном отношении. Бундесвер взял на себя эту роль в вопросах охраны и функционирования основной базы сил *MINUSMA* «Лагерь Кастро» в Гао (центр одноименной провинции), а также разведки, особенно воздушной (с применением БПЛА)¹⁵. Благодаря использованию контингента под эгидой ООН, а не ЕС или только германской, официальный Берлин сумел дольше, чем Париж (бывшая метрополия), сохранять военное присутствие в Мали. Как и в случае *EUTM Mali*, Германия сначала пошла на увеличение контингента (до 1,4 тыс. военных), пытаясь сохранить роль «рамочного государства». Однако весной 2023 г. ФРГ де-факто признала неизбежность вывода войск из страны в течение года¹⁶ вследствие отказа нового руководства Мали, сформированного военными, от малоэффективной помощи западных держав в борьбе с международным терроризмом в Сахаро-Сахельском регионе. В 2019–2021 гг. на фоне резкого увеличения контингентов ФРГ в составе указанных миссий ЕС и ООН боевики радикальных незаконных вооруженных формирований переместились частично с севера на юг страны, перегруппировались, связались с представителями организованной преступности и заметно активизировались.

Нисходящая динамика характеризовала роль Германии как «рамочного государства» и для морских миссий вне зоны ответственности НАТО. ФРГ приняла на себя данную функцию для соединения ВМС сил ООН *UNIFIL*, развернутых на юге Ливана после 33-дневной войны (2006 г.) между Израилем и движением «Хезболла». Первоначально германские силы составляли до 1,4 тыс. моряков¹⁷. Они помогли снять блокаду побережья Ливана со стороны Израиля и восстановить судоходство¹⁸. По этой причине к концу 2000-х гг. ФРГ заметно сократила свой контингент (новый потолок численности – 0,3 тыс.

¹³ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28804, 21.04.2021. S. 3.

¹⁴ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022. S. 4–6.

¹⁵ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. S. 4–8.

¹⁶ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/6655, 03.05.2023. S. 3–4.

¹⁷ The Bundeswehr on operations ... 2009. P. 92–93.

¹⁸ Ibidem.

человек¹⁹). В условиях миграционного кризиса в ЕС в 2015–2016 гг. Ливан превратился в транзитную зону для потоков беженцев. Основная причина тому – резкое укрепление группировок международного терроризма в Сирии и Ираке. Однако ФРГ, которая почувствовала угрозы от нестабильности Ближнего Востока, не пошла на значительное увеличение контингента в составе *UNIFIL*. Не было этого сделано и на фоне возобновления арабо-израильского конфликта (2023 г.), включая рост напряженности между «Хезболлой» и Израилем. Тем самым ФРГ не подтвердила на практике, что может руководить военно-морской деятельностью и *UNIFIL* в периоды обострения обстановки на Ближнем Востоке. Данная ситуация продемонстрировала неготовность и неспособность Германии влиять на ситуацию в морских акваториях, когда на суше разворачивались широкомащтабные боевые действия.

Трудности внутри ВС ФРГ на пути принятия функций «рамочной нации»

В начале 2010-х гг. вне зоны ответственности НАТО действовали одновременно порядка 7 тыс. солдат и офицеров ФРГ, во второй половине десятилетия показатель упал до 3,5 тыс. [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath, 2018, 8–11]. На те направления, где бундесвер играл роль «рамочного государства», приходилось 70–80% от общей численности военного персонала. Однако принятие этой роли вне и особенно вдали от зоны ответственности НАТО создавало нагрузку на силы кризисного реагирования (СКР). Они представляли войска, готовые к быстрому перемещению и оснащенные большим количеством единиц транспорта (автотехника, вертолеты и транспортные самолеты, катера). Каждый боец должен иметь комплект спутниковой связи и навигации, уметь решать боевые задачи в одиночку или в составе небольших подразделений (отделение, взвод). Бундесвер сталкивался с проблемой острой нехватки боеспособных формирований СКР, особенно в сухопутных войсках и люфтваффе (германские военно-воздушные силы). В армии вместо двух планируемых к созданию дивизий наличествовала лишь одна; в ее состав вместо стандартных трех входила единственная войсковая бригада²⁰. С учетом принятой в ВС ФРГ ротации это означало, что по линии СКР армия Германии могла поддерживать присутствие за рубежом только на уровне 1–1,5 БТГ. Частично нехватку компенсировали войска сил общего назначения (СОН). В отличие от СКР войска СОН не готовы к быстрым перемещениям, располагают бронетехникой (прежде всего танками, бронетранспортерами – БТР, боевыми машинами пехоты – БМП), артиллерией и предназначены к использованию на территории того или иного государства либо в относительной близости от него (на расстоянии до нескольких сотен км).

В условиях конфронтации (с весны 2014 г.) между западными странами и Россией Германия избрала стратегию плавного, но последовательного усиления участия в этом процессе, включая использование вооруженных сил: ФРГ все чаще принимала на себя функции «рамочной нации» для различных группировок НАТО в Европе. Однако возникли определенные трудности, в частности связанные с последствиями длительных и масштабных сокращений бундесвера. Между 1989 и 2014 гг. количество дивизий в его составе уменьшилось с 12 до 3, а бригад – с 36 до 7,5 единиц. Как результат, в 2014 г. сухопутные войска ФРГ насчитывали около 60 тыс. военнослужащих против 360 тыс. в 1989 г., а ВС в целом – менее 178 и 509 тыс. солдат и офицеров соответственно²¹. Ключо-

¹⁹ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/7074, 31.05.2023.S. 3.

²⁰ Division Schnelle Kräfte. Bundeswehr. 2023. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kräfte>).

²¹ Die Bundeswehr im Kalten Krieg. Bundeswehr. 2023. (<https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg>); Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels, 7.07.2023. P. 12.

чевым объектом для сокращений стали силы общего назначения, прежде всего наземные. В 2017–2018 гг. были разработаны планы по будущему увеличению бундесвера с поэтапным их выполнением к середине 2030-х гг. Логично, что основным объектом для наращивания становились сухопутные силы. В дополнение к двум имевшимся тяжелым дивизиям (6,5 бригад, одна из них в 2023 г. передана в состав соединения СКР) планировалось сформировать еще две полные и одну неполную дивизии. Общее количество бригад в бундесвере планируют увеличить с 7,5 до 15,5–17,5 единиц²². Была избрана траектория постепенно набиравшего темпы восстановительного роста ВС (табл. 1). К 2023 г. в бундесвере не была сформирована ни одна новая бригада, было создано лишь несколько подразделений.

Таблица 1

Изменение численности ВС западных держав (тыс. военных)

Table 1

**Change in the number of armed forces of Western powers
(thousands of military personnel)**

Государство \ Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Германия	179	177	178	180	182	184	184	185	188	192
Великобритания	169	141	140	149	147	144	147	156	156	156
Франция	207	205	208	208	208	208	208	208	207	207
США	1338	1314	1301	1306	1317	1329	1347	1348	1346	1346

Источник: *Рассчитано автором на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels, 07.07.2023. P. 12. Данные на 2022 и 2023 гг. предварительные.*

Source: *Compiled by the author on the basis of Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels, 07.07.2023. P. 12. Data for 2022 and 2023 is preliminary.*

Еще одна трудность – огромная разница в темпах увеличения группировок НАТО в рамках организации и национальных ВС ее стран-участниц. В 2013 г. активные многосторонние силы альянса насчитывали порядка 15 тыс. военнослужащих²³, а общая численность войск, используемых / резервируемых для их ротационного комплектования – порядка 100 тыс. человек. Согласованная на Мадридском саммите (2022 г.) новая модель сил альянса предполагала, что в его подчинении окажутся 800 тыс. солдат и офицеров²⁴. Почти всех их выделяли европейские государства – члены НАТО [*Biscop, 2022, 1–2*]. Как результат, военный потенциал блока увеличился кратно, в то время как в 2014–2023 гг. почти все крупнейшие ВС стран – участниц НАТО или не расширяли его, или даже сокращали (США, Великобритания, Франция), только силы ФРГ увеличились на 5,4% (см. табл. 1). Эта ситуация не способствовала принятию Германией функций «рамочного государства». Однако логика нарастающего участия в конфронтации с РФ обуславливает повышенную готовность ФРГ играть роль «рамочной нации» для растущего спектра группировок НАТО в Европе. В результате возник феномен принятия военных обязательств, что называется, на вырост.

²² Bundeswehr-Pläne: Heersoll dreineue Divisionen bekommen. DBwV. 19.04.2017. (<https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/>).

²³ NATO Response Force. NATO. 2023. (https://www.nato.int/eps/en/natolive/topics_49755.htm).

²⁴ New NATO Force Model. NATO. 08.07.2022. (https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf).

Бундесвер как «рамочное государство» для группировок НАТО в зоне ответственности

В начале 2020-х гг. основные группировки альянса в Европе относились к силам либо быстрого реагирования (СБР; *NATO Response Force, NRF*), либо передового развертывания (СПР; *enhanced Forward Presence, eFP* и *tailored Forward Presence, tFP*). СБР представляли собой Второй стратегический эшелон войск НАТО и в основном располагались в глубине зоны ответственности. *NRF* существовали еще с 2003 г., а комплекс решений по их увеличению (с 13 до 40 тыс. солдат и офицеров) был принят в 2014–2015 гг. Тогда же в составе СБР появились силы сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Force, VJTF*). Они, как *NRF* в целом, включали следующие компоненты: наземные (для *VJTF* – бригада), воздушные, морские силы и силы специальных операций (ССО)²⁵. СПР – Первый стратегический эшелон, дислоцированный в передовой части зоны ответственности, т. е. прежде всего в Восточной Европе. В северной части региона (страны Балтии и Польша) уже с 2017 г. развернуты *eFP*, которые постепенно увеличивались. К югу (в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии) с 2022 г. размещены меньшие по численности *tFP*²⁶.

Во второй половине 2010-х гг. бундесвер принял функции «рамочного государства» прежде всего для сил быстрого реагирования. Это объяснялось их ролью как главной части многосторонних сил НАТО, хронологически более ранним принятием решений об их усилении, функционалом (выдвижение из глубины, что соответствовало тактике бундесвера с учетом географического положения ФРГ в альянсе). Имея в виду структуру *NRF*, «рамочным государством» при их развертывании становилась страна – участница НАТО, которая принимала соответствующие функции для наземного соединения *VJTF*. В 2015 г. начался семилетний цикл, в рамках которого поочередно ключевая нагрузка в деле комплектования СБР сроком на календарный год ложилась на одно крупное и 2–3 средних и малых государства – члена НАТО в Европе. Первую категорию составляли Великобритания, Германия, Испания, Италия, Польша, Франция; с некоторым запозданием к ним присоединилась Турция. США вносили численный сугубо вспомогательный вклад, но оставались общим координатором действий.

На отрезке 2015–2023 гг. ФРГ трижды становилась «рамочным государством» для наземного соединения *VJTF*, в то время как все остальные ответственные страны-участницы – лишь по одному разу. Впервые Германия приняла на себя эти функции в 2015 г. – в начале цикла и на этапе резкого увеличения штатной численности *NRF*. В 2019 г. бундесвер пошел на это повторно и вне очереди. Тому предшествовало его участие как «рамочной нации» для наземного соединения *VJTF* на крупнейших учениях НАТО (свыше 50 тыс. военнослужащих) *Trident Juncture 18* в Норвегии (октябрь–ноябрь 2018 г.). В ходе *Trident Juncture 18* эти функции выполняла одна бригада ВС ФРГ (41-я мотопехотная, *мнбр*), а в 2019 г. уже другая (9-я учебная танковая, *тбр*)²⁷. В 2023 г. стартовал новый цикл комплектования *NRF*, и одновременно произошел переход к новой модели войск НАТО, основу которой должны были составить войска, ранее входившие в СБР альянса. ФРГ вновь стала первой в списке ведущих государств-комплектаторов, так как выделила

²⁵ NATO Response Force. NATO. 2023. (https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm).

²⁶ NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 2023. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm).

²⁷ Germany steps up to lead NATO high readiness force. NATO. 1.01.2019. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en).

для принятия функций «рамочной нации» наземного соединения *VJTF 37 мбр*²⁸. В каждом случае (2015, 2019, 2023 гг.) основными младшими партнерами бундесвера выступали ВС Нидерландов и Норвегии. Данный факт объяснялся не только сложившейся в альянсе моделью комплектования различных группировок, но и развитостью отношений официального Берлина с Амстердамом и Осло в сфере безопасности и обороны.

Рассмотренная тактика по линии СБР выступала важной составляющей укрепления ФРГ в положении крупнейшего европейского государства-участника (в смысле предоставления войсковых контингентов) в НАТО. Со второй половины 2010-х гг. Германия традиционно занимала второе место (после США) в списке стран – участниц альянса. Упрочение данной позиции обеспечивали объемы ее участия в новой модели войск НАТО. Эти силы делятся на три категории: 1-ю (100 тыс. военнослужащих, время приведения в боевую готовность – до 10 дней), 2-ю (200 тыс. человек, до месяца) и 3-ю (500 тыс. солдат и офицеров, до полугода)²⁹. В июле 2023 г. канцлер О. Шольц заявил, что к 2025 г. из 300 тыс. военных двух первых категорий на долю ФРГ будет приходиться порядка 35 тыс.³⁰, или около 12%, т. е. означало привлечение только от сухопутных войск двух полных (по три бригады каждая) дивизий. Такой вклад позволит расширить сетку случаев, когда ФРГ выступает в роли «рамочного государства» для группировок различного уровня – вплоть до корпуса.

Логика неуклонного усиления участия в сдерживании России обуславливает неизбежное увеличение интереса Германии к комплектованию сил передового развертывания блока. В соответствии с решениями Варшавского саммита НАТО (июль 2016 г.) ФРГ вошла в число «рамочных государств» для четырех многосторонних БТР СПР – по одной в каждой из республик Балтии и Польше. Тремя другими государствами альянса, которые взяли на себя эти функции, стали англосаксонские державы (США, Великобритания, Канада). Соответственно, ФРГ оказалась единственной континентальной европейской страной – участницей НАТО в данном списке. С января 2017 г. подразделения ВС Германии численностью порядка 500 человек образовали основу БТГ СПР в районе г. Рукла в Литве. Здесь основными партнерами бундесвера стали контингенты ВС Нидерландов, Норвегии и Чехии³¹, динамично развивается сотрудничество с литовскими ВС, прежде всего между германским контингентом в составе БТГ и дислоцированной вблизи бригадой «Железный волк»³². Это важная предпосылка для развития политического сотрудничества Германии с Литвой и республиками Балтии в целом. На фоне роста напряженности с РФ в январе 2022 г. Германия приняла решение усилить свой контингент в составе *eFP*: в Литву были дополнительно переброшены 200 военнослужащих, большая партия боевой и вспомогательной техники³³.

²⁸ Germany takes the lead for NATO's high readiness force. NATO. 28.12.2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210076.htm?selectedLocale=en).

²⁹ New NATO Force Model...

³⁰ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023 in Wilna. Bundeskanzleramt. 12.07.2023. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034>).

³¹ NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet. October 2020...

³² Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation. Bundeswehr. 1.07.2019. (<https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288>).

³³ Alarmierung und Marsch der Enhanced Forward Presence Kräfte abgeschlossen. Bundeswehr. 18.02.2022. (<https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/alarmierung-marsch-enhanced-forward-presence-kräfte-litauen-5357426>).

Используя фактор СВО РФ как повод, в марте 2022 г. страны – участницы НАТО согласовали развертывание четырех новых БТГ: по одной в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Они образовали основу *tFP*. В состав многостороннего формирования в первую из данных стран были направлены германские военные. Де-юре «рамочным государством» для БТГ считалась Чехия, однако крупнейший контингент сразу же выделила именно ФРГ³⁴, неофициально выступив «рамочным государством». Согласно правилу, любое государство – член НАТО могло принять эти функции не более чем для одной боевой группы СПР. Германия нашла способ обойти это ограничение. В данном случае был использован фактор продвинутого сотрудничества между Германией и Чехией как в политической, так и военной сферах.

Показательна схема трансформации формирования *eFP* в Литве. 7 июня 2022 г. канцлер О. Шольц на встрече с лидерами республик Балтии объявил о реорганизации данной боевой группы в бригаду³⁵, приняв прецедентное решение на опережение всех других ведущих государств – членов НАТО. Первые дополнительные подразделения бундесвера прибыли в Литву в сентябре 2022 г.; было определено, что формирование достигнет размеров бригады в 2026 г. На ноябрь 2023 г. в Литве находилось порядка одной тысячи германских военных³⁶, т. е. наращивание на первых этапах не оказалось быстрым, о чем предупреждали эксперты [Major, Swistek, 2022, 6–8]. Причина – уже отмеченная выше ограниченность возможностей бундесвера по ротационному комплектованию резко возросшего количества группировок НАТО; с проблемой нехватки личного состава сталкивались и партнеры ВС ФРГ по боевой группе СПР в Литве. В ноябре 2023 г. ФРГ обозначила, что из трех первоочередных батальонов новой бригады два будут комплектоваться не на ротационной, а на постоянной основе (с 2024 г.). При этом это будут мононациональные (целиком из военнослужащих бундесвера) войсковые единицы; третий батальон образовала многосторонняя БТГ с германским контингентом как ядром. Таким образом, ФРГ становится для соединения уже не просто «рамочным государством», но доминирующим игроком. Название соединения (42-я танковая бригада)³⁷ свидетельствует о принадлежности именно бундесверу, а не НАТО как организации. Тем самым официальный Берлин подчеркнул готовность нести повышенную нагрузку по линии СПР.

Еще в июне 2022 г. канцлер ФРГ О. Шольц обозначил факт резервирования полной «тяжелой» дивизии от армии (3 бригады), 60 боевых самолетов и 15 кораблей для ротационного комплектования *eFP* и *tFP*³⁸ (17 тыс. военных). Заявление О. Шольца по вкладу в СПР было сделано на полях Мадридского саммита (28–30 июня 2022 г.), на котором была согласована новая модель войск НАТО. Масштабы перспективного вклада ФРГ в эту модель канцлер обозначил в ходе Вильнюсского саммита (11–12 июля 2023 г.), т. е. мероприятия в приграничном для альянса государстве-члене. Этот факт отразил повышенную готовность Германии играть роль «рамочного государства» для группировок НАТО как в глубине зоны ответственности, так и в передовой ее части.

³⁴ NATO's Forward Presence. NATO. June 2022. (https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf).

³⁵ Russlanddarf und wirddiesen Krieg nichtgewinnen. Bundeskanzleramt. 07.06.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754>).

³⁶ Dreibewährte Bataillone für die neue Panzerbrigade 42. DBwV. 06.11.2023. (<https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/zwei-bewaehrte-bataillone-fuer-die-neue-panzerbrigade-42>).

³⁷ Ibid.

³⁸ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. Bundeskanzleramt. 30.06.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018>).

В 2014–2020 гг. ФРГ направляла в распоряжение сил быстрого реагирования части и подразделения 1-й танковой дивизии бундесвера, а СПР – 10-й танковой дивизии. С января 2021 г. два данных соединения поменялись местами: 1-я танковая дивизия сосредоточилась на комплектовании *eFP* и *tFP*, а 10-я танковая дивизия, наоборот, – *NRf*³⁹. 1-я, как наиболее боеспособная, стала основной площадкой для формирования новых бригад бундесвера. Указанная перемена мест отразила стремление Германии уменьшить дефицит внимания к СПР до начала 2020-х гг. Однако итоговая сумма не изменилась: помимо 10-й танковой дивизии в деле комплектования СБР и новой модели войск НАТО должны были участвовать по мере формирования новые бригады (большинство из них переходило под управление двух развертываемых управлений тяжелых дивизий). Такая схема облегчала принятие ФРГ функций «рамочного государства» для большего количества кейсов. Принципиальное решение о перераспределении нагрузки между 1-й и 10-й танковыми дивизиями (январь 2021 г.) принималось более чем за год до начала СВО, т. е. официальный Берлин заранее продумал и подготовил усиление своего присутствия в Восточной Европе. Информационный повод – противодействие «российской угрозе».

В 2023 г. Германия уверенно занимала второе место среди государств-поставщиков вооружений и военной техники для Украины. Именно танки *Leopard* производства ФРГ (переданные как ею самой, так и партнерами из их запасов), БМП *Marder*, штурмовые орудия *Panzerhaubitze (PzH) 2000* стали символами переоснащения ВСУ при участии западных стран⁴⁰. Постепенно наращиваемая поддержка официальному Киеву сочеталась со стремлением Германии играть роль «рамочного государства» в деятельности военно-тренировочной миссии ЕС *EUMAM*⁴¹. Ее центры были размещены в ФРГ и Польше. Инструкторы бундесвера подготовили 47-ю механизированную бригаду ВСУ, специалистов технических родов войск для других соединений стратегического резерва Украины. Ему отводилась ключевая роль в летне-осеннем наступлении 2023 г., которое закончилось неудачей. Непосредственно 47-я механизированная бригада ВСУ понесла очень большие потери и не достигла заметных результатов на запорожском направлении.

* * *

География большинства случаев, когда ФРГ выполняла роль «рамочного государства» (вовне или внутри зоны ответственности НАТО), становилась индикатором приоритетов страны во внешней политике, распространения стратегического влияния. В таблице 2 приведены обобщенные данные по рассмотренным в статье эпизодам. Как минимум в среднесрочной перспективе их количество за пределами Евро-Атлантического сообщества едва ли будет расти. Однако внутри коллективного Запада применение ВС ФРГ, напротив, будет усиливаться.

Любой эпизод в случае успеха приносил ФРГ преимущества практического и имиджевого характера, но в то же время нес риски обострения противоречий между Германией и недовольными ее усилением партнерами. Однако этот вывод обычно не касается

³⁹ Panzerdivision. Bundeswehr. 2023. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision>); 10. Panzerdivision. Bundeswehr. 2023. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision>).

⁴⁰ Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. Bundeskanzleramt. 2023. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/schwerpunkte/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514>).

⁴¹ Germany – EUMAM UA. Bundeswehr. 2023. (<https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua>).

США. Согласуемое с ними принятие Германией повышенной нагрузки по линии НАТО расширяет свободу маневра Белого дома при использовании собственных военных ресурсов (в частности, для сдерживания не только РФ, но и КНР). Одновременно укрепляются связи между официальным Берлином и его основными партнерами по комплектованию войсковых группировок (в их число прежде всего входят Нидерланды, Норвегия, Чехия), их государствами-реципиентами (Литва, Словакия, в перспективе Румыния). Однако и каждая неудача, особенно вне Евро-Атлантического сообщества (примеры – Афганистан, Мали), больно била по имиджу ФРГ как гаранта безопасности и стабильности на региональном и глобальном уровнях.

Таблица 2

Характеристики принятия бундесвером роли «рамочной нации»

Table 2

Characteristics of the Bundeswehr's role as the «framework nation»

Миссии	Вне зоны ответственности НАТО	Внутри зоны ответственности НАТО	Всего
Всего, в т. ч.	8	6	14
По результатам			
вынужденно свернутые	3	–	3
успешно завершённые	2	3	5
продолжающиеся	3	3	6
По функционалу			
смешанные	1	–	1
войсковые	5	5	10
присутствие уровня до БТГ включительно	1	1	2
присутствие уровня от БТГ до бригады	4	4	8
свыше бригады	1	–	1
военно-тренировочные	2	1	3
Эгиды международной структуры			
НАТО	5	5	10
ЕС	1	1	2
ООН	2	–	2

Составлено автором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арзаманова Т.В. (2022) Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 258–284. (<https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>).

Arzamanova T.V. (2022) Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tihookeanskom regione v usloviyah vozvrashheniya sopernichestva velikih derzhav [Some Aspects of German Strategic Planning in Indo-Pacific Region Facing the Return of Great Powers Rivalry]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 258–284 (<https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>) (In Russ.).

Камкин А.К. (2022) Ближневосточный вектор внешней политики ФРГ 2010–2022 гг. // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 188–212. (<https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.08>).

Kamkin A.K. (2022) Blizhnevostochnyj vektor vneshnej politiki FRG 2010–2022 gg. [Middle-Eastern vector of German foreign policy (2010–2022)]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 188–212. (<https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.08>) (In Russ.).

Сидоров А.С. (2019) Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 172–186.

Sidorov A.S. (2019). Franko-germanskoe voenno-politicheskoe sotrudnichestvo: «okno vozmozhnostej» ili dvizhenie po inercii? [French-German military cooperation: «window of opportunities» or movement by inertia?]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, 172–186. (In Russ.).

Хабаров С.Н. (2022) Бундесвер как основа военной организации Германии // Военная мысль. № 11. С. 117–133.

Habarov S.N. (2022) Bundesverr als osnova voennoj organizacii Germanii [The Bundeswehr as the basis of Germany's military organization]. *Voennaja mysl'*. no 11, pp. 117–133. (In Russ.).

Biscop S. (2022) The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. No 285. 6 p.

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. 52 p. (In Germ.).

Glatz R., Kaim M. (2020) Mandatverlängerer – Abzug vorbereiten // *SWP-Aktuell*. No 18. 4 p. (<https://doi.org/10.18449/2020A18>) (In Germ.).

Glatz R., Zapfe M. (2017) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // *SWP-Aktuell*. No. 62. 8 p. (In Germ.).

Hacke C. (1993) Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt-am-Main: Ullstein. 682 p. (In Germ.).

Major C., Swistek G. (2022) Die NATO nachdem Gipfel von Madrid // *SWP-Aktuell*. No. 49. 4 p. (<https://doi.org/10.18449/2022A49>) (In Germ.).

Varwick J. (2007). Nordatlantische Allianz // *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH, 2007. Pp. 763–778. (In Germ.).

Информация об авторе

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Адрес: 117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21. E-mail: 1trunov@mail.ru

About the author

Philipp O. Trunov, Candidate of Political Science, Leading Research Fellow, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Address: 51/21, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117418. E-mail: 1trunov@mail.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 21.11.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 10.01.2024

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА WORLD ECONOMY

Оригинальная статья / Original article

Транснациональный бизнес в условиях геоэкономической фрагментации

© С.В. КИСЛИЦЫН, А.А. ГУЖЕВА

Кислицын Сергей Владимирович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), skislitsyn@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-8438-7964

Гужева Анна Андреевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), aguzheva@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-2747-6837

Формирование полицентричной системы международных отношений ведет к геоэкономической фрагментации международной торговли. Межгосударственные противоречия создают специфические риски для международного бизнеса. В ходе выстраивания «нового» миропорядка транснациональные корпорации сталкиваются с угрозами нарушения глобальных цепочек поставок, усилением политики протекционизма, введением несогласованных стандартов и распространением нерыночных ограничений в области инвестиций, технологий, доступа к зарубежным рынкам. Предпринята попытка проанализировать, как современные международные противоречия влияют на стратегические подходы ТНК. Рассмотрены общие аспекты фрагментации мировой экономики и вероятные пределы этого процесса. Изучены экономические вызовы в работе международного бизнеса, а также политические и репутационные риски, в том числе на примере Российской Федерации. Сделан вывод о том, что в результате межгосударственных конфликтов корпоративному сектору приходится занимать определенные политические позиции. Следовательно, возникает новый неэкономический фактор влияния на стратегический менеджмент транснациональных компаний.

Ключевые слова: геоэкономическая фрагментация, глобализация, транснациональные корпорации, международные экономические отношения, оценка рисков, американо-китайская конкуренция

Цитирование: Кислицын С.В., Гужева А.А. (2024) Транснациональный бизнес в условиях геоэкономической фрагментации // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 60–73. DOI: 10.31857/S0869049924010055, EDN: RSAVIS

Transnational Business in Conditions of Geoeconomic Fragmentation

© S. KISLITSYN, A. GUZHEVA

Sergey V. Kislitsyn, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), skislitsyn@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-8438-7964

Anna A. Guzheva, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), aguzheva@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-2747-6837

Abstract. The formation of a polycentric system of international relations leads to geoeconomic fragmentation of international trade. Interstate contradictions create specific risks for multinational companies (MNCs). As a result of the emergence of a “new” world order, transnational corporations face risks of disruption of global supply chains, strengthening of protectionist policies, introduction of inconsistent standards that are incompatible with each other and dissemination of non-market restrictions in the field of investment, technology and access to foreign markets. The impact of modern international contradictions on the strategic approaches of MNCs is analyzed. General aspects of the fragmentation in the world economy and its likely limits are examined. International economic challenges for business are studied, as well as political and reputational risks (based on the example of the Russian Federation). It is concluded that the corporate sector has to take certain political positions due to interstate conflicts. Consequently, a new non-economic factor influencing transnational companies’ strategic management is identified.

Keywords: geoeconomic fragmentation, globalization, transnational corporations, international economic relations, risk assessment, US-Chinese competition

Citation: Kislitsyn S.V., Guzheva A.A. (2024) Transnational Business in Conditions of Geoeconomic Fragmentation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 60–73. DOI: 10.31857/S0869049924010055, EDN: RSAVIS (In Russ.)

Международный бизнес, в частности транснациональные корпорации (ТНК), в условиях современной глобализации выступает одним из ключевых экономических агентов, которые влияют на развитие как отдельных стран, так и мировой экономики в целом. Их деятельность во многом определяет эволюцию мирохозяйственных связей: международные компании создают условия для развития в инновационной, научно-технической, технологической и экологической сферах. Они притягивают трудовые ресурсы, способствуют росту совокупной производительности факторов. Например, среди компаний, зарегистрированных в США, менее 1% относят к транснациональным. Однако именно эти организации создают 22% рабочих мест в стране, начисляют 30% зарплат, обеспечивают 40% продаж, 65% товарного экспорта и 60% товарного импорта [*Kamal, McCloskey, Ouyang 2022*].

Динамичный рост количества ТНК и усиление их роли в мировой экономике привели к тому, что они превратились из объектов в субъекты международной политики. ТНК определяют динамику международной торговли, уровень конкурентоспособности товаров и услуг на мировом рынке, контролируют международное движение капитала и иностранных инвестиций. Стратегия, интересы и специфические аспекты деятельности ТНК играют важную роль в развитии производительных сил капиталистического общества.

Главным конкурентным преимуществом мировых ТНК считают способность противостоять кризисам в финансовой и экономической сферах и сохранять ведущие позиции

в глобальной экономике в условиях нестабильности. Устойчивость ТНК обеспечивают специфические корпоративные стратегии и организация деятельности. Конкурентоспособность и конкурентную политику ТНК оценивают не по максимизации прибыли. Современный подход к изучению деятельности ТНК основан на анализе масштабов их бизнеса и способности увеличить свою долю на рынке. Специфика текущего этапа технологического прогресса обуславливает необходимость разработать новые методы оценки ТНК: новые бизнес-модели обеспечивают быструю трансформацию масштабов корпораций за счет использования цифровых платформ.

Вместе с тем изменения в системе международных отношений усиливают влияние неэкономических факторов на деятельность международного бизнеса, в том числе на ТНК. Современная мировая экономика имеет тенденцию к поляризации, в том числе обусловленную геополитической конфронтацией США и Китая. Происходят изменения в интеграционных процессах: отмечен переход от конвергенции к дивергенции, различия между моделями национальных экономик усиливаются. Страны и блоки в большей мере обособляются друг от друга экономически, так как усиливают собственную протекционистскую политику. Корпоративные лидеры все чаще заявляют, что в текущих условиях геополитические факторы берут верх над рыночными. В данной ситуации перед управляющими ТНК лицами встает важная задача – оптимизировать рынки капитала, обеспечить эффективное управление стоимостью своих предприятий¹.

Современная научная литература уделяет значительное внимание проблемам международного бизнеса и деятельности ТНК. Исследуют как общие тенденции их развития [Кузнецов 2022], так и внедрение новых технологий, которые обеспечивают инновационные изменения компаний [Березной 2018]. Исследователи рассматривают проблемы отношений между ТНК и государствами, в том числе вопросы протекционизма как политики правительств по обеспечению интересов национального бизнеса за рубежом [Миловидов, Аскер-заде 2020]. Обострившиеся в последние десятилетия проблемы фрагментации в мировой экономике, в том числе связанные с нарушениями функционирования глобальных цепочек поставок, описаны в [Кириллов, Смирнов 2019]. Межгосударственные экономические противоречия, в частности проблемы американо-китайской стратегической конкуренции, проанализированы в работах [Чудинова 2022, Дмитриев 2023].

В рамках данной статьи предпринята попытка определить, как современные международные противоречия воздействуют на деятельность крупного бизнеса (в т. ч. и ТНК), а также влияют на корпоративные стратегические подходы и алгоритмы принятия решений. Исследование состоит из трех частей. В первой рассмотрены общие аспекты фрагментации мировой экономики и ее возможные пределы. Вторая часть посвящена экономическим вызовам в работе международного бизнеса, третья – политическим и репутационным рискам, в том числе на примере Российской Федерации.

Фрагментация мировой экономики

В условиях обострения межгосударственных противоречий и борьбы с последствиями кризиса, связанного с пандемией COVID-19, появились предпосылки для фрагментации мировой экономики. Возникающие в результате риски могут иметь долгосрочный характер и существенно повлиять на дальнейшее развитие мирохозяйственных связей, а соответственно, и на деятельность ТНК.

¹ Geopolitical risk: Navigating a world in flux. McKinsey. March 9, 2023. (<https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/geopolitical-risk-navigating-a-world-in-flux>).

Современные экономисты [Intscher 2020; Yonson, Noy 2018; Aiyar, Chen, Ebeke, Garcia-Saltos, Gudmundsson, Ilyina, Kangur, Rodriguez, Ruta, Schulze, Trevino, Kunaratskul, Soderberg 2023] ввели термин «геоэкономическая фрагментация», чтобы описывать глобальную дезинтеграцию. На данном этапе усиливается влияние политических факторов и растет значимость межгосударственных отношений для развития мирового хозяйства. Геоэкономическая фрагментация – тенденция, противоположная глобализации, темпы которой замедлились в последние годы. С 1988 г. и до глобального кризиса 2008 г. мировой экспорт показывал стабильный рост от 785 до 17 701 трлн долл. США, в среднем 17,5% ежегодно. Однако за период с 2009 по 2020 гг. он возрос с 13 856 (падение по сравнению с 2008 г.) до 19 307 трлн долл., или на 1,4% ежегодно². Аналогичная динамика характерна и для международных потоков ПИИ. За 1988–2008 гг. их объем увеличился со 182 до 1715 млрд долл. В 2009 г. показатель снизился до 1185 млрд долл. До сих пор он не превысил уровень 2008 г. (780 млрд долл. в 2020 г.³). На рис. 1 показано изменение индекса глобализации КОФ, который рассчитывают эксперты Швейцарского экономического института.

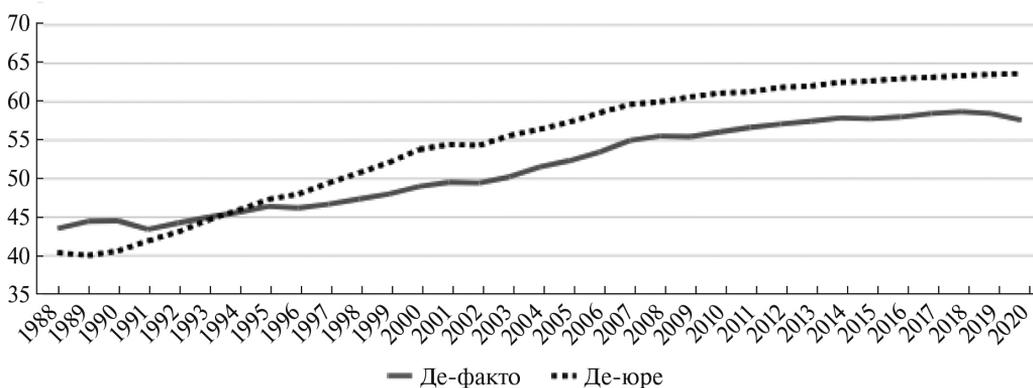

Рисунок 1. Индекс глобализации КОФ

Figure 1. KOF Globalisation Index

Источник: KOF Swiss Economic Institute⁴.

Source: KOF Swiss Economic Institute.

Датский экономист Адж. Бакас охарактеризовал период после мирового кризиса 2008 г. как «медлинизацию», или замедление глобализации (slowbalisation). Впрочем, нельзя исключать и версию того, что быстрые темпы роста тех лет, наоборот, были исключительным явлением⁵. В любом случае тенденция очевидна: темпы мирового роста замедлились.

² Рассчитано по: Exports By Country and Region Product to World in US\$ Thousand 1988–2020. World Bank. (<https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/All/StartYear/1988/EndYear/2020/TradeFlow/Export/Indicator/XPRT-TRD-VL/Partner/WLD/Product/Total>).

³ UNCTAD Stat. (<https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740>).

⁴ KOF Globalisation Index. (<https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>).

⁵ C. Jones. Was hyperglobalisation an anomaly? Financial Times. 17.11.2020. (<https://www.ft.com/content/a89f5911-5cba-4d62-8746-5213303a92ec>).

На данный тренд также указывает и низкая скорость восстановления мировой экономики после пандемии коронавируса 2020–2021 гг. Согласно оценкам ОЭСР, в 2023 г. мировой рост составит 2,7%, а в 2024 г. – 2,9%, что ниже средних показателей за предыдущее десятилетие – около 3%⁶.

Пандемия COVID-19, в свою очередь, спровоцировала перенастройку ранее сформировавшихся связей. Обусловленный распространением коронавируса логистический кризис выявил серьезные недостатки в глобальных цепочках поставок. Стоимость контейнерных грузоперевозок увеличилась в 10 раз к 2021 г., вернувшись к докризисному уровню только в начале 2023 г.⁷. Одним из последствий этого кризиса стали проблемы с поставками полупроводников, дефицит которых снизил объемы выпускаемой продукции в ряде отраслей по всему миру. Однако принятые меры позволили восстановить надежность логистической деятельности, повысить ее устойчивость к различным кризисным явлениям, а также развивать механизмы раннего предупреждения о возможных рисках и вероятных разрывах в поставках.

Еще одно явление в мировой экономике, которое связано с фрагментацией, – протекционистские тенденции. Они активизировались еще во второй половине 2010-х гг. в первую очередь в связи с торговой политикой президента США Д. Трампа. Его администрация ввела пошлины на импорт ряда товаров, в том числе на сталь и алюминий. Это обстоятельство негативно повлияло на европейских и мексиканских производителей. В то же время эти меры не способствовали оживлению американской сталелитейной отрасли.

Современные протекционистские меры в разных странах продолжают развивать и не ограничивают их пошлинами и нетарифными торговыми барьерами. «Протекционизм 2.0» подразумевает проактивную политику государства, направленную на формирование благоприятной для него внешней экономической среды, включая системы торговых договоров и форматов сотрудничества с другими государствами. Кроме того, новый протекционизм, помимо чисто экономических аспектов, затрагивает ценностно-идеологические и политические стороны. Подобные механизмы должны не только защитить внутренний рынок, но и призваны обеспечить интересы национального бизнеса на мировом рынке товаров и услуг, а также на других национальных рынках. В данном контексте протекционизм выступает средством государственной политики по обеспечению доминирования на мировом рынке товаров и услуг [Миловидов, Аскер-заде 2020].

Оценки вероятных последствий экономической фрагментации различны. Очевидно, что чем сильнее она будет выражена, тем выше будут издержки, связанные с преодолением ее последствий. По оценкам МВФ, в результате данных процессов мировой ВВП может потерять от 0,2 до 7%. При самом негативном сценарии для отдельных стран показатель может составить 8–12% [Aiyar, Chen, Ebeke, Garcia-Saltos, Gudmundsson, Ilyina, Kangur, Rodriguez, Ruta, Schulze, Trevino, Kunaratskul, Soderberg 2023, 4]. Связанные с фрагментацией риски затронут потоки ПИИ, развитие и трансфер технологий, создание инфраструктуры и внедрение стандартов. Наконец, для корпораций будет затруднен доступ к зарубежной рабочей силе (как низко-, так и высококвалифицированной), что снизит производительность труда и уровень жизни. Кроме того, появляется угроза срыва обязательств по сокращению выбросов в атмосферу, согласованных в рамках Парижского соглашения (2015 г.), и достижения Целей в области устойчивого развития ООН до 2030 г.

⁶ A long unwinding road. OECD Economic Outlook. June 2023. (<https://www.oecd.org/economic-outlook/june-2023/>).

⁷ Placek M. Monthly container freight rate index worldwide 2019–2023. Statista. 11.07.2023. (<https://www.statista.com/statistics/1250636/global-container-freight-index/>).

Экономические предпосылки фрагментации в значительной степени обусловлены политическими условиями. Данная тенденция во многом определяет дальнейшие перспективы мирового развития. Политизация мировой экономики становится новым вызовом. Если в период холодной войны капиталистическая и социалистическая системы развития противостояли друг другу, то сейчас конкуренция развивается в рамках единой капиталистической системы. В таких же условиях идет формирование и логики противоборства отдельных мировых акторов. Ее осевым противоречием выступают американо-китайские отношения. С конца 2010-х гг. страны находятся в состоянии относительно контролируемой конкуренции. Она сочетает в себе как взаимные торговые ограничения, которые затрагивают также и некоторых их партнеров, так и поиски взаимоприемлемых двусторонних правил взаимодействия. Примером служит договоренность о двустороннем торговом балансе, в рамках которого КНР обязалась закупить у США отдельные виды продукции за определенный промежуток времени.

Вместе с тем очевидно, что стороны постепенно переходят в состояние конфронтации, о чем косвенно свидетельствуют некоторые документы. Стратегия национальной безопасности США, опубликованная в 2022 г., называет конкуренцию с КНР важнейшим вызовом для американских интересов. В документе указано, что ближайшее десятилетие станет решающим для формирования новой системы международных отношений и соответствующей расстановки сил.

Действуя в рамках собственных приоритетов, Соединенные Штаты развивают сотрудничество со своими союзниками, в первую очередь в Европе. На современном этапе перед Вашингтоном стоят несколько комплексных задач.

Во-первых, технологический переход и внедрение элементов Индустрии 4.0 требует расширять межстрановую кооперацию. Конкуренция с союзниками, в свою очередь, может принести значительные издержки. Чтобы избежать их, США и ЕС активно сотрудничают в рамках организованного ими в 2022 г. Торгово-технологического совета. Его задача – определять и внедрять технологические стандарты по целому ряду направлений, чтобы сгладить вероятные будущие противоречия сторон в промышленной сфере.

Во-вторых, из-за конкуренции с КНР США и их союзники поставили перед собой цель постепенно выдавливать китайских конкурентов со своих высокотехнологичных рынков, а также ограничивать доступ китайских инвесторов к наиболее чувствительным и важным проектам. С этой целью союзники разрабатывают форматы и требования для контроля за инвестициями в самых значимых для них сферах. Еще одно средство достижения данной цели – секьюритизация высокотехнологичных отраслей гражданского сектора. В частности, США пытаются заставить своих европейских партнеров отказаться от оборудования для сетей связи 5G, предоставленного китайскими компаниями Huawei и ZTE.

Помимо выработки совместных стандартов и требований, затрагивающих деятельность транснационального бизнеса, США и страны Группы семи (включая ЕС) пытаются сформировать альтернативу китайской инициативе «Один пояс – один путь» – Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям (Partnership for Global Infrastructure and Investments). Его задача – организовать поддержку на ранних стадиях инвестиционных проектов в области инфраструктуры в странах со средним и низким уровнем доходов. В рамках Партнерства идет разработка универсальных требований для проектов, что позволит обеспечить приток инвестиций и привлечь западные компании. Предполагается, что проекты будут оценивать по балльной системе в рамках международной программы сертификации качественных инфраструктурных проектов Blue Dot Network. Несмотря на то, что основной принцип партнерского соглашения – способствовать созданию устойчивой и современной инфраструктуры, его участники признают, что идея

его заключения связана с необходимостью противостоять китайской инициативе «Один пояс – один путь».

Создание американо-европейского Торгово-технологического совета и Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям не только позволит решать объективные проблемы трансатлантических отношений и обеспечивать интересы западных компаний и инвесторов в развивающихся странах. Подобные союзы могут способствовать формированию блоков «американоцентричных» стран и государств, которые не входят в зону влияния США.

В обстановке секьюритизации информационно-коммуникационных технологий и доступа к их возможностям развитие цифровых платформ может стать существенной проблемой. На данный момент около 12% международной торговли товарами осуществляется при помощи каналов электронной коммерции B2C (от бизнеса к потребителю) и B2B (от бизнеса к бизнесу) [Березной 2018, 6]. С одной стороны, цифровизация значительно упрощает работу компаний. С другой – предоставляет возможность воздействовать на государства и компании в случае несоответствия тем или иным требованиям (в том числе и политического характера) или же с целью получить от них какие-либо уступки. Очевидно, что на транснациональный бизнес в той или иной мере влияют правила юрисдикций, которым они должны следовать. Соответственно, важна способность корпораций предвидеть и приспособиться к регуляторным изменениям политического и экономического характера. Для ТНК большую проблему представляет тот факт, что им приходится взаимодействовать со многими национальными правительствами, каждое из которых имеет свою собственную политику. Политические противоречия между странами базирования и государствами, с которыми компании ведут свой бизнес, могут существенно затруднить этот процесс.

Таким образом, геоэкономическая фрагментация может формировать специфические «зоны роста»: страны, примкнувшие к одному из полюсов, все больше зависят от отдельных стран и экономик, что усиливает риски в глобальном масштабе. Уход от конвергенции, «решоринг» и последующая фрагментация производства в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС) будут усиливать мировое неравенство в доходах. Конфронтация между США и их союзниками с КНР также способствует росту неопределенности. Она затрудняет работу международных компаний, что может стать причиной последующих мировых кризисов.

Риски для ТНК в результате геоэкономической фрагментации

Геоэкономическая фрагментация напрямую влияет на стратегии транснациональных корпораций. Высокая степень неопределенности, изменения в торговых политиках государств и требованиях к торговле создают дополнительные риски: растет стоимость импорта и экспорта для ТНК, ухудшается доступность отдельных товаров и услуг. Соответственно, для решения торговых конфликтов ТНК необходимо пересматривать свои кризисные стратегии.

Экспертные опросы показывают, что руководство ряда ТНК считают геополитические проблемы наиболее значимыми для себя⁸. Изменение ситуации требует от них новых подходов к оценке рисков, которые будут отличаться от традиционных методов. С 2020-х гг.

⁸ How to build geopolitical resilience amid a fragmenting global order. McKinsey & Company. September 8, 2022. (<https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/how-to-build-geopolitical-resilience-amid-a-fragmenting-global-order>).

характерным вызовом стали «сбои» в работе систем, которые ранее считались стабильными. Такие проблемы проявляются в цепочках поставок товаров в основополагающих секторах, включая сельское хозяйство, автомобилестроение, энергетику. Эксперты связывают многие из них со стратегической конкуренцией между США и КНР или же с кризисом на Украине. Можно сделать вывод, что геополитические вызовы порождают риски взаимозависимости⁹. В случае с ТНК они возникают внутри цепочек поставок, в связи с чем их можно считать частью геополитического риска. Такие ситуации могут касаться поставщиков материалов или компонентов, которые находятся в одной из затронутых конфликтом стран. В результате затрудняется производство конечной продукции, могут возникнуть проблемы с ее доставкой потребителям.

Для преодоления последствий геоэкономической фрагментации ТНК, в частности, повышают устойчивость глобальных цепочек поставок (ГЦП). Под данным концептом подразумевают способность компании адаптироваться к политическим и/или торговым конфликтам и минимизировать их негативное влияние на бизнес. В рамках соответствующих стратегий компании реструктуризируют саму цепочку производства и поставок, в том числе посредством продажи активов и перенаправления потоков ПИИ, а также совершенствуют систему управления рисками, чтобы достичь большей гибкости в своей деятельности. Ранее ТНК больше полагались на устойчивость своих сетей международного производства, предпочитая диверсифицировать поставщиков. Корпорации стремились расширить сеть партнеров, чтобы уменьшить зависимость от одной или нескольких стран. Данная стратегия позволяла снизить риски прекращения поставок и сохранять стабильные производственные цепочки. Однако в результате формировались сложные, длинные, географически разрозненные сети производства и поставок, устойчивость которых вызывала опасения. В современных же условиях необходимо развигивать новые стратегические подходы.

Альтернативным способом снижения рисков становится развитие глобальных платформенных бизнес-моделей. Сами по себе их нельзя считать ТНК, однако такие сервисы выступают сетевыми формами организации бизнеса, которые объединяют на добровольных началах предприятия различных масштабов и потребителей [Березной 2018, 8]. Еще один вариант, который стал доступен благодаря современным ИКТ, – это автоматизация и цифровизация торговли. Развитию подобных технологий может способствовать растущий спрос на ускоренную доставку индивидуальных продуктов. Модели индивидуального массового производства типа Индустрии 4.0 позволяют клиентам заказывать персонализированный товар, который затем производят на ближайшем производственном предприятии, что позволяет ускорить его доставку. Данная стратегия создает возможности фрагментации производственных цепочек, а также обеспечивает возможность быстро перестраивать их к новым условиям [Butollo 2021, 266–270].

Помимо традиционных мер и альтернативных подходов отдельные корпорации стали рассматривать варианты «решоринга», «френдшоринга» и «ниаршоринга», что отражено в корпоративной отчетности [Aiyar, Chen, Ebeke, Garcia-Saltos, Gudmundsson, Ilyina, Kangur, Rodriguez, Ruta, Schulze, Trevino, Kunaratskul, Soderberg 2023, 11]. Подобные действия подразумевают перенос основных производств и инвестиций из отдаленных и менее стабильных регионов мира к партнерам, которые кажутся более надежными и находятся ближе, что облегчает и удешевляет логистику.

⁹ How our interconnected world is changing. McKinsey Global Institute. February 9, 2023. (<https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/how-our-interconnected-world-is-changing>).

Под рещорингом имеется в виду перемещение бизнеса или его части, который базировался в какой-либо стране, обратно в страну происхождения¹⁰. В рамках данной стратегии компания изымает ПИИ из страны, что негативно отражается на накопленных объемах национальных инвестиций и на их будущих потоках. При инаршоринге производство или услуги перемещают ближе к внутреннему рынку компании, чтобы снизить затраты и повысить качество за счет использования более дешевых ресурсов в соседних странах¹¹. Рещоринг и инаршоринг снижают зависимость бизнеса от ГЦП, сокращая цепочки, а также позволяют наладить процесс производства и поставок в рамках одного региона. Как следствие, снижаются риски нестабильности и сбоев. Диверсификация позволяет обеспечить различные каналы дистрибуции и снизить концентрацию производственной части цепочки внутри страны.

Наконец, френдшоринг подразумевает перенос цепочек и реформатирование связей в пользу государств, дружественных стране базирования. Такая стратегия позволяет минимизировать влияние политических факторов. Все три подхода в целом отражают тенденцию к регионализации глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) [Enderwick, Buckley 2020]. Региональная интеграция представляет собой сотрудничество с большим количеством «доверенных стран», цель которого – наиболее безопасно расширить доступ к рынку.

Помимо глобальной реструктуризации ГЦСС, ТНК также используют решения, которые обеспечивают им большую гибкость в действиях внутри системы. В частности, они создают цифровые платформы, технологические возможности которых позволяют моделировать изменения в функционировании ГЦСС в условиях появления каких-либо из вышеперечисленных рисков. Данные цифровые ресурсы облегчают анализ состояния рынков, а также прогнозирование различных сценариев их развития, чтобы принимать оптимальные решения [Brakman, Garretsen, Van Witteloostuijn 2020]. Благодаря цифровому мониторингу можно своевременно прогнозировать перенастройки ГЦПП и их возможные сбои, а также предлагать альтернативные решения в сфере логистики и транспорта. С помощью анализа и прогноза можно предотвращать риски колебаний спроса. Внутренний контроль и создание цифровых решений требует значительных капиталовложений и технологий, однако данные вложения менее затратны, чем реструктуризация ГЦПП.

Вместе с тем изменения в ГЦСС не устраняют возникающие финансовые риски, связанные с колебаниями валютных курсов и, как следствие, потерями в стоимости активов, а также, при конвертации прибыли, репатриации капитала в материнскую компанию. Дополнительные проблемы создают перспективы разъединения и взаимодублирования национальных платежных систем, также обусловленные современной геоэкономической фрагментацией. Пример – экономические санкции в отношении России, которые ограничили использование платежных методов и систем, в итоге затруднив выполнение транзакций ТНК. Такие же риски осложняют использование цифровых платформ.

Репутационные риски как новая тенденция

Характерная черта современного развития мировой экономики – повышение значимости репутационных рисков¹² в контексте новых геополитических реалий. Их связывают с нарушением прав человека, вопросами этики и экологическими проблемами. Риски

¹⁰ Reshoring. Cambridge Dictionary. (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/reshoring>).

¹¹ What is Nearshoring? Definition. oboloo. (<https://oboloo.com/blog/what-is-nearshoring-definition/>).

¹² How to build geopolitical resilience amid a fragmenting global order. McKinsey & Company. September 8, 2022. (<https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/how-to-build-geopolitical-resilience-amid-fragmenting-global-order>).

в области экологии, социальной ответственности и корпоративного управления могут напрямую влиять на репутацию ТНК. Заинтересованные лица могут потерять доверие к бизнесу из-за несоблюдения принципов ESG, что в итоге приводит к потерям прибыли и рыночной стоимости.

В результате геоэкономической фрагментации ТНК могут непреднамеренно оказаться в центре политических или социальных конфликтов. Причастность компании к спорным вопросам или нарушение норм корпоративной социальной ответственности способны создать негативный образ и нанести ущерб репутации, а в некоторых случаях и вовсе превратить предприятие в жертву культуры отмены (cancel culture)¹³. В результате бизнес теряет клиентов и привлекательность для акционеров, снижаются объемы продаж, а в конечном счете ухудшается финансовое положение компании.

Репутационный риск в контексте ТНК актуально рассматривать на примере компаний, ушедших из России после начала специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. Всего страну покинуло более одной тысячи зарубежных брендов. Большинство из них базируются в США (32%), Великобритании (10,6%), Германии (7,8%), Финляндии (4,8%), Японии (4,7%) и Франции (3,9%)¹⁴.

В ряде случаев уход с российского рынка не был связан с санкциями и необходимостью соблюдать санкционный комплаенс¹⁵. Зачастую компании объясняли такие решения техническими причинами или же морально-ценностными противоречиями с российской стороной.

Моральный аспект прекращения деятельности в РФ связан со стремлением избежать ассоциации с конфликтом на Украине. Мотивацию данных компаний можно рассматривать как стремление сохранить лояльность своих клиентов и партнеров на Западе. Помимо прочего, территориальный конфликт создает нестабильность и риски для старых ГЦП ТНК, что может привести к проблемам с поставками необходимых для их деятельности ресурсов. В результате могут возникнуть задержки в производственных процессах, что негативно повлияет на репутацию компании. Новые сложности с платежами также могли стать причиной ухода компаний из России. Санкции, отключение российских банков от SWIFT и общая напряженность усложнили данные действия. Безопасность и эффективность финансовых операций потребовали дополнительных затрат от бизнеса.

Крупные компании оказались наиболее уязвимы к давлению политических элит западных стран. Особенно данная характеристика касается известных зарубежных брендов на российском рынке, уход которых сопровождался наибольшим вниманием общества. Данный аспект также порождает гипотетические стратегии давления на потребителей, которое может привести к социальному недовольству. Примером такого явления стала корпорация McDonald's, которая закрыла свои рестораны в России и приостановила работу на отечественном рынке. Компания объяснила свои действия «гуманитарным кризисом», а также выводом, что «владение бизнесом в России более нецелесообразно и не соответствует» ее ценностям. При уходе из России корпорация списала в качестве убытков порядка 1,2 млрд долл.¹⁶

¹³ Культура отмены – коллективный призыв к отказу от взаимодействия с брендами или персонами, которые нарушили признанные общественные нормы.

¹⁴ Yale CELI List of Companies Leaving and Staying in Russia. Yale School of Management. 18.07.2023. (<https://www.yalerussianbusinessretreat.com>).

¹⁵ Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. Yale School of Management. 15.06.2023. (<https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain>).

¹⁶ McDonald's to Exit from Russia. PRNewswire. 16 May, 2022. (<https://www.prnewswire.com/news-releases/mcdonalds-to-exit-from-russia-301547731.html>).

В условиях неопределенности на российском рынке альтернативным решением для западных компаний стало «сознательное затягивание времени»¹⁷ и ожидание разрешения конфликтной ситуации. Также есть бренды, которые хотели бы уйти из России, но не смогли найти покупателей для своих активов¹⁸.

Рабочим вариантом для крупных предприятий стала продажа активов в РФ «по рублю»¹⁹. Следует отметить, что такие соглашения предусматривают возможность их обратного выкупа. Автоконцерн Renault заключил договор о продаже своего бизнеса в Москве за символические 2 рубля. Однако данный договор предполагает право владельцев вернуть свои предприятия обратно в течение 6 лет с правом получения всех инвестиций, вложенных за время их отсутствия и неучастия в работе российского филиала концерна²⁰. Иными словами, ТНК рассматривают возможность возобновления своей деятельности на территории РФ после того, как международная обстановка станет для них более приемлемой и/или безопасной. В то же время любая иностранная компания может определять «безопасность», самостоятельно оценивая репутационные предпосылки и возможные логистические риски.

Помимо репутационных рисков, связанных с продолжением деятельности ТНК в РФ, необходимо отметить и репутационные возможности для компаний, которые покинули российский рынок. Согласно отчету американской консалтинговой компании Edelman, практически 50% опрошенных респондентов из 13 стран (Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Канада, Мексика, ОАЭ, Саудовская Аравия, США, Франция, Южная Африка, Южная Корея, Япония) отмечают, что после заявлений каждой отдельно взятой компании об их взглядах на конфликт на Украине потребители изменили отношение к бренду: отказались или наоборот стали покупать его товары чаще. Также отмечается, что западные фондовые рынки «вознаграждают» компании за то, что они покидают Россию, и «наказывают» тех, кто остается, снижая стоимость их акций на мировых финансовых рынках или завышая оценки рисков, связанных с деятельностью данных компаний в России [*Sonnenfeld, Jeffrey and Tian, Steven and Zaslavsky, Steven and Bhansali, Yash and Vakil, Ryan* 2022].

Анализ динамики капитализации компаний, которые полностью покинули российский рынок или частично сократили операции на рынке, и тех, которые продолжили работу, показывает разные результаты. Капитализация ушедших компаний сократилась на 3%. Стоимость предприятий, которые сократили инвестиции, снизилась на 8%, а тех, кто остался в РФ по принципу *business as usual*, – на 12,6%²¹. Важно и то, что в данном вопросе характерно разделение по отраслям: массово покинули российский рынок промышленные, ИТ и финансовые фирмы, что было связано с санкционным режимом. Однако одной из наибольших групп стали компании из сферы производства потребительских товаров вторичной необходимости. Данная группа в значительной степени ориентируется на формирование своего положительного социального образа у потребителя.

¹⁷ Breaking up with Russia is hard for many Western firms, despite war. Washington Post. April 15, 2023. (<https://www.washingtonpost.com/world/2023/04/15/western-brands-russia-sanctions-war/>).

¹⁸ Companies Find Leaving Russia Difficult, Though Many Are Trying. The Wall Street Journal. June 21, 2022. (<https://www.wsj.com/articles/companies-find-leaving-russia-difficult-though-many-are-trying-11655803801>).

¹⁹ «Сделка за рубль»: Минпромторг рассказал о планах Renault передать «Автоваз» НАМИ. Forbes. 27 апреля 2022. (<https://www.forbes.ru/biznes/464065-sdelka-za-rubl-minpromtorg-rasskazal-o-planah-renault-peredat-avtovaz-nami>).

²⁰ Renault оставили Москве: Почему французский производитель машин продал бизнес столице. Коммерсантъ. 16.05.2022. (<https://www.kommersant.ru/doc/5355325>).

²¹ 2022 Edelman Trust Barometer Special Report: The Geopolitical Business. (<https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2022-05/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Special%20Report%20The%20Geopolitical%20Business-Final.pdf>).

Иностранные компании, покинувшие Россию с 2022 г.

Foreign companies that left Russia since 2022

Отрасль	Полностью ушли	Оставили возможность возврата	Сократили текущие операции	Приостановили новые проекты	Без изменений
Промышленность	153	117	38	32	63
Потреб. товары вторичной необходимости	90	131	23	21	48
Информационные технологии	66	93	15	10	12
Потреб. товары повседневного спроса	55	40	10	41	21
Финансы	45	35	24	11	15
Материалы	35	20	13	12	17
Услуги связи	25	29	7	4	7
НПО	21	16	0	3	0
Энергетика	19	8	10	10	16
Программное обеспечение	7	2	3	2	3
Недвижимость	6	3	1	1	3
Здравоохранение	3	10	7	33	17
Всего	527	504	151	180	223
Итого					1585

Источник: *рассчитано по Yale CELI List of Companies, дата обращения 30.07.2023.*

Source: *calculated from Yale CELI List of Companies, accessed 30.07.2023.*

Пример поведения зарубежных компаний на российском рынке может быть показательным. В случае роста конфликтности в мире подобные практики продолжают развиваться. Экономическая конфронтация, характерная для США и КНР, не приводит к подобным противоречиям – даже наоборот, ТНК стараются способствовать ее разрешению. Однако военные конфликты и санкционные режимы, затрудняющие операционную деятельность компаний, будут способствовать массовому исходу западного бизнеса из государств, недружественных для страны базирования.

* * *

Геоэкономическая фрагментация, риски которой возрастают по мере формирования системы международных отношений, проявилась еще не в полной мере. Связанные с ней вызовы выражаются в политике разъединения американской и китайской экономик, а также в формировании соответствующих экономических блоков. Вместе с тем геоэкономическую фрагментацию нельзя рассматривать как антоним глобализации – несмотря на замедление, этот процесс продолжится, но приобретет новую специфику. Гипотетическое деление мира, по крайней мере, с одним выраженным западным блоком может накладывать серьезные ограничения на развитие мирохозяйственных связей. Геополитические риски, которые приобретают все большую значимость для международных компаний, способствуют формированию новых корпоративных стратегий.

Альтернативные подходы, связанные с развитием цифровых платформ и возможностями Индустрии 4.0, пока что не утвердились в полной мере. Они несут в себе риски ограничения доступа к соответствующим услугам. Дополнительные сложности создают репутационные издержки, которые требуют от компаний занимать политические позиции в случае возникновения межгосударственных конфликтов. Таким образом, в задачи бизнеса входит прогнозирование рисков потенциального ускоренного выхода компании из стран, действия которых не соответствуют ее социальной повестке или политике страны базирования. Такие вызовы, новые для существующего уровня глобализации, требуют дальнейшего анализа. По всей видимости, в будущем они будут существенно влиять на подходы к корпоративному стратегическому планированию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Березной А. (2018) Транснациональный бизнес в эпоху глобальной цифровой революции // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 9. С. 5–17. DOI: 20542/0131-2227-2018-62-9-5-17
- Bereznói A. (2018) Transnacional'nyj biznes v epohu global'noj cifrovoj revolucii [Multinational Business in the Era of Global Digital Revolution]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. vol. 62, no 9, pp. 5–17. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17 (In Russ.).
- Дмитриев С. (2023) Американский «цифровой занавес» для изоляции Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 7. С. 44–53. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-44-53
- Dmitriev S. (2023) Amerikanskij «cifrovoy zhanaves» dlya izolyacii Kitaya [American «Digital Curtain» to Isolate China]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. vol. 67, no. 7, pp. 44–53. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-44-53 (In Russ.).
- Кузнецов А. (2022) Феномен прямых инвестиций, не связанных с «классическими» ТНК // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 1. С. 91–99. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-91-99
- Kuznetsov A. (2022) Fenomen pryamyh investicij, ne svyazannyh s «klassicheskimi» TNK [Phenomenon of Direct Investments that are Not Associated with «Classic» TNCs]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. vol. 66, no. 1, pp. 91–99. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-91-99 (In Russ.).
- Миловидов В., Аскер-заде Н. (2020) Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 8. С. 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45
- Milovidov V., Asker-Zade N. (2020) Protekcionizm 2.0: novaya real'nost' epohi globalizacii [Protectionism 2.0: New Reality in the Age of Globalisation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. vol. 64, no 8, pp. 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45 (In Russ.).
- Кириллов В.Н., Смирнов Е.Н. (2019) Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики // *Вестник МГИМО Университета*. № 5. С. 64–90.
- Kirillov V.N., Smirnov E.N. (2019) Traektoriya ustojchivogo rosta ili ocherednaya razbalansirovka mekhanizmov mirovoj ekonomiki [Trajectory of Steady Growth or Next Disbalance of Mechanisms of the World Economy]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. no 5, pp. 64–90. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-64-90 (In Russ.).
- Чудинова К.О. (2022) Влияние технологической конкуренции с Китаем на характер американо-японского торгового взаимодействия // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 118–131. DOI: 10.31857/S0869049922040098
- Chudinova K.O. (2022) Vliyanie tekhnologicheskoi konkurentsii s Kitaem na kharakter amerikanoyaponskogo torgovogo vzaimodeistviya [The Impact of Technological Competition with China on the Nature of American Japanese Trade Interaction]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 4. pp. 118–131. DOI: 10.31857/S0869049922040098 (In Russ.).

Aiyar S., Chen J., Ebeke C., Garcia-Saltos R., Gudmundsson T., Ilyina A., Kangur A., Rodriguez S., Ruta M., Schulze T., Trevino J., Kunaratskul T., Soderberg G. (2023) Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. IMF Staff Discussion Note, SDN/2023/01, Washington, DC: International Monetary Fund. 38 p.

Butollo F. (2021) Digitalization and the Geographies of Production: Towards Reshoring or Global Fragmentation? // *Competition & Change*. Vol. 25. Issue 2. Pp. 259–278. DOI: 10.1177/1024529420918160 P. 266–270

Brakman S., Garretsen H., Van Witteloostuijn A. (2020) The Turn from Just-in-Time to Just-in-Case Globalization in and after Times of COVID-19: An Essay on the Risk Re-appraisal of Borders and Buffers // *Social Sciences & Humanities Open*. No. 2.

Enderwick P., Buckley P. (2020) Rising Regionalization: Will the Post-COVID-19 World See a Retreat from Globalization? // *Transnational Corporations*. Vol. 27. No. 2. Pp. 99–112.

Intscher N. (2020) The Fragmentation of Political Risk and MNCs' Supply Chain Linkages. Massachusetts Institute of Technology. 279 p.

Kamal F., McCloskey J., Ouyang W. (2022) Multinational Firms in the US Economy: Insights from Newly Integrated Microdata. US Census Bureau Center for Economic Studies Working Paper. Pp. 22–39.

Sonnenfeld J. Tian S., Zaslavsky S., Bhansali Y., Vakil R. (2022) It Pays for Companies To Leave Russia. DOI: 10.2139/ssrn.4112885

Yonson R., Noy I. (2018) Economic Vulnerability and Resilience to Natural Hazards: Concepts and Measurements // *Sustainability*. No. 10. Pp. 2850. DOI: 10.3390/su10082850

Информация об авторах

Кислицын Сергей Владимирович, кандидат политических наук, руководитель Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: skislitsyn@imemo.ru

Гужева Анна Андреевна, старший лаборант-исследователь Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: aguzheva@imemo.ru

About the authors

Sergey V. Kislitsyn, Candidate of Political Science, Head of the Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: skislitsyn@imemo.ru

Anna A. Guzheva, Senior Laboratory Assistant-Research Fellow, Center for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997. E-mail: aguzheva@imemo.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 23.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 18.09.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 22.11.2023

Оригинальная статья / Original article

Большие данные как источник рыночной власти цифровых платформ^{1,2}

© П.А. ЛЕВАКОВ, Н.С. ПАВЛОВА

Леваков Павел Александрович, лаборатория исследований проблем устойчивого развития РАНХиГС (Россия, Москва), levakov-pa@ranepa.ru. ORCID: 0000-0003-4731-5766

Павлова Наталья Сергеевна, кафедра конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва), Центр исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС (Россия, Москва), pavl.ns@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9416-4086

Большие данные активно используются цифровыми платформами на многосторонних рынках, для которых характерен достаточно высокий уровень монополизации. Проведен анализ больших данных как источника рыночной власти цифровых платформ. Рассмотрены характеристики больших данных как экономического ресурса, приведены аргументы для классификации определенных их категорий (например, исторических данных) как клубных благ. Вопросы использования больших данных цифровыми платформами уже становились объектом антимонопольных разбирательств. На основе анализа результатов данных исследований, а также обзора научной литературы показано, как цифровые платформы посредством больших данных усиливают свою рыночную власть. Например, большие данные позволяют применить стратегию ценовой дискриминации. Помимо этого, их использование увеличивает барьеры для входа на рынок новых платформ (отсутствие доступа к данным, потребность в инвестициях в оборудование для их хранения и обработки, а также необходимость найма квалифицированных сотрудников). Кроме того, цифровые платформы с помощью больших данных могут переносить власть с одного рынка на другой и создавать дискриминационные условия. В ходе исследования предложены рекомендации для антимонопольного регулирования деятельности цифровых платформ в России. Рассмотрены структурные альтернативы регулирования: введение требований по раскрытию больших данных в обезличенном формате, создание рынка

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

² Благодарность. Авторы благодарят двух анонимных рецензентов за ценные замечания и комментарии. Acknowledgement. The authors thank two anonymous reviewers for their valuable comments.

доступа к ним, введение ограничений на отдельные способы их формирования и использования (по аналогии с новым регулированием в ЕС).

Ключевые слова: большие данные, цифровые платформы, рыночная власть, конкуренция, антимонопольная политика, конкурентное право

Цитирование: Леваков П.А., Павлова Н.С. (2024) Большие данные как источник рыночной власти цифровых платформ // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 74–91. DOI: 10.31857/S0869049924010066, EDN: RRSHAO

Big Data as a Source of Market Power of Digital Platforms

© P. LEVAKOV, N. PAVLOVA

Pavel A. Levakov, Laboratory for Sustainable Development Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow), levakov-pa@ranepa.ru, ORCID: 0000-0003-4731-5766

Natalia S. Pavlova, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), Centre for Competition and Economic Regulation Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow), pavl.ns@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9416-4086

Abstract. Big data is widely used by digital platforms in multi-sided markets, which are often considered monopolistic. Big data is analyzed as a potential source of market power of digital platforms, and its characteristics as an economic resource are considered. Arguments for classifying certain categories of big data (for example, historical data) as club goods are specified. The use of big data by digital platforms has already become the object of antitrust proceedings. Based on the analysis of those cases, as well as the review of scientific literature, the relationship between the market power of digital platforms and their use of big data is examined. Firstly, big data can be used by platforms while implementing the strategy of price discrimination. Secondly, the usage of big data creates barriers to entry for new platforms, which are caused by the lack of access to data and increased spending on hardware, software and hiring personnel. Finally, big data can be used by digital platforms to exert market power on adjacent markets and create discriminatory conditions. Based on this research, recommendations for antimonopoly regulation of digital platforms in Russia are provided. Several structural alternatives to antimonopoly regulation of big data are considered: the requirements for anonymized big data disclosure; the creation of a big data market; the partial restrictions on generating and using big data in certain ways (similar to the new regulation in the EU).

Keywords: big data, digital platforms, market power, competition, antitrust policy, competition law

Citation: Levakov P., Pavlova N. (2024) Big Data: A Source of Market Power of Digital Platforms // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 74–91. DOI: 10.31857/S0869049924010066, EDN: RRSHAO (In Russ.)

В настоящее время цифровые технологии оказывают значительное влияние на экономику. Одним из ключевых изменений, связанных с ее цифровизацией, можно считать распространение цифровых платформ, которые выступают посредниками между различными группами агентов на многосторонних рынках [Gawer 2022]. В рамках настоящей статьи будут подробно рассмотрены проблемы сбора и использования больших данных на этих рынках. Актуальность исследования этого вопроса связана с тем, что данный вид деятельности возник относительно недавно и с экономической точки зрения недостаточно изучен.

Рынки с цифровыми платформами можно охарактеризовать высоким уровнем концентрации рыночной власти у платформ [Montero, Finger 2021]. Это обусловлено свойствами цифровых платформ и рынков, на которых они функционируют, в частности наличием сетевых эффектов и доступом к большим данным. Последние могут быть использованы для создания новых продуктов, улучшения маркетинговой стратегии и развития многих других видов деятельности [Wright, Robin, Stone, Aravopoulou 2019]. Таким образом, использование больших данных представляет собой инструмент, с помощью которого технологические гиганты могут улучшать свои финансовые показатели и получать конкурентные преимущества перед другими компаниями [Kubina, Varmus, Kubinova 2015]. Между двумя этими факторами может существовать причинно-следственная связь, которая в настоящий момент изучена недостаточно.

Цель статьи – показать, как доступ к большим данным и их использование могут обуславливать рыночную власть цифровых платформ, а также представить доступные структурные альтернативы поддержания конкуренции.

Первый раздел посвящен ключевым характеристикам больших данных как ресурса. Во втором разделе раскрыты особенности источников и проявлений рыночной власти цифровых платформ, а также анализируется опыт антимонопольного регулирования цифровых платформ в контексте доступа к большим данным. В третьем разделе обобщаются конкретные механизмы использования больших данных с целью ограничения конкуренции. Четвертый раздел отведен структурным альтернативам антимонопольного регулирования доступа к большим данным и их использования.

Большие данные как ресурс

В первую очередь необходимо определить характеристики больших данных как экономического ресурса, а также их источники и способы использования³.

Существуют ключевые отличия, которые позволяют отделить понятие больших данных от данных в обычном понимании. Как правило, выделяют три отличительных признака: большой объем, высокая скорость создания новых данных и большое разнообразие рассматриваемых показателей (они же 3V по первым буквам: volume, velocity, variety)⁴, которые часто дополняются характеристиками достоверности (veracity) (см., напр., [Pendyala 2018]), ценности (value)⁵ и др. В данном исследовании будет подразумеваться наличие как минимум пяти наиболее важных атрибутов: объем, скорость, разнообразие, достоверность, ценность [Erevelles, Fukawa, Swayne 2016]⁶. Содержание больших данных может быть разнообразным. В контексте антимонопольного регулирования наиболее важны

³ В научной литературе фигурируют несколько взаимосвязанных терминов – данные, большие данные и персональные данные. В рамках данной статьи анализируются в первую очередь большие данные, поскольку их использование в наибольшей степени связано с рисками нарушения антимонопольного законодательства. Понятие «данные» является более широким, однако не отражает специфики новых вызовов, которые возникают перед антимонопольными органами в связи с рыночными стратегиями цифровых платформ. Термин «персональные данные» отражает их другую характеристику, а именно возможность отнесения их к конкретному пользователю. Вопросы регулирования использования персональных данных лежат за пределами антимонопольного законодательства, в связи с чем они не находятся в фокусе данной статьи, хотя будут в ней косвенно затронуты.

⁴ Data-driven Innovation for Growth and Well-being. OECD. 01.10.2014. (<https://web-archivе.oecd.org/2014-10-01/320106-data-driven-innovation-interim-synthesis.pdf>).

⁵ Big Data: Bringing Competition Policy to the Digital Era Executive Summary. OECD. 26.04.2017. (<https://www.oecd.org/competition/big-data-bringing-competition-policy-to-the-digital-era.htm>).

⁶ Подобный подход оставляет за скобками обсуждение многих вопросов качества больших данных, которые стоят довольно остро при определении больших данных только через характеристики 3V. Тем не менее

большие пользовательские данные, хотя анализ не ограничивается только ими. Большие пользовательские данные иногда также называют социальными данными [Bergemann, Bonatti, Gan 2022].

В экономической теории экономическими считаются те ресурсы, которые характеризуются ограниченностью [Samuelson, Nordhaus 2009], то есть их объем не может полностью удовлетворить потребность в них. В пользу ограниченности больших данных можно привести несколько тезисов, вытекающих из их ключевых характеристик, выделенных выше. Во-первых, большие данные характеризуются высоким качеством, которое достигается за счет затрат на обработку первичных данных. Во-вторых, большие данные ценны для бизнес-процессов компании, что определяет их предельную ненулевую ценность для фирмы⁷. Два этих тезиса говорят о ненулевой стоимости больших данных и их ограниченности, а значит, большие данные можно считать экономическим ресурсом.

В научной литературе присутствует точка зрения, согласно которой большие данные по своей природе являются общественным благом [Nuccio, Guerzoni 2019; Taylor 2016]. Действительно, данные можно считать неконкурентными, так как различные субъекты могут использовать одну и ту же информацию многократно. Также для актуальных общедоступных больших данных не существует механизма ограничения доступа, следовательно, их можно считать неисключаемыми [Nuccio, Guerzoni 2019]. Признание больших данных общественным благом связано также с тем, что при их использовании возникают положительные внешние эффекты [Acemoglu, Makhdoumi, Malekian, Ozdaglar 2022]. Например, доступ к пользовательским данным сокращает стоимость данных похожих людей [Choi, Jeon, Kim 2019]. С другой стороны, доступ к историческим большим данным зачастую возможен только для игроков на рынке, присутствовавших на момент их актуальности, а значит, эти игроки могут ограничивать доступ к ним для конкурентов [Radinsky 2015]⁸. Более того, для сторонних агентов открыт не весь объем актуальных данных: например, данные о транзакциях между агентами доступны зачастую исключительно платформе. Таким образом, по своим характеристикам актуальные общедоступные большие данные можно отнести к общественным благам, а другие типы больших данных, скорее, следует считать клубными благами.

Большие данные представляют собой ресурс, который можно неоднократно использовать для дальнейших проектов. Сегодня появляется все больше возможностей для анализа больших данных и их применения в продуктах за счет развития технологий машинного обучения [Stucke, Grunes 2016].

Данные о пользователях, с одной стороны, позволяют оценивать и прогнозировать поведение потребителей, с другой стороны, могут применяться при построении алго-

вслед за [Эзрахи, Стаки 2022] в контексте мер антимонопольного регулирования анализ будет сосредоточен на больших данных, которые являются ценными для бизнеса (в том числе в силу достоверности).

⁷ Безусловно, если использовать иное определение больших данных и их ключевых характеристик, чем то, которое использовано в данной статье, то восприятие больших данных как экономического ресурса можно поставить под сомнение.

⁸ На практике некоторые данные доступны при помощи интернет-архивов, что частично позволяет восстановить «историческую» картину событий из текущего момента времени. Но зачастую архивы отражают только публично доступные данные. Кроме того, в них индексируются далеко не все веб-страницы, даже на наиболее популярных цифровых платформах. Существуют также компании, которые занимаются сбором и анализом больших данных. Однако некоторые виды данных им недоступны: например, они не могут оценить средний чек потребителя на конкретной цифровой платформе. Этим компаниям приходится либо анализировать ситуацию на текущий момент времени, либо для отражения динамики достаточно длительное время собирать данные. Необходимость последнего создает дополнительные барьеры входа на рынок, о чем более подробно будет говориться далее.

ритма борьбы с мошенничеством на цифровых платформах [*Graef, Tombal, de Streeel* 2019]. Другое направление их использования – развитие маркетинговых стратегий [*Buhalis, Volchek* 2021] и возможностей для маркетинговых коммуникаций. Например, таргетированная реклама позволяет предоставлять пользователям персонализированные рекламные сообщения, отражающие их предпочтения, которые с большей вероятностью приведут к дополнительным покупкам. Рекомендации, построенные на предпочтениях пользователей, более эффективны для стимулирования дополнительных продаж [*Chen* 2018]. Могут быть созданы продукты, полностью основанные на анализе больших данных, например поисковые системы [*Schaefer, Sapi, Lorincz* 2018]. Наконец, большие данные можно использовать для принятия управленческих решений и оптимизации бизнес-процессов [*Provost, Fawcett* 2013].

Ключевым источником больших данных стали пользователи в сети Интернет, определенные действия которых фиксируются системой и сохраняются в базе данных [*Blazquez, Domenech* 2018]. Предоставление подобной информации зачастую имеет скорее вынужденный характер, так как использование большинства современных цифровых ресурсов подразумевает согласие на передачу и обработку данных. Эта проблема уже стала объектом антимонопольных разбирательств. Немецкий антимонопольный регулятор в 2019 г. запретил компании Meta⁹ ограничивать для пользователей функционал своей платформы Facebook в случае несогласия с предоставлением ей данных, собираемых в других приложениях компании и на сторонних веб-сайтах¹⁰.

Рассмотрев сущность больших данных как ресурса, перейдем к анализу рыночного положения платформ, а также способов использования больших данных для ограничения конкуренции.

Цифровые платформы, использующие большие данные, их положение на современных рынках

Рыночное положение цифровых платформ: связь с большими данными. Крупные цифровые платформы обладают сравнительным преимуществом в сборе больших данных. Они могут привлекать разнообразные группы пользователей, что позволяет точно настроить продукты, в основе которых лежит использование данных.

С технологической точки зрения сбор данных, их обработка и использование в реальном времени требуют определенных технологических возможностей, а также дорогостоящей аппаратной инфраструктуры. Однако после значительных первоначальных инвестиций можно отметить заметную экономию на масштабе. Такие условия выгодны для устоявшихся на рынке фирм. В научной литературе отмечается ключевое значение достижения критической массы для выходящей на рынок платформы, которая измеряется численностью агентов на ней [*Evans, Schmalensee* 2010; *Van Alstyne, Parker, Choudary* 2016]. Один из способов накопления критической массы – сбор необходимого объема данных и обеспечение мощностей для их обработки. Высказывается точка зрения, согласно которой связь между большими данными и рыночной властью заключается в том, что завоевать ключевую позицию на рынке позволяют не сами по себе данные, а наличие преимуществ

⁹ Сеть Facebook и Instagram, принадлежащие компании Meta, с 4 марта 2022 г. заблокирована в России. Деятельность компании Meta признана экстремистской.

¹⁰ Facebook, Exploitative business terms pursuant to Section 19(1) GWB for inadequate data processing. Federal Cartel Office. 06.02.2019. (https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Entscheidung/EN/Fallberichte/Missbrauchsaufsicht/2019/B6-22-16.pdf?__blob=publicationFile&v=3).

в алгоритмах их обработки [*Digital Era Competition: A BRICS View* 2019]. Когда же речь идет об обучающихся алгоритмах, взаимосвязь организована еще сложнее: более широкий доступ к данным позволяет добиться более высокого качества результатов алгоритма, что, в свою очередь, способствует его популярности и привлекает пользователей, обеспечивает доступ к большему объему данных [*Goldfarb, Trefler* 2019].

Вышеперечисленные факторы, в совокупности с другими ключевыми характеристиками цифровых платформ (например, наличием на соответствующих рынках перекрестных сетевых эффектов) приводят к высокой концентрации на рынках, на которых действуют платформы. В связи с этим текущее рыночное положение вызывает у регулирующих органов подозрения в злоупотреблении доминирующим положением со стороны цифровых платформ.

Расследования против цифровых платформ в связи с использованием больших данных. В последнее время количество антимонопольных разбирательств против цифровых платформ значительно увеличилось, но пока только незначительная часть из них посвящена использованию больших данных. Тем не менее если в 2019 г. отдельные эксперты на основе анализа антимонопольных дел могли заключить, что «большие данные сами по себе не представляют серьезной проблемы для антимонопольного законодательства» [*Yip* 2019], то в последние годы появилось как минимум два дела, в которых поднимается вопрос больших данных как важного элемента теории вреда.

В 2020 г. Еврокомиссия начала рассматривать антимонопольное дело против Amazon¹¹, которое касалось использования не находящихся в открытом доступе данных об операционной деятельности продавцов на этой платформе. Удалось выявить, что такие сведения компания использует для продвижения собственных товаров на платформе посредством изменения цены, калибровки маркетинговой политики и общей бизнес-стратегии. В результате разбирательства компания Amazon приняла на себя обязательство не использовать не находящиеся в открытом доступе данные о продавцах для продвижения своих товаров. Действительно, при стратегии двойной дистрибуции (double distribution), т. е. продажи платформой собственных товаров на своем маркетплейсе, преимущества для таких товаров могут создаваться за счет доступа к закрытым данным. Однако в данном расследовании особое беспокойство регулятора вызвал масштаб данных. Комментируя этот случай, Еврокомиссар по вопросам конкуренции М. Вестагер подчеркнула: «Нас беспокоит не розничная торговля Amazon – не та информация, которую Amazon имеет на основе доступа к конфиденциальным бизнес-данным одного конкретного продавца. Скорее, нас беспокоит информация, которую Amazon имеет за счет накопленных бизнес-данных более чем 800 тыс. активных продавцов в Европейском союзе, охватывающих более 1 млрд продуктов. Другими словами, это дело о больших данных»¹².

В качестве другого примера можно привести антимонопольное разбирательство в США в отношении компании Google¹³. В список претензий к ее деятельности включено поддер-

¹¹ Antitrust: Commission seeks feedback on commitments offered by Amazon concerning marketplace seller data and access to Buy Box and Prime. European Commission. 14.06.2022. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_4522).

¹² Statement by Executive Vice-President Vestager on Statement of Objections to Amazon for the use of non-public independent seller data and second investigation into its e-commerce business practices. European Commission. 10.10.2022. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_20_2082).

¹³ U.S. and Plaintiff States v. Google LLC. U.S. Department of Justice Antitrust Division. 11.11.2023. (<https://www.justice.gov/atr/case/us-and-plaintiff-states-v-google-llc>).

жание монополии за счет эксклюзивных соглашений с производителями устройств, производителями браузеров и провайдерами беспроводной связи, согласно условиям которых поиск от Google предустанавливается по умолчанию в обмен на долю рекламных доходов. Охватывая подавляющее большинство пользователей, предустановка поиска Google по умолчанию означает, что большинство поисковых запросов идут эксклюзивно через ее ресурсы. Подобные действия дают компании преимущество перед конкурентами в сборе больших данных, используемых затем для совершенствования результатов поисковой выдачи, которые привлекают рекламодателей. В свою очередь выручка от них позволяет Google платить за эксклюзивные контракты больше конкурентов, что запускает весь описанный механизм заново [Slater 2023].

Роль больших данных подчеркивается в связи с проблемой масштаба деятельности поисковой системы: «Антиконкурентная практика Google особенно пагубна, поскольку она не позволяет конкурентам достигать масштаба, позволяющего эффективно соперничать. Поисковые сервисы, контекстная и поисковая реклама требуют сложных алгоритмов, которые постоянно обучаются тому, какие результаты и реклама лучше всего отвечают запросам пользователей; *объем, разнообразие и скорость создания новых данных* ускоряют их автоматизированное обучение»¹⁴.

Изначально в иск также входило обвинение в дискриминации против специализированных поисковых систем. Утверждалось, что если компания Google обладает аналогом данной системы, то поисковая система в первую очередь выдает именно его. Схожую претензию выдвинула Еврокомиссия к Google в 2014 г.¹⁵. В результате рассмотрения антимонопольного дела в ЕС Google обязалась обеспечить одинаковый вывод поисковых результатов для своих конкурентов на смежных рынках. Техническая возможность предпочтительного представления определенных поисковых результатов основана на анализе больших данных по пользовательским запросам. Однако в деле, которое рассматривается в США, судья в августе 2023 г. отклонил данную часть иска, указав на недостаточность доказательств наличия вреда для конкуренции от таких действий¹⁶.

Таким образом, применение больших данных – некоторый отягчающий фактор в данном деле. Однако в любом случае эксперты ожидают, что решение будет поворотным для проблематики больших данных в антимонопольном регулировании в целом [Slater 2023].

На основе анализа упомянутых выше случаев можно утверждать, что де-факто речь идет об использовании больших данных крупнейшими цифровыми платформами, поэтому выделить изолированное влияние больших данных на рыночную власть затруднительно. Гипотетически описанные выше нарушения были возможны и без использования больших данных, однако на практике опора на них облегчила выстраивание нежелательных стратегий, а также повлияла на масштаб негативных последствий. Данное соображение позволяет обсуждать возможность применить подход, в соответствии с которым использование больших данных рассматривается как отягчающее обстоятельство при злоупотреблении доминирующим положением, подобно тому, как в российском законодательстве использование алгоритмов является отягчающим обстоятельством при поддержании кар-

¹⁴ The U.S. Justice Department complaint to the United States District Court for the District of Columbia, case 1:20-cv-03010, p. 5. U.S. Department of Justice Antitrust Division. 20.10.2020. (<https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1328941/download#page=3>).

¹⁵ Antitrust: Commission obtains from Google comparable display of specialised search rivals. European Commission. 05.02.2014. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_14_116).

¹⁶ The DOJ's weak antitrust case against Google. Spence Purnell, Reason Foundation. 11.09.2023. (<https://reason.org/commentary/the-doj-s-weak-antitrust-case-against-google/>).

теля (см. п. 3 примечания 4 к ст. 14.32 КоАП РФ¹⁷). Альтернативный подход – рассматривать большие данные как источник дополнительной рыночной власти. При этом наличие доступа к большим данным, их сбор, обработка и анализ не обязательно позволяют проявлять рыночную власть и злоупотреблять ею – точно так же, как и высокая рыночная доля не всегда означает, что крупная компания может завязить цену.

Большие данные становятся источником и условием рыночной власти в том случае, когда они являются уникальным ресурсом, к которому имеет первоочередной доступ только одна компания, за счет чего она получает преимущества перед своими конкурентами. Для самой компании доступ к большим данным и их анализ позволяют поддерживать или укреплять свое доминирующее положение благодаря возможности применять наиболее прибыльные стратегии (часть из которых нарушает антимонопольное законодательство) и выполнению большими данными роли барьеров при выходе на рынок.

Связь между рыночной властью платформ и использованием больших данных

Традиционно получение доступа к уникальному ресурсу, который обуславливает власть на рынке, связывают с рисками двух основных типов ограничивающего конкуренцию поведения [Motta 2004]:

1) закрытие доступа к ресурсу (foreclosure): в этом случае владелец ресурса ухудшает условия доступа к нему для конкурентов;

2) перенос рыночной власти на смежный рынок (leveraging): обладая рыночной властью, компания прибегает к практикам связывания, создания дискриминационных условий, чтобы улучшить свое положение или ухудшить положение конкурентов на смежном рынке.

Как отмечалось выше, большие данные можно рассматривать как ресурс для цифровых платформ. В связи с этим оба традиционных риска актуальны, но при этом стратегии платформ приобретают уникальные формы.

Во-первых, большие данные могут использоваться в процессе ценообразования. В работах [Bourreau, De Streel, Graef 2017; Шацтукко, Маркова, Мелешикина, Морозов 2020] отмечается, что на основе их анализа можно предоставлять пользователям персональные цены, соответствующие их предельной готовности платить. Об этом говорит сравнительное преимущество цифровых платформ при установлении цен – быстрая адаптация к изменениям и низкие издержки их настройки [Gorodnichenko, Talavera 2017]. Этот процесс может быть автоматизирован на основе анализа больших данных, что уже происходит, например, на цифровых платформах для заказа такси. Именно риск возникновения ценовой дискриминации первого типа связывают с распространением использования больших данных [Shiller 2016], которые создают условия для такой дискриминации.

Последствия ценовой дискриминации первой степени неоднозначны. С одной стороны, она позволяет платформам полностью получать потребительский излишек в качестве дополнительной прибыли. С другой стороны, совершенная ценовая дискримина-

¹⁷ КоАП РФ Ст. 14.32. Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности. Консультант Плюс. 17.04.2017. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/75c352cb0ec8362d1d8f2d0691cc22d668fc2fe/).

ция позволяет уменьшить потери мертвого груза, по сравнению, например, с ситуацией единой монопольной цены. Кроме того, ценовая дискриминация позволяет организовать перекрестное субсидирование бедных групп покупателей за счет богатых. В обычных ситуациях такое перекрестное субсидирование способно привести к отклонению от оптимума, хотя с учетом сетевых эффектов возможны и выигрыши с точки зрения общественного благосостояния. Наконец, большие данные могут обеспечить индивидуализацию не только ценовых, но и иных параметров товара, снижая транзакционные издержки потребителя [Король, Курдин, Моросанова 2021]. В силу ограниченности внимания и времени пользователей они будут при прочих равных условиях предпочитать платформы с наилучшей рекомендательной системой. В работе [Evans 2013] утверждается, что современные платформы вступают в конкуренцию именно за внимание пользователей.

Во-вторых, возможность обрабатывать и использовать большие данные может ассоциироваться с рыночной властью¹⁸. Действительно, в этом случае возникает ряд преимуществ, так как появляется возможность проводить аналитические исследования на основе больших данных. Полученные результаты могут быть полезны при разработке долгосрочных стратегий (маркетинговой, ценовой, рекламной и т. д.). По отдельности и в совокупности они могут создавать условия для усиления рыночной власти.

Таким образом, использование больших данных можно считать барьером для входа на рынок новых компаний [Radinsky 2015], который будет усиливать рыночную власть устоявшихся платформ. Среди ключевых причин возникновения такого барьера можно выделить:

- большой объем первоначальных инвестиций для сбора, хранения и использования больших данных;
- отсутствие в штате специалистов с необходимыми навыками применения больших данных в бизнес-процессах;
- отсутствие доступа к необходимому объему данных или их низкое качество.

В статье [Rubenfeld, Gal 2017] приведена классификация барьеров для входа на рынок, которые возникают в связи с использованием больших данных. Выделены три ключевые категории таких барьеров – технологические, юридические¹⁹ и связанные с поведением потребителей. Авторы отмечают, что барьеры могут возникать на различных этапах – в процессе сбора больших данных, их хранения, анализа и применения выводов, полученных на основе их анализа.

При этом, с одной стороны, необходимость доступа к большим данным может существовать как объективный барьер входа на рынок, проистекающий из природы деятельности, с другой стороны, может быть результатом намеренных действий доминирующей платформы. В последнем случае важен опыт расследования Еврокомиссии против компании Amazon, поскольку он иллюстрирует преимущество, которое доступ к большим данным по всему множеству продавцов дает по сравнению с доступом лишь к данным одной компании.

В некоторых исследованиях большие данные, к которым имеют доступ цифровые компании, также относят к ключевым мощностям [Tucker 2019]. Напомним, что ключевыми

¹⁸ Big Data: Bringing Competition Policy to the Digital Era Executive Summary. OECD. 26.04.2017. (<https://www.oecd.org/competition/big-data-bringing-competition-policy-to-the-digital-era.htm>).

¹⁹ Такие барьеры связаны с законодательными ограничениями на сбор, хранение и использование больших данных. При прочих равных они выше для цифровых платформ, оперирующих только в юрисдикциях, в которых данные ограничения значительны.

называются мощности, «использование которых является необходимым условием производства в данной отрасли и дублирование которых невозможно или нецелесообразно по техническим или экономическим причинам» [Голованова 2013а]. Изначально в рамках указанной концепции описывали инфраструктуру естественных монополий, но впоследствии ее стали применять в том числе и к цифровым компаниям [Waller 2012]. Не вдаваясь в подробное описание рисков, связанных с применением концепции ключевых мощностей за пределами естественных монополий (данные вопросы рассмотрены, например, в [Голованова 2013б]), отметим, что признание больших данных цифровой компании ключевой мощностью с практической точки зрения означает, что компании может быть, в частности, вменена обязанность обеспечить недискриминационный доступ к такой ключевой мощности. Согласно некоторым оценкам [Kuhn, O'Shaughnessy, Pesch, Phillips, Sokol 2023], в настоящее время вопрос регулирования использования больших данных в антимонопольном законодательстве разных стран проработан недостаточно, в дальнейшем наиболее вероятно регулирование его именно с позиции интерпретации больших данных как ключевой мощности.

В-третьих, основные механизмы переноса рыночной власти на смежные рынки для цифровых платформ – продажа товаров в наборах / связывание и создание дискриминационных условий. Цифровые платформы часто совмещают эти две стратегии, включая в набор к основной платформенной системе предустановленные дополнительные приложения или программы, которые служат для пользователей альтернативой обычно предпочитаемым ими программам, одновременно затрудняя работу аналогичных сервисов для сторонних разработчиков [Pavlova, Shastitko, Kurdin 2020]. Связь с большими данными в подобных случаях косвенная, но она существует: продвижение собственных программ и приложений позволяет лучше натренировать их по мере того, как расширяется база их пользователей и получаемых от них данных.

Создание дискриминационных условий с помощью больших данных проявляется, кроме того, в использовании сведений о множестве продавцов определенного товара для оптимизации собственной стратегии (разобрано выше) и в формировании поисковой выдачи. Манипулирование выдачей характерно прежде всего для сервисов поиска и маркетплейсов. Если алгоритмы подбора сконструированы так, чтобы предлагать потребителям наиболее подходящие для них варианты, то они способствуют оптимизации поиска и экономят связанные с ним транзакционные издержки. Однако если в алгоритм подбора закладываются иные принципы, например, если в первую очередь платформа предлагает собственные товары или услуги, то оптимальность может не достигаться, а конкуренция искажаться и ограничиваться. Примеры – описанные выше зарубежные антимонопольные расследования в отношении Google, а в России – антимонопольное дело против Яндекса²⁰. Сама по себе стратегия преференциального отображения собственных ресурсов не требует обязательного доступа к большим данным, но последствия в виде вытеснения конкурентов с рынка обусловлены масштабом деятельности платформы, возрастающим за счет доступа к большим данным и совершенствования алгоритмов их обработки.

Описанные выше формы злоупотреблений создают проблемы для антимонопольных органов при оценке сделок слияний. Традиционно оценка потенциальных рисков для конкуренции строится на анализе изменения долей и уровней концентрации на затрагиваемых сделкой товарных рынках. Риски оцениваются как более или менее серьезные в том числе в зависимости от того, действуют ли приобретатель и приобретаемая компания на одном

²⁰ Тоняева М. ФАС закрыла дело в отношении «Яндекса» о дискриминации других сервисов. 25.05.2022. (<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/05/25/923541-delo-v-otnoshenii-yandeksa>).

рынке (горизонтальное слияние), или на рынках, относящихся к смежным этапам цепочки создания стоимости (вертикальное слияние), или на иных рынках (конгломератное слияние). Наименьшие риски монополизации ассоциируются с конгломератными слияниями, однако монопольная власть может быть усилена за счет объединения баз данных о покупателях совершенно разных товаров и сервисов (в том числе составляющих большие данные), если такое объединение обеспечивает существенную экономию на разнообразии и/или создает дополнительные барьеры входа на рынки [Condorelli, Padilla 2020; Bourreau, de Streel 2019; Schepp, Wambach 2015]. В результате существенные риски для конкуренции могут возникать и в результате конгломератных сделок, что требует пересмотра критериев оценки рисков^{21, 22}.

Безусловно, есть аргументы, которые отрицают роль больших данных как существенной причины роста барьеров входа на рынки и рисков ограничения конкуренции. Обычно указывают на необязательность доступа к большим данным для эффективной конкуренции или на наличие различных способов относительно легкого доступа к ним – напрямую или через третьих лиц. Отмечаются низкие барьеры входа на цифровые рынки, высокая роль инноваций и случаи смены лидеров в цифровых отраслях; распространенность, низкая стоимость, доступность и быстрое устаревание пользовательских данных; постоянное увеличение разнообразия источников для сбора больших данных; возможности использования одних и тех же данных разными игроками (см. рассмотренный выше вопрос о неисключаемости больших данных); проблема устаревания больших данных (не только пользовательских), необходимость затрат на обновление и поддержку баз данных; определяющая роль алгоритмов в обеспечении конкурентного преимущества цифровой компании.

Однако, как отмечается в [Suárez 2019], слабость подобных аргументов состоит в их неуниверсальности, вызванной спецификой отдельных цифровых рынков. Например, на некоторых рынках пользователи присутствуют одновременно на нескольких цифровых платформах, за счет чего имеются альтернативные источники данных, хотя и в этом случае взаимозаменяемость будет скорее несовершенной. В связи с этим в качестве наиболее консервативного сценария и программы минимум анализ больших данных как возможного источника рыночной власти следует проводить индивидуально в рамках каждого случая, не отвергая их потенциальной роли в ограничении конкуренции. Описанные в данном разделе механизмы связи больших данных и рыночной власти могут служить концептуальной рамкой такого анализа. Вместе с тем возможны и другие варианты регуляторного ответа, которые будут рассмотрены в следующем разделе.

Варианты антимонопольного и экономического регулирования рыночной власти на основе больших данных

Обсудим более широко варианты регулирования, которые могут быть применены для решения проблемы монополизации за счет больших данных и их использования для ограничения конкуренции.

Одна из мер ex ante предотвращения монополизации – введение требования раскрывать большие данные, используемые в бизнес-процессах платформы. О схожих мерах заявляла

²¹ Conglomerate effects of mergers – Note by BIAC. OECD Roundtable on Conglomerate Effects of Mergers. 28.05.2020. ([https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2020\)12/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2020)12/en/pdf)).

²² Roundtable on Conglomerate Effects of Mergers – Background Note by the Secretariat. OECD Roundtable on Conglomerate Effects of Mergers. 24.05.2020. ([https://one.oecd.org/document/DAF/COMP\(2020\)2/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP(2020)2/en/pdf)).

Европейский комиссар по вопросам конкуренции²³. Для конфиденциальности данные следует предоставлять в обезличенном формате. Они не подходят, например, для персонализированных предложений конкретным, заранее идентифицированным потребителям, но могут быть использованы для разработки алгоритмов. Это не устраняет полностью барьеры, связанные с большими данными, так как остаются проблемы с их хранением и обработкой. Тем не менее барьеры входа на рынок снижаются за счет предоставления доступа к данным.

Такое решение может снять проблему неравного доступа к большим данным и предотвратить создание дискриминационных условий, но оно сопряжено с рядом потенциальных проблем, в том числе с доступом к персональным данным и несанкционированным доступом злоумышленников в целом. Если у держателя больших данных утрачиваются стимулы к инвестициям в их защиту, безопасность будет снижаться. Задача обеспечить доступ к ресурсу требует существенных затрат на институциональное проектирование соответствующих правил, их функционирования и мониторинга. В целом недискриминационный доступ искажает побудительные мотивы владельца ресурса, снижая стимулы к его улучшению [Авдашева, Корнеева, Юсупова 2022].

Альтернативным вариантом могло бы стать развитие рынка доступа к большим данным, то есть речь идет о денежной компенсации за определенный уровень доступа к пользовательской информации [Acemoglu, Makhdoumi, Malekian, Ozdaglar 2022]. Продавцами данных на таком рынке выступают сами пользователи. По мнению некоторых авторов, для нормального функционирования подобного рынка необходимо значительное участие в нем государства, результатом чего стало бы обеспечение прав собственности на данные и их приватность [Sen 2022]. Хранить данные и обеспечивать транзакции на подобном рынке может специально созданная государственная цифровая платформа. Этот вариант сопряжен с меньшим искажающим воздействием с точки зрения стимулов, но при достаточно высокой стоимости доступа к данным барьеры по-прежнему могут быть высоки.

Переходя к проблеме ценовой дискриминации на основе больших данных, стоит отметить, что запрет устанавливать различные цены на один и тот же товар уже существует (например, в российском антимонопольном законодательстве), однако на практике выявить и доказать это правонарушение достаточно трудно. Для решения этой проблемы регулятору необходимо разработать автоматизированную систему по обработке больших данных. Основой для нее может служить система, предложенная в работе [Mikians, Gyarmati, Erramilli, Laoutaris 2012]. Система предполагает автоматический сбор данных о ценах, предоставляемых покупателям исходя из их местоположения, используемого технического устройства и других характеристик. Для того чтобы смоделировать данные о таких покупателях в большом объеме, применяются виртуальные машины и VPN. В работе [Mikians, Gyarmati, Erramilli, Laoutaris 2013] приводится пример схожего программного расширения для браузеров Chrome и Firefox – Sheriff, которое позволяет сравнивать цены на товары и услуги в зависимости от географического расположения пользователя. При помощи технологии VPN расширение отправляет запрос к выбранной пользователем веб-странице с IP-адресов с различной геолокацией, а затем сравнивает отображаемые цены.

²³ Commissioner Margrethe Vestager: «We need a global solution on digital taxation». European Economic and Social Committee. 16.05.2019. (<https://www.eesc.europa.eu/en/news-media/press-releases/commissioner-margrethe-vestager-we-need-global-solution-digital-taxation>).

Возможны также и более узко направленные меры, примеры которых приведены в принятых в 2022 г. в Европейском союзе Digital Services Act²⁴ и Digital Market Act²⁵, цель которых – защита прав пользователей на цифровых рынках, поддержка инноваций и конкуренции. Данные акты находятся на стыке экономического регулирования и антимонопольной политики, поскольку строятся на принципах обеспечения конкуренции, но одновременно предписывают определенные действия цифровым платформам. В них закреплено требование к платформам раскрывать ключевые данные о своей деятельности, введено дополнительное регулирование таргетированной рекламы и многие другие меры. Их цель – ограничить злоупотребления рыночной властью со стороны платформ, занимающих доминирующее положение.

Наиболее интересный аспект данных законопроектов – требование предоставлять доступ к данным²⁶. Во-первых, крупнейшие цифровые платформы должны предоставлять конечным пользователям и бизнес-структурам сведения, которые были внесены ими самостоятельно или сгенерированы в процессе их деятельности на платформе. Во-вторых, при наличии соответствующего разрешения от конечных пользователей и бизнесов эти данные могут предоставляться третьим лицам. Наконец, со стороны цифровой платформы должны быть обеспечены возможность переноса данных, а также непрерывный доступ к данным в реальном времени. Это позволяет создать рынок данных, на котором пользователи и компании могли бы предоставлять доступ к своим данным для новых платформ, что снизит барьеры входа.

Выделяется самостоятельное требование о передаче больших данных поисковым системам. Крупнейшие цифровые платформы должны предоставлять в обезличенном формате данные о ранжировании, пользовательских запросах, кликах и просмотрах, которые сгенерированы конечными пользователями. Это позволит новым поисковым системам конкурировать с лидерами рынка за счет разработки и настройки собственных алгоритмов поиска.

В указанных законопроектах также содержатся запреты, основанные на опыте антимонопольного правоприменения в отношении платформ в Евросоюзе. Например, запрещено совмещать персональные данные пользователей, поступившие из разных источников, а также использовать данные, полученные от компаний, для конкуренции с ними.

В российское антимонопольное законодательство недавно были внесены новации, связанные с деятельностью цифровых платформ. Речь идет об изменениях в Закон о защите конкуренции, которые вступили в силу с 1 сентября 2023 г.²⁷ Введено определение сетевых эффектов. Запрет монополистической деятельности распространен на цифровые платформы, если их работа удовлетворяет ряду критериев: в частности, если благодаря сетевому эффекту они имеют возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке, и (или) устранять с рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим

²⁴ The Digital Services Act package. European Commission. 07.12.2023. (<https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package>).

²⁵ The Digital Markets Act: ensuring fair and open digital markets. European Commission. 12.10.2022. (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-markets-act-ensuring-fair-and-open-digital-markets_en).

²⁶ Access to Data and Algorithms: For an Effective DMA and DSA Implementation. Center on Regulation in Europe. 16.03.2023. (<https://cerre.eu/publications/access-to-data-and-algorithms-for-an-effective-dma-and-dsa-implementation/>).

²⁷ Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”». Официальное опубликование правовых актов. 10.07.2023. (<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307100016>).

щим субъектам; если доля платформы на товарном рынке составляет более 35% от общего стоимостного объема сделок на рынке, а ее выручка за последний календарный год превышает 2 млрд рублей.

Напрямую данные новации не упоминают большие данные, но можно предположить, что они позволят лучше регулировать крупные цифровые платформы в том числе в вопросах использования больших данных. Во-первых, введено понятие сетевых эффектов, которые связаны и с возможностями сбора и обработки больших данных. Во-вторых, де-факто определена презумпция доминирующего положения цифровых платформ с долей свыше 35% (в сочетании с другими факторами) при стандартной границе в 50%, а значит, источником рыночной власти платформ является не только рыночная доля, но и другие факторы, в частности сетевые эффекты и доступ к большим данным. При этом существующие ограничения из ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, которые теперь распространяются и на цифровые платформы, содержат запреты и на ценовую дискриминацию, и на создание дискриминационных условий, и на создание барьеров входа.

Более конкретные вопросы, связанные с большими данными как источником рыночной власти, фактором усиления и одновременно результатом действия сетевых эффектов, могут в дальнейшем найти воплощение при внесении изменений в Порядок-220 [Мелешкина, Павлова 2023]²⁸. Менее масштабные проблемы обеспечения доступа к данным могут стать либо предметом грядущих антимонопольных разбирательств, либо быть оговорены в рамках саморегулирования сектора (например, в качестве изменений в Принципы взаимодействия участников цифровых рынков²⁹).

* * *

На современных рынках цифровые платформы могут использовать большие данные, чтобы усилить свою рыночную власть. Большие данные также позволяют ограничивать конкуренцию на смежных рынках, на которых представлены товары или услуги, аффилированные с владельцем платформы.

Непубличный характер некоторых категорий больших данных, в частности исторических сведений, может увеличивать барьеры входа на рынки с устоявшимися доминирующими платформами. Кроме того, их использование может привести к возникновению на рынке ценовой дискриминации первого типа. В текущем российском антимонопольном законодательстве обе перечисленные ситуации считаются злоупотреблением доминирующим положением. Внесенные в 2023 г. изменения в Закон о защите конкуренции не направлены непосредственно на решение проблемы связи рыночной власти и больших данных, но отдельные принятые меры могут предотвратить и пресечь основные типы нарушений, допускаемые цифровыми платформами с использованием больших данных.

Противостоять дальнейшей монополизации рынков с цифровыми платформами и ухудшению положения потребителей позволят практические шаги:

- во-первых, следует обеспечить доступ к большим данным. По этому направлению в исследовании рассмотрены несколько структурных альтернатив регулирования, которые характеризуются определенными преимуществами и недостатками. Для крупнейших

²⁸ Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 (ред. от 12.03.2020) «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке». Консультант Плюс. 12.03.2020. (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103446/).

²⁹ ФАС подписала с IT-компаниями меморандум о принципах взаимодействия на цифровых рынках. ТАСС. 17.02.2022. (<https://tass.ru/ekonomika/13745703>).

цифровых платформ следует ввести требование о раскрытии в обезличенном формате больших данных, которые используются в продуктах и услугах цифровых платформ. Может быть создан рынок доступа к данным. На начальном этапе разработки законодательных инициатив по этому направлению рекомендуется ориентироваться на принятые в ЕС Digital Services Act и Digital Market Act;

- во-вторых, следует предотвратить применение больших данных для ценовой дискриминации; с этой целью необходимо разработать автоматическую систему мониторинга цифровых платформ, чтобы выявлять случаи ценовой дискриминации пользователей на основе их личных характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Авдашева С.Б., Корнеева Д.В., Юсупова Г.Ф. (2022) Конкурентное законодательство в отношении цифровых платформ: между антитрастом и регулированием // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 61–86. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-61-86

Avdasheva S.B., Korneeva D.V., Yusupova G.F. (2022) Konkurentnoe zakonodatel'stvo v otnoshenii tsifrovyykh platform: mezhdru antitraztom i regulirovaniem [Competition legislation towards digital platforms: choice between antitrust and regulation]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 3. Pp. 61–86. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-61-86 (In Russ.).

Голованова С.В. (2013а) Доктрина ключевых мощностей в российской антимонопольной политике: основания и риски применения // Экономическая политика. № 3. С. 126–143.

Golovanova S.V. (2013a) Doktrina klyuchevykh moshchnostey v rossiyskoy antimonopol'noy politike: osnovaniya i riski primeneniya [The doctrine of key facilities in the Russian antimonopoly policy: basic factors and risks of usage]. *Ekonomicheskaya politika*. No. 3. Pp. 110–143. (In Russ.)

Голованова С.В. (2013б) Проблемы ограничения конкуренции на рынках, смежных с рынками ключевых мощностей // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 110–132.

Golovanova S.V. (2013b) Problemy ogranicheniya konkurentsii na ryinkakh, smezhnykh s ryinkami klyuchevykh moshchnostey [Competition Restriction Problem in the Markets Linked to the Markets of Essential Facilities]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. No. 4. Pp. 110–132. (In Russ.).

Король Н.Г., Курдин А.А., Моросанова А.А. (2021) Экономические основания конкурентной политики в сфере цифровых экосистем // Working Papers w2022049, РАНХиГС.

Korol N.G., Kurdin A.A., Morosanova A.A. (2021) Ekonomicheskie osnovaniya konkurentnoi politiki v sfere tsifrovyykh ekosistem [Economic foundations of competition policy for digital ecosystems]. *Working Papers w2022049, RANEP*. (In Russ.).

Мелешкина А.И., Павлова Н.С. (2023) Слепые зоны в Порядке проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке // Современная конкуренция. Т. 17. № 5. С. 79–92. DOI: 10.37791/2687-0657-2023-17-5-5-18

Meleshkina A.I., Pavlova N.S. (2023) Slepyezony v Poryadke provedeniya analiza sostoyaniya konkurentsii na tovarnom rynke [Blind Spots in the Procedure for Analyzing the State of Competition in the Commodity Market]. *Sovremennaya konkurentsia*. Vol. 17. No. 5. Pp. 79–92. DOI: 10.37791/2687-0657-2023-17-5-5-18 (In Russ.).

Шаститко А.Е., Маркова О.А., Мелешкина А.И., Морозов А.Н. (2020) Ценообразование на основе больших данных: предметное поле проблемы // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. С. 3–22. DOI: 10.38050/01300105202061

Shastitko A.E., Markova O.A., Meleshkina A.I., Morozov A.N. (2020) Tsenoobrazovanie na osnove bol'shikh dannykh: predmetnoe pole problem [Big Data-based pricing: the problem field]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. No. 6. Pp. 3–22. DOI: 10.38050/01300105202061 (In Russ.).

Эзрахи А., Стаки М. (2022) Виртуальная конкуренция: посулы и опасности алгоритмической экономики: учебник / пер. с англ. А.А. Резвова. М.: Дело. 384 с.

Ezrachi A., Stucke M. (2022) Virtual'naya konkurentsia: posuly i opasnosti algoritmicheskoy ekonomiki: uchebnik [Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy]. Moscow: Delo. 384 p. (In Russ.).

Acemoglu D., Makhdoumi A., Malekian A., Ozdaglar A. (2022) Too much data: Prices and inefficiencies in data markets // *American Economic Journal: Microeconomics*. Vol. 14. Issue. 4. Pp. 218–256. DOI: 10.1257/mic.20200200

Bergemann D., Bonatti A., Gan T. (2022) The economics of social data // *The RAND Journal of Economics*. Vol. 53. Issue. 2. Pp. 263–296. DOI: 10.1111/1756-2171.12407-

Blazquez D., Domenech J. (2018) Big Data sources and methods for social and economic analyses // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 130. Pp. 99–113. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.07.027

Bourreau M., De Streel A. (2019) Digital Conglomerates and EU Competition Policy. DOI: 10.2139/ssrn.3350512

Bourreau M., De Streel A., Graef I. (2017) Big Data and Competition Policy: Market power, personalised pricing and advertising. DOI: 10.2139/ssrn.2920301

Buhalis D., Volchek K. (2021) Bridging marketing theory and big data analytics: The taxonomy of marketing attribution // *International Journal of Information Management*. Vol. 56. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102253

Chen H. (2018) Personalized recommendation system of e-commerce based on big data analysis // *Journal of Interdisciplinary Mathematics*. Vol. 21. Issue 5. Pp. 1243–1247. DOI: 10.1080/09720502.2018.1495599

Choi J.P., Jeon D.S., Kim B.C. (2019) Privacy and personal data collection with information externalities // *Journal of Public Economics*. Vol. 173. Pp. 113–124. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2019.02.001

Condorelli D., Padilla J. (2020) Harnessing Platform Envelopment in the Digital World // *Journal of Competition Law & Economics*. Vol. 16. Issue 2. Pp. 143–187. DOI: 10.1093/joclec/nhaa006

Erevelles S., Fukawa N., Swayne L. (2016) Big Data consumer analytics and the transformation of marketing // *Journal of business research*. Vol. 69. Issue 2. Pp. 897–904. DOI: 10.1016/j.jbusres.2015.07.001

Evans D.S., Schmalensee R. (2010) Failure to launch: Critical mass in platform businesses // *Review of network economics*. Vol. 9. Issue 4. DOI: 10.2139/ssrn.1353502

Evans D.S. (2013) Attention rivalry among online platforms // *Journal of Competition Law & Economics*. Vol. 9. Issue 2. Pp. 313–357. DOI: 10.2139/ssrn.2195340

Gawer A. (2022) Digital platforms and ecosystems: remarks on the dominant organizational forms of the digital age // *Innovation*. Vol. 24. Issue 1. Pp. 110–124. DOI: 10.1080/14479338.2021.1965888

Graef I., Tombal T., De Streel A. (2019) Limits and enablers of data sharing. An analytical framework for EU competition, data protection and consumer law // *TILEC Discussion Paper No. DP 2019-024*. DOI: 10.2139/ssrn.3494212

Goldfarb A., Trefler D. (2019) Artificial intelligence and international trade // In: *The economics of artificial intelligence: an agenda*. Ed.: Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 476–505.

Kubina M., Varmus M., Kubinova I. (2015) Use of big data for competitive advantage of company // *Procedia Economics and Finance*. Vol. 26. Pp. 561–565. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00955-7

Kuhn T., O'Shaughnessy K., Pesch T., Phillips J., Sokol D. D. (2023) Chapter 22: Big data and data-related abuses of market power // In: *Research Handbook on Abuse of Dominance and Monopolization*. Ed.: Akman P., Brook O., Stylianou K. Pp. 438–455.

Lundqvist B., Lianos I., Xianlin W., Strader M., Nikolic I. (2019) Chapter 7. Exclusionary and unfair unilateral practices in reference to platforms // In: *Digital Era Competition: A BRICS View*. Ed.: Lianos I., Ivanov A. Pp. 546–625.

Mikians J., Gyarmati L., Erramilli V., Laoutaris N. (2012) Detecting price and search discrimination on the internet // *Proceedings of the 11th ACM workshop on hot topics in networks*. Pp. 79–84. DOI: 10.1145/2390231.2390245.

Mikians J., Gyarmati L., Erramilli V., Laoutaris N. (2013) Crowd-assisted search for price discrimination in e-commerce: First results // *Proceedings of the ninth ACM conference on Emerging networking experiments and technologies*. Pp. 1–6. DOI: 10.1145/2535372.2535415

Montero J., Finger M. (2021) Regulating digital platforms as the new network industries // *Competition and Regulation in Network Industries*. Vol. 22. Issue 2. Pp. 111–126. DOI: 10.1177/17835917211028787

Motta M. (2004) *Competition policy: Theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press. 704 p. DOI: 10.1017/CBO9780511804038

Nuccio M., Guerzoni M. (2019) Big data: Hell or heaven? Digital platforms and market power in the data-driven economy // *Competition & Change*. Vol. 23. Issue 3. Pp. 312–328. DOI: 10.1177/1024529418816525

Pavlova N., Shastitko A., Kurdin A. (2020) The calling card of Russian digital antitrust // *Russian Journal of Economics*. Vol. 6. Issue 3. Pp. 258–276. DOI: 10.32609/j.ruje.6.53904

Pendyala V. (2018) *Veracity of big data: machine learning and other approaches to verifying truthfulness*. Apress Berkeley, CA. 194 p. DOI: 10.1007/978-1-4842-3633-8

Provost F., Fawcett T. (2013) Data science and its relationship to big data and data-driven decision making // *Big data*. Vol. 1. Issue 1. Pp. 51–59. DOI: 10.1089/big.2013.1508

Radinsky K. (2015) Data monopolists like Google are threatening the economy // *Harvard Business Review*. Vol. 2.

Samuelson P.A., Nordhaus W.D. (2009) *Macroeconomics* 19 edition. New York: McGraw-Hill. 702 p.

Schaefer M., Sapi G., Lorincz S. (2018) The effect of big data on recommendation quality: The example of internet search // *DICE Discussion Paper No. 284*. DOI: 10.2139/ssrn.3161325

Schepp N.P., Wambach A. (2015) On Big Data and Its Relevance for Market Power Assessment // *Journal of European Competition Law & Practice*. Vol. 7. Issue 2. Pp. 120–124. DOI: 10.1093/jeclap/lpv091

Sen A. (2022) Are data markets a solution to big tech market power? A competitive analysis // *Journal of Government and Economics*. Vol. 7. DOI: 10.1016/j.jge.2022.100052

Shiller B. (2016) *Personalized price discrimination using big data* // *Brandeis University Working Papers*. № 108.

Stucke M.E., Grunes A.P. (2016) *Big Data and Competition Policy*. Oxford: Oxford University Press. 336 p.

Suárez C. (2019) Big Data and Antitrust Law // *RevistaElectrónica de Direito*. Vol. 18. Pp. 1–22. DOI: 10.24840/2182-9845_2019-0001_0004

Taylor L. (2016) The ethics of big data as a public good: which public? Whose good? // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. Vol. 374. Issue 374. DOI: 10.1098/rsta.2016.0126

Tucker C. (2019) Digital data, platforms and the usual [antitrust] suspects: Network effects, switching costs, essential facility // *Review of Industrial Organization*. Vol. 54. Issue. 4. Pp. 683–694. DOI: 10.1007/s11151-019-09693-7

Van Alstyne M.W., Parker G.G., Choudary S.P. (2016) Reasons platforms fail // *Harvard business review*. Vol. 31. Issue 6. Pp. 2–6.

Waller S.W. (2012) Access and information remedies in high-tech antitrust // *Journal of Competition Law and Economics*. Vol. 8. Issue. 3. Pp. 575–593. DOI: 10.1093/joclec/nhs015

Wright L.T., Robin R., Stone M., Aravopoulou E. (2019) Adoption of big data technology for innovation in B2B marketing // *Journal of Business-to-Business Marketing*. Vol. 26. Issue 3–4. Pp. 281–293. DOI: 10.1080/1051712X.2019.1611082

Yun J.M. (2019) Antitrust After Big Data // *Criterion Journal on Innovation*. Vol. 4. Pp. 407–429.

Информация об авторах

Леваков Павел Александрович, научный сотрудник лаборатории исследования проблем устойчивого развития РАНХиГС. Адрес: 119571, Москва, Россия, пр. Вернадского, д. 82. E-mail: levakov-pa@ranepa.ru

Павлова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ, старший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС. Адрес: 119571, Москва, Россия, пр. Вернадского, д. 82. E-mail: pavl.ns@yandex.ru

About the authors

Pavel A. Levakov, Research Fellow of the Laboratory for Sustainable Development Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 119571, 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia. E-mail: levakov-pa@ranepa.ru

Natalia S. Pavlova, Candidate of Sciences (Economics), Assistant Professor at the Chair of Competition Policy and Industrial Policy, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow at the Centre for Competition and Economic Regulation Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 82, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571. E-mail: pavl.ns@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 15.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 27.12.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 22.01.2024

ГЕРМАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ GERMAN STUDIES

Оригинальная статья / Original article

Восточные немцы в политических элитах объединенной Германии: проблема недопредставленности¹

© М.В. ХОРОЛЬСКАЯ

Хорольская Мария Витальевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), khorolskaja.marya@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1885-7729

Исследована низкая представленность восточных немцев в элитах ФРГ. Спустя более чем тридцать лет после объединения Германии доля выходцев из ГДР на высших позициях в политической системе государства ниже, чем их доля в населении страны. Предпринята попытка найти исторические предпосылки преобладания на руководящих должностях выходцев из Западной Германии, проанализировать долю населения новых земель в различных элитных группах, выявить факторы, которые способствуют проникновению восточных немцев в политические элиты. На основании большого объема данных сделан вывод о том, что даже в политических элитах восточные немцы представлены неравномерно. Их вхождению в элиты способствуют такие факторы, как территориальный принцип и демократическая форма рекрутирования (выборы). Источниками для исследования стали статические материалы, опубликованные немецкими учеными, а также массив данных политических элит ФРГ, собранный автором вместе с коллегами и ранее не введенный в оборот ни в отечественной, ни в зарубежной науке. База данных включает в себя количественную информацию о 736 членах бундестага, 17 членах федерального правительства, 173 членах земельных правительств, 59 статс-секретарях за период до 16 ноября 2023 г.

Ключевые слова: Германия, элиты, восточные немцы, объединение Германии, дискриминация, ГДР, статистика

Цитирование: Хорольская М.В. (2024) Восточные немцы в элитах объединенной Германии: проблема недопредставленности // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 92–105. DOI: 10.31857/S0869049924010078, EDN: RRRHPW

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01022 (<https://rscf.ru/project/23-78-01022/>).

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01022 (<https://rscf.ru/en/project/23-78-01022/>).

East Germans in the Political Elites of Reunited Germany: The Problem of Underrepresentation

© M. KHOROLSKAYA

Maria V. Khorolskaya, National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Science (Moscow, Russia), khorolskaja.marya@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1885-7729

Abstract. The underrepresentation of East Germans (“ossis”) in German elites is studied. After more than 30 years since the reunification of Germany, the share of former GDR citizens in high government positions in the political system of the state at large is far smaller than their percentage in the population. Historical preconditions for the predominance of West Germans in leadership positions are explored, the share of East Germans in different elite groups is analyzed, and the factors that could facilitate East Germans’ entry to elite positions are suggested. Based on a large amount of data, it is concluded that East Germans are unevenly represented even among political elites. But the territorial principle and the democratic form of recruitment (elections) could facilitate East Germans’ entry into an elite. The research based on statistical data published by German scholars as well as data on the German political elite collected by the author and her colleagues is introduced in Russian and foreign academic literature for the first time. The database consists of information about 736 members of the Bundestag, 17 members of the federal government, 173 members of the federal state governments, and 59 state secretaries for the period up to November 16, 2023.

Keywords: Germany, elites, East Germans, German unification, discrimination, GDR, statistics

Citation: Khorolskaya M.V. (2024) East Germans in Elites of Reunited Germany: The Problem of Underrepresentation. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 92–105. DOI: 10.31857/S0869049924010078, EDN: RRPHPW (In Russ.)

Объединение ФРГ и ГДР состоялось более 30 лет назад, однако восточные земли по-прежнему отстают от западных по экономическому развитию и среднему уровню зарплат и пенсий. Особое беспокойство немецкого истеблишмента вызывает меньший уровень доверия выходцев с востока страны к политической системе ФРГ. Высказываются предположения, что одна из причин такого отношения восточных немцев (которых неформально называют «осси») кроется в том, что они практически не представлены в элитах единой страны.

В данном исследовании предпринята попытка ответить на следующие вопросы. Действительно ли доля восточных немцев в элитах ниже их доли в населении страны? Каковы исторические предпосылки преобладания западногерманских элит? Как отличается соотношение «осси» и «весси» (западных немцев) в разных видах элит в настоящее время? Насколько выходцы из ГДР и новых федеральных земель (НФЗ) представлены в политических элитах? Какие факторы способствуют проникновению восточных немцев в политические элиты?

В российской историографии существуют глубокие исследования, посвященные немецким партиям [Павлов 2023, Тимошенкова 2020], объединению Германии и проблемам новых федеральных земель [Германия... 2009; Тоганова 2013; Филитов 2016]. В отечественной политологии сложились свои теоретические подходы и школы изучения элит в целом [Гаман-Голутвина 2017], однако тема представленности восточных немцев в элитах еще недостаточно раскрыта.

Исследование опирается на теоретические подходы немецких социологов Р. Коллморгена, О. Якобса и М. Блума [*Kollmorgen 2015; Kollmorgen 2020; Jacobs, Bluhm 2016*]. В статье проанализированы статистические материалы, опубликованные немецкими учеными, а также база данных, собранная автором статьи совместно с коллегами². Информационный массив данных включает в себя сведения о 736 членах бундестага, 17 членах федерального правительства, 173 членах земельных правительства, 59 статс-секретарях на период 16 ноября 2023 г. Материалы впервые вводятся в научный оборот.

Исторические предпосылки трансфера элит

Многие из восточных немцев поддерживали падение режима Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и требовали воссоединения с западной частью страны. Однако сразу после объединения Германии они столкнулись с масштабными политическими и экономическими трансформациями, а также с потерей рабочих мест. Даже лидеры восточно-германской оппозиции в преобладающей массе не смогли пробиться в высшие эшелоны власти. Одновременно руководящие посты в новых федеральных землях в основном заняли выходцы из Западной Германии. Такой трансфер элит спровоцировал обвинения со стороны ряда немецких публицистов и исследователей в «колонизации» востока [*Dahn 1997*]. Однако представляется, что у этого явления были более сложные причины.

Во-первых, часть граждан ГДР столкнулась с люстрацией и даже предстала перед судом. После объединения Германии начались расследования в отношении высшего руководства СЕПГ и силовых ведомств, а также пограничников, виновных в смерти перебежчиков. Несмотря на широкий резонанс, количество осужденных было невелико: обвинения были предъявлены только по 1,4% из 75 тыс. дел (не учитывая обвинения в шпионаже), приговоры были вынесены половине обвиняемых – 753 (53,9%). Наказание в виде лишения свободы получили 580 человек, из них 534 – условно. Только 46 человек отправились отбывать тюремные сроки [*Marxen, Werle, Schäfter 2007, 43*].

Люстрация затронула большее количество людей. В расплывчатой форме подобные меры были прописаны уже в Договоре об объединении ФРГ и ГДР. В январе 1992 г. вступил в силу Закон о материалах Министерства государственной безопасности (МГБ) ГДР (неофициальное сокр. – Штази). На его основании был открыт доступ к архивам МГБ ГДР, было создано Ведомство уполномоченного по материалам данного министерства (т. н. Ведомство Гаука), а также проводились проверки госслужащих на предмет связей со Штази. Все восточные немцы, которые занимали или претендовали на пост государственных служащих, были обязаны вновь подать заявления о приеме на работу и заполнить анкеты. Помимо прочего, в них кандидаты должны были сообщить о наличии каких-либо контактов с МГБ в прошлом. После получения этих документов люстрационные комиссии направляли запрос в Ведомство Гаука. На основе информации о наличии или отсутствии в прошлом кандидата контактов с МГБ ГДР работодатель уже принимал решение, которое кандидат мог оспорить в суде [*Хорольская 2019, 177*].

По некоторым подсчетам, общая численность уволенных по причине взаимодействия со Штази составляла минимум 55 тыс. человек [*Лёзина 2015, 62*]. Многие предпочли не подавать заявление о приеме на работу. Следует отметить, что в Германии категория государственных служащих (*Beamte*) включает в себя широкий спектр профессий, в том числе юристов и работников образования. К примеру, в одной Саксонии были уволены 25% учителей начальной школы [*Appel 2005, 384*].

² Сбором базы данных занимались М.В. Хорольская, О.А. Козлова и В.А. Снегирева.

Во-вторых, из-за скандалов с разоблачениями (например, министра по особым поручениям Л. Де Мезьера) даже люди, не связанные со Штази, находились под подозрением в неблагонадежности и не получали руководящие посты. Бывший профессор Дрезденского технического университета Г. Конрад писал об увольнении восточногерманских преподавателей на основании «закона о радикалах» от 1972 г., о деятельности персональных комиссий по «благонадежности», о «черных списках» научных сотрудников, которым было запрещено преподавать, а также о том, что работа на определенных должностях в ГДР исключала возможность стать государственным служащим в объединенной стране [Конрад 2016].

В-третьих, восточные немцы столкнулись с изменением политической, экономической и юридической системы. У граждан ГДР не было соответствующих знаний и навыков. В частности, в юридической сфере в начале 1990-х гг. ни один кандидат из «осси» не был назначен федеральным судьей. В Берлине повторно получили назначения только 10% судей и обвинителей, в других землях – соответственно около 35 и 45% [Бланкенбург 1999, 35; Хорольская 2019, 179]. Полная смена элит произошла среди военных, полицейских, сотрудников госбезопасности. Приватизация восточногерманской государственной собственности привела к тому, что 80% производственных мощностей бывшей ГДР перешли к более опытным западным немцам, 14% достались иностранцам [Хорольская 2019, 87]. Восточногерманские оппозиционные партии объединились с западными, однако «осси» зачастую не могли встроиться в партийную политику, которую они ранее представляли по-другому³. Партия демократического социализма (ПДС), в которую вошли многие выходцы из СЕПГ, в тот период времени не сумела пробиться в федеральное или земельные правительства.

В-четвертых, некоторые восточные немцы столкнулись с негативными стереотипами о себе. В Германии были распространены представления об их некомпетентности по сравнению с западными немцами и постоянных жалобах на жизнь.

Указанные причины представляют собой смесь объективных и субъективных факторов. Однако важно, что в 1990-е гг. трансфер элит не вызывал серьезного беспокойства среди руководства ФРГ, которое либо считало данный процесс естественным, либо полагало, что с течением времени диспропорция сократится.

Влияние преобразований на структуру элит

Преобразования 1990-х гг. серьезно повлияли на структуру немецких элит. Назначение на руководящие посты представителей западных земель трансформировалось в долгосрочную тенденцию – низкую представленность восточных немцев в элитах.

Недостаточная представленность означает, что доля восточных немцев в составе элит ниже, чем их доля в населении страны. В то же время данные о доле восточных немцев в Германии разнятся, в зависимости от методики подсчета. В преддверии объединения население Западной Германии (с Западным Берлином) составляло 62 млн человек, а ГДР – 16,6 млн⁴, то есть 21,1% от всего немецкого населения.

Однако после объединения на западной и восточной территориях наблюдались разные демографические ситуации. Если в старых федеральных землях ФРГ население росло благодаря миграции из других стран и востока, то в новых федеральных землях (НФЗ) оно преимущественно сокращалось и старело. Сейчас население НФЗ без учета Берлина

³ Интервью автора с Й. и Э. Райхами (13.12.2017).

⁴ Franzmann G. (2009) The former (German Democratic Republic) GDR's population, 1946 to 1989. GESIS Data Archive, Cologne. ZA8267 Data file Version 1. (https://search.gesis.org/research_data/ZA8267).

составляет 12,6 млн человек (15%), без учета мигрантов – 14%⁵. Однако эта статистика не учитывает восточных немцев, которые перебрались в западные земли (4–5%) [Kollmorgen 2020, 35]. Согласно другим подсчетам, проживающие в НФЗ восточные немцы составляют около 17% от населения, а вместе с переехавшими на запад доля возрастает до 22%⁶.

Еще сложнее определить, кого можно считать восточными немцами. Считается ли человек, который родился в Восточной Германии, а потом провел более 10 лет в западных землях, восточным немцем? Так, немецкий социолог Р. Коллморген в своих исследованиях причисляет к восточным немцам граждан, которые родились в ГДР и прожили в ней как минимум до 14 лет, а также детей граждан ГДР, которые родились в НФЗ после объединения⁷. М. Блум и О. Якобс относят к восточным немцам тех, кто родился в ГДР до 31 декабря 1975 г. и жил в ней до 1989 г. [Jacobs, Bluhm 2016, 7]. Однако, чем больше проходит времени, тем актуальнее становится вопрос – к какой категории отнести людей, которые родились после 1975 г. и после объединения страны? В базе данных Eliten Monitor указывают место рождения без уточнения временного отрезка проживания на определенных территориях⁸.

В представленном исследовании восточные немцы идентифицированы по месту рождения в ГДР и НФЗ. В то же время в базу данных добавлялась информация о годе рождения и месте получения высшего образования, чтобы в будущих исследованиях учитывать проблему социализации (через высшее образование), а также проанализировать долю выходцев с востока страны в разных поколениях элит. На основании этого подхода автор ориентируется на то, что доля восточных немцев в ФРГ составляет 21–22%.

Еще один важный вопрос – какие государственные должности дают основания относить гражданина к элитам. Масштабный совместный проект Университетов Лейпцига и Йены, а также Института Циттау / Гёрлиц Eliten Monitor определяет представителей элит как «индивидуумов, которые благодаря своей позиции во влиятельных организациях и движениях способны регулярно и существенно влиять на политические результаты»⁹. Таким образом, признаком принадлежности к высшей прослойке общества считают руководящую должность во влиятельной организации / институте.

Исследователи М. Блум и О. Якобс также определяют, что элиты играют главную роль в определенных структурах, но в ряде сфер авторы придают большее значение рангу, а не принадлежности к управляющей верхушке. Так, представляя военные элиты, ученые приводят данные на основании званий (генералитет и адмиралитет немецких вооруженных сил) [Jacobs, Bluhm 2016, 28]. Эксперты проекта Eliten Monitor анализируют руководящие должности в основных видах войск¹⁰.

⁵ Bevölkerung nach dem Gebietsstand, Durchschnittsalter und Ausländeranteil (ab 1990). (<https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Bevoelkerungsstand/Tabellen/liste-gebietstand.html#249750>).

⁶ Foroutan N. «Das nennt man Emanzipation». Die Zeit. 2019. (<https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2019-03/naika-foroutan-ostdeutsche-muslim-diskriminierung-rassismus/seite-4>).

⁷ Kollmorgen R. Zwischen Austausch und Marginalisierung: Ostdeutsche in den Eliten nach der Vereinigung. Bundeszentrale für politische Bildung. 26.05.2020. (<https://www.bpb.de/themen/deutsche-einheit/lange-wege-der-deutschen-einheit/310065/zwischen-austausch-und-marginalisierung-ostdeutsche-in-den-eliten-nach-der-vereinigung/#footnote-target-1>).

⁸ Erste Ergebnisse der Leipziger Elitendatenbank. Eliten Monitor. September 20, 2023. (<https://research.uni-leipzig.de/elitenmonitor/erste-ergebnisse-der-leipziger-elitendatenbank/>).

⁹ Die Positionsauswahl der Leipziger Elitendatenbank – Sample Report (Stand Juli 2023). Eliten Monitor. (<https://research.uni-leipzig.de/elitenmonitor/wp-content/uploads/2023/09/Sample-Report-Leipziger-Elitendatenbank-Juli-2023.pdf>).

¹⁰ Ibid.

Немецкий социолог Р. Коллморген определяет представителей элит как лиц, которые обладают (окончательным) правом принятия решений в учреждениях и организациях, а также непосредственно влияют на общество в целом и на отдельные отраслевые сферы деятельности в частности (от бизнеса до искусства). Таким образом, эмпирически элиты определяются через принадлежность к определенному посту [Kollmorgen 2020, 33]. Исследователь разделяет их представителей на два эшелона. Первый (Top-Elite) включает в себя руководящие позиции во всех сферах на национальном уровне (канцлер, президент, премьер-министры земель, главы крупнейших экономических предприятий и т. д.) – в него входит около 1,5 тыс. человек. Расширенное понимание элит включает в себя второй эшелон: члены президиумов, главы отделов в министерствах, статс-секретари и т. п. – около 5–10 тыс. человек [Kollmorgen 2020, 33].

Расхождения во мнениях по вопросам, кого можно считать восточными немцами и какие должности можно отнести к элитным, приводят к тому, что данные разных исследователей нельзя сопоставить. Поэтому невозможно построить график, который показывал бы, как менялась доля «осси» на руководящих постах. Однако практически все немецкие ученые приходят к единому выводу – на протяжении последних 30-ти лет выходцы с востока Германии мало представлены в элитах.

Особенно заметна низкая роль выходцев из ГДР в крупном бизнесе, юридической системе и военных структурах. В 2004 г. ни один из «осси» не имел генеральский или адмиральский чин, а в 2015 г. из 200 носителей высших чинов лишь двое (1%) были восточными немцами (одна из них, генерал-майор медицинской службы доктор Эрика Франке, строила свою карьеру на стыке медицины и военной службы) [Jacobs, Bluhm 2016, 27]. В 2015–2016 гг. среди судей федерального конституционного суда и верховных судов земель, руководителей 30-ти крупных немецких компаний, показатели которых учитывают при расчете DAX (немецкий фондовый индекс), среди главных редакторов ведущих национальных СМИ Германии не было ни одного выходца из ГДР. В других сферах их доля была незначительной: около 1% в военных элитах, 3–4% возглавляли НИИ и университеты, 4–5% в административной элите, 8–10% стояли во главе творческих, экологических, культурных движений [Kollmorgen 2015, 198; Jacobs, Bluhm 2016, 6]. Исключением была политическая сфера. В 2013–2017 гг. уроженцы востока занимали 15–18% руководящих позиций в партиях (во многом благодаря Левой партии), 14% – в бундестаге. В 2012–2017 гг. в исполнительной власти даже наблюдался перевес уроженцев ГДР. Две из пяти высших должностей занимали восточные немцы – канцлер А. Меркель и президент Й. Гаук [Kollmorgen 2015, 198].

Последние социологические данные проекта Eliten Monitor подтверждают недостаточную представленность восточных немцев в элитах единой страны, однако доля их участия также варьируется в зависимости от сферы. Важно отметить, что данное исследование рассматривает широкий спектр элит, в которые включены не только руководители институций и крупнейших организаций, но и второй эшелон (члены правления / совета, руководители крупнейших подразделений), численность которого составляет 2788 человек (табл. 1).

Из таблицы видно, что даже в настоящее время жители востока не представлены в военной сфере и практически отсутствуют в юридической. Средние показатели представленности «осси» среди руководства СМИ, административных элит, лидеров религиозных объединений невелики, однако можно констатировать положительную динамику. Резко увеличилась доля бывших граждан из ГДР в руководстве в научной сфере. В то же время их участие в управлении профсоюзами, культурными и общественными организациями, а также структурами, которые занимаются обеспечением внутренней безопасности, снижаются. Лучше всего выходцы с востока вновь представлены в политических элитах.

Упомянувшийся выше трансфер элит в новые земли привел к тому, что восточные немцы недостаточно представлены на руководящих постах даже на востоке страны (табл. 2).

Таблица 1

Доля восточных немцев в федеральных элитах 2018–2022 гг.

Table 1

Share of East Germans in federal elites 2018–2022

Сфера	2018 (восточные немцы, %)	2022 (восточные немцы, %)
Политика	19,9	20,9
СМИ	7,9	8,1
Культура	9,8	8
Гражданское общество	14,1	13
Религиозные объединения	5,5	7,3
Бизнес и объединения работодателей	5,1	4,3
Администрация	9,9	14
Наука	1,6	8,2
Профсоюзы и рабочие объединения	14,3	13,2
Юридическая сфера	1,4	2,1
Военная сфера	0	0
Внутренняя безопасность	13,3	10,3
Всего	10,9	12,2

Источник: *Erste Ergebnisse der Leipziger Elitendatenbank*. (<https://research.uni-leipzig.de/elitenmonitor/erste-ergebnisse-der-leipziger-elitendatenbank/>).

Source: *Erste Ergebnisse der Leipziger Elitendatenbank*. (<https://research.uni-leipzig.de/elitenmonitor/erste-ergebnisse-der-leipziger-elitendatenbank/>).

Таблица 2

Восточные немцы в элитах пяти новых федеральных земель

Table 2

East Germans in elites of five new federal states

	1990/1991	1994/1995	2004	2015/2016
Политическая исполнительная власть	72%	72%	75%	70%
Административные элиты	0	≈3–5%	26%	46%
Юридические элиты	–	≈1–3%	3%	6%
Экономические элиты	–	–	35%	39%
Научные элиты	–	≈15%	≈15%	19%
СМИ	–	≈20%	31%	28%

Источник: [Kollmorgen 2020, 35; Jacobs, Bluhm 2016].

Source: [Kollmorgen 2020, 35; Jacobs, Bluhm 2016].

Как видно, в большей мере восточные немцы представлены в политических элитах (премьер-министры и министры пяти восточных земель), хотя и здесь показатель ниже доли восточных немцев в населении НФЗ (80–85%). В то же время их представленность в административных элитах (статс-секретари) ниже, чем в политических.

Доля «осси» в руководстве 100 крупнейших предприятий востока страны постепенно возросла до 39%, в директоратах важнейших региональных газет и радиостанциях она колебалась между 20 и 31%. Как и на федеральном уровне, восточные немцы практически не представлены в судебных элитах (председатели и заместители председателей Высших судов пяти земель, председатели сенатов Высших судов земель), однако их доля растет, хоть и очень медленно. Одновременно восточные немцы практически не присутствуют в элитах западногерманских земель – 2% при общей доле 4–5% [Kollmorgen 2020, 35].

Таким образом, представительство восточных немцев в федеральных и земельных элитах на протяжении всего периода после объединения остается ниже их доли в населении страны.

Низкие показатели в первые годы после объединения можно объяснить тем, что в отдельных областях деятельности для успешной карьеры необходимо образование в западногерманской системе, особенно это было характерно для юридической и военной сферы. Однако спустя более трех десятилетий в элиты попадают в том числе люди, которые получили высшее образование в единой стране. Кроме того, как отмечали в своей статье профессор М. Дивальд, доктор А. Гёдик и профессор Х. Сольга, стереотипы о том, что восточные немцы имели менее высокую квалификацию, по сравнению с западными, лишены оснований. Даже в 1990-х гг. «осси» в среднем не были менее квалифицированными и мобильными. Однако их компетентность просто не соответствовала новой системе, мобильность была в значительной мере вынужденной, а инициативу недостаточно вознаграждали¹¹.

Причины того, почему низкая представленность восточных немцев в элитах стала структурной проблемой, нуждаются в дальнейших исследованиях. Можно лишь предположить, что повлияли следующие факторы: низкие стартовые возможности в юности (капитал и опыт родителей); недостаточная включенность в существующую систему связей (в том числе из-за системы образования); отсутствие соответствующего габитуса власти¹²; маргинализация и самомаргинализация [Kollmorgen 2020, 38] восточных немцев как «жалующихся осси» (Jammer-Ossi); стремление к карьере с низким уровнем риска¹³.

Особое внимание привлекает относительно высокая представленность восточных немцев в политической сфере. На основании собранной базы данных следует проанализировать, какие факторы этому способствуют.

Представленность восточных немцев в современных политических элитах

Доля восточных немцев в политических элитах относительно высока, но разнится в зависимости от института. На федеральном уровне наибольшая доля выходцев с востока наблюдается в бундестаге – 16% (103 человека родились в ГДР, 12 – в восточных землях). Западные немцы составляют 78% от всех парламентариев (530 родились в Западной

¹¹ Diewald M., Goedicke A., Solga H. Arbeitsmarkt-Kompetenzen in Ostdeutschland – nicht vorhanden oder nicht gefragt? Bundeszentrale für politische Bildung, 26.05.2002. (<http://www.bpb.de/apuz/25417/arbeitsmarkt-kompetenzen-in-ostdeutschland-nicht-vorhanden-oder-nicht-gefragt?p=all>).

¹² Представляется, что Р. Коллморген понимает под габитусом власти совокупность опыта, манер, неосознанных практик, мышления, символического капитала и встроенность в систему связей, которые позволяют воспринимать индивида как (потенциального) представителя элиты.

¹³ Alheit P. Modernisierungsblockaden in Ostdeutschland? Bundeszentrale für politische Bildung, 28.09.2005. (<https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/28808/modernisierungsblockaden-in-ostdeutschland/>).

Германии, 47 человек – в западных землях)¹⁴. 6% приходится на иностранцев¹⁵. Соответственно, представленность «осси» в парламенте близка их доле в населении страны.

Какие факторы способствуют избранию восточных немцев в немецкий парламент? Во-первых, форма рекрутирования элит демократическим путем и на территориальной основе (по избирательным округам). 83% восточных немцев были избраны из округов в новых землях¹⁶. В остальные виды элит, упомянутых в предыдущем разделе, людей назначали либо их избирал узкий круг представителей элит (в исследовательские институты директора зачастую выбирает небольшая группа других директоров и известных ученых).

Вторым фактором выступает сильная партийная система. Выходцы из ГДР и новых земель неравномерно присутствуют в различных партиях. На их представленность влияют два аспекта: сколько изначально в партии насчитывалось бывших граждан Восточной Германии, а также рейтинг этих партий в новых землях. В связи с тем, что восточных немцев в большинстве своем избирают в восточных округах, у представителей популярных в НФЗ партий больше шансов быть избранными.

В наибольшей мере выходцы с востока представлены в Левой партии – 36,8%¹⁷. Данный показатель значительно выше доли «осси» в населении единой Германии. Причина не только в том, что данная организация позиционирует себя защитницей интересов НФЗ. Левая партия и ее предшественница, Партия демократического социализма (ПДС), выступают как «наследники» Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) востока страны. Соответственно, именно эта сила стала политическим лифтом для бывших партийных активистов ГДР, которые не могли проявить себя в других политических объединениях.

Второе место занимает правопопулистская «Альтернатива для Германии» (АдГ) – 30%¹⁸. Партия была образована в западных землях ФРГ на волне недовольства кризисом еврозоны, однако с началом миграционного кризиса она стала получать все большую поддержку на востоке страны, так как стала еще одним рупором для недовольного населения новых земель. Обе политические силы более популярны в НФЗ, чем на западе.

Самые «западные» фракции – Союз 90 / Зеленые и Христианский демократический союз / Христианско-социальный союз (ХДС/ХСС). В них состоят 8,5 и 9,1% восточных немцев соответственно¹⁹. У этих политических организаций были низкие результаты в избирательных округах новых земель в 2021 г., а Союз 90 / Зеленые, чья риторика всегда была наименее популярна в НФЗ, отличаются самой низкой представленностью депутатов-«осси».

Не подтвердилась гипотеза о том, что на представленность в бундестаге значительно влияет возраст, а потому восточногерманской молодежи (немцам, которые получили высшее образование уже в единой стране) проще добиться политического успеха. Доля «осси» относительно высока в разных поколениях политиков: 1940–1950 (учитывая маленькую выборку), в 1961–1970 и после 1991 гг. рождения.

Также не нашло подтверждения предположение, что восточных и западных немцев непропорционально избирают по мандату и по партийному списку. Напротив, доли «осси» и «весси», прошедших по списку и мандатам, практически совпадают²⁰.

¹⁴ Собрано автором.

¹⁵ К иностранцам относят граждан, рожденных за границей ФРГ или ГДР, хотя их социализация в большинстве своем проходила в Западной Германии.

¹⁶ Собрано автором.

¹⁷ Собрано автором.

¹⁸ Собрано автором.

¹⁹ Собрано автором.

²⁰ Собрано автором.

В то время как доля выходцев с востока в законодательных органах достаточно высока, ситуация в исполнительной власти обратная. Численность членов правительства не обеспечивает исследование адекватной выборкой, однако следует отметить, что восточные немцы получили 2 портфеля из 17 (11,8%), что ниже доли выходцев из ГДР в стране. К тому же никто из «осси» не получил доступ к руководству ключевым министерством.

Больше выводов можно сделать на основе информации о федеральных статс-секретарях [Jacobs, Bluhm 2016, 9–10]. Статс-секретарь (Staatssekretär/in) занимает второй пост в министерстве, его назначает сам министр. Данная должность считается административной, а не политической. В связи с тем, что статс-секретари профессионально занимаются проблемами своего министерства, их не всегда меняют с приходом нового министра, они даже могут принадлежать к другой партии. Кандидат на эту должность обязан обладать достаточным уровнем квалификации, опытом и политическими связями. В настоящее время из 34 статс-секретарей только один родился в ГДР (об одном депутате нет данных), соответственно, доля восточных немцев на должности составляет только 3%²¹.

Парламентский статс-секретарь (Parlamentarischer Staatssekretär/in) – политическая должность, на которую назначают члена бундестага. Кандидатуру для назначения представляет федеральному президенту канцлер, который согласует ее с профильным министром. Парламентские статс-секретари должны представлять главу министерства на внешних мероприятиях, поэтому они всегда относятся к той же фракции. В настоящее время из 33 действующих парламентских статс-секретарей три родились на востоке (9%)²².

Значительную выборку представляют данные по правительствам земель. Общие данные как по главам земель, так и по земельным правительствам показывают высокую представленность восточных немцев (25% глав земель и 20% министров)²³. Однако такой хороший результат обусловлен географическим делением: министерские посты в восточных землях без Берлина составляют 30%, а с Берлином – 36% от всего количества мест в 16-ти земельных правительствах²⁴.

При анализе ситуации по землям возникает другая картина: во всех западных землях министерский пост занимает только один восточный немец (1%)²⁵. В руководстве восточных земель, напротив, много выходцев с запада. Согласно собранным данным, всего в земельные правительства пяти земель (без Берлина) входят 52 человека, из них 30 родились в ГДР (58%). Одновременно 4 из 5 премьер-министров относят к восточным немцам²⁶.

Данные по земельной исполнительной власти не дают достаточную выборку, чтобы делать адекватные выводы. Тем не менее любопытно, что наибольшая доля «осси» наблюдается в землях Саксония (75%) и Тюрингия (70%). В Бранденбурге посты делят поровну западные и восточные немцы, а в Мекленбурге-Передняя Померания (44,4%) и Саксонии-Анхальт (40%) доля «весси» превышает представительство выходцев из бывшей ГДР²⁷ (табл. 3).

Анализ партийной принадлежности подтверждает, что самой «восточной» можно считать Левую партию. Шесть из семи министров от этой партии – выходцы из ГДР. Как было отмечено выше, Левая партия стала единственным способом продвижения в политике для многих бывших социалистов. При рассмотрении биографии «левых» членов

²¹ Собрано автором.

²² Собрано автором.

²³ Собрано автором.

²⁴ Собрано автором.

²⁵ Собрано автором.

²⁶ Собрано автором.

²⁷ Собрано автором.

земельных правительств можно увидеть, что многие из них ранее были членами СЕПГ, входили в Союз немецкой молодежи, некоторые даже заканчивали Высшие партийные курсы в Москве²⁸. Левая партия, которая возглавляет правящую коалицию в Тюрингии, обеспечила высокую долю восточных немцев в правительстве этой земли. Однако премьер-министром Тюрингии и председателем «Левых» в этой земле выступает западный немец Б. Рамелов.

Таблица 3

Восточные и западные немцы в правительствах новых федеральных земель

Table 3

East and West Germans in governments of new federal states

	Бранденбург	Мекленбург-Передняя Померания	Саксония	Саксония-Анхальт	Тюрингия	Берлин
Восточные немцы	6	4	9	4	7	4
Западные немцы	5	5	3	6	3	6
Родившиеся за границей	0	0	0	0	0	1

Источник: собрано автором.

Source: compiled by the author.

Свободная демократическая партия (СвДП) в земельных правительствах представлена только одним человеком (западным немцем), поэтому ее нельзя считать даже ограниченно репрезентативной. В Союзе 90 / Зеленых (50%), СДПГ (55%) и ХДС (55,6%) представительство восточных немцев в правительствах немного превышает половину. Однако они не разделены равномерно по землям: например, в Саксонии социал-демократы, Зеленые и большая часть ХДС представлены «осси», а в Мекленбурге-Передней Померании – «весси».

В среднем восточные немцы в достаточной мере представлены в политических элитах. Однако, если рассматривать различные институты отдельно, можно увидеть, что «осси» так же сложно попасть на невыборные должности в федеральное правительство или на посты статс-секретарей, как и в другие неполитические элиты. Вероятно, назначения на такие посты могут осложнять упомянутые в предыдущем разделе факторы – нехватка связей, соответствующего образования и габитуса (доля статс-секретарей, получавших высшее образование в зарубежных западных странах, выше, чем среди членов парламента).

Высокую представленность восточных немцев в элитах обеспечивают в первую очередь законодательные органы власти, избираемые по территориальному принципу. Территориальное деление также выступает причиной высокой средней доли «осси» в правительствах земель (несмотря на огромную разницу в численности населения, от восточной Саксонии и западной Северного Рейна-Вестфалии избирается одинаковое количество депутатов). Однако данные по каждой земле в отдельности показывают, что у восточных немцев практически нет шансов избраться на западе, в то время как 41% западных немцев входит в правительства восточных земель.

²⁸ Die Hausleitung des Ministeriums. Thüringer Minister für Bildung, Jugend und Sport. Freistaat Thüringen. (<https://bildung.thueringen.de/ministerium/hausleitung/>).

* * *

Даже спустя более 30 лет после падения Берлинской стены представленность восточных немцев в национальных элитах значительно ниже, чем их доля во всем населении ФРГ. Предпосылки этого явления заложили трансфер элит в восточные земли и сохранение руководящих позиций на федеральных постах за выходцами из Западной Германии в начале 1990-х гг. У этого процесса были объективные (нехватка у граждан ГДР необходимых в новой системе навыков) и субъективные (недоверие к «осси») причины, однако ошибкой правительства стало отсутствие стремления изменить сложившуюся тенденцию. В итоге недостаточная представленность восточных немцев в элитах стала системной.

Выходцы с востока практически не представлены в закрытых элитных группах (военные, судебная система), доступ в которые требует специального длительного образования (представители данных групп получали его еще в Западной Германии), а продвижение по службе менее прозрачно.

Однако и в более открытых группах элит, которые не выставляют строгие требования к образованию, доля восточных немцев невысока. Можно предположить, что сдерживающими факторами выступают как самомаргинализация части выходцев из ГДР, так и отсутствие у них соответствующего габитуса и системы связей. Соответственно, перспективными темами для дальнейших исследований могут стать выявление формальной и неформальной систем внутриэлитных связей.

Анализ базы данных по политическим элитам показывает, что демократическая форма и территориальный принцип рекрутирования способствуют вхождению восточных немцев в элиты. Однако, как только встает вопрос не об избрании, а о назначении на более высокую должность, их представленность в органах государственной власти также падает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бланкенбург Э. (1999) Люстрация и «отлучение от профессии» после падения восточногерманского тоталитарного режима // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. № 4. С. 29–36.

Blankenburg Je. (1999) Ljustracija i «otlucenie ot professii» posle padenija vostochnogermanskogo totalitarnogo rezhima [Lustration and “Professional Anathema” after the Fall of the East German Totalitarian Regime]. *Konstitucionnoe pravo: Vostochnoevropskoje obozrenie*. no. 4, pp. 29–36. (In Russ.)

Германия. Вызовы XXI века (2009) М.: Весь мир. 792 с.

Germanija. Vyzovy XXI veka [Germany. Challenges of XXI Century] (2009) Moscow: Ves' mir. 792 p. (In Russ.).

Гаман-Голутвина О.В. (2017) Политическая элита // В: Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация. М.: Политическая энциклопедия. С. 383–405.

Gaman-Golutvina O.V. (2017) Politicheskaja elita [Political Elite]. In: *Tendencii i problemy razvitija rossijskoj politicheskoj nauki v mirovom kontekste: tradicija, recepcija i novacija*. Moscow: Politicheskaja jenciklopedija. Pp. 383–405. (In Russ.).

Конрад Г. (2016) Охота за ведьмами в вузах и университетах после объединения Германии глазами немецкого доктора технических наук // Общество. Среда. Развитие. № 2. С. 43–45.

Konrad G. (2016) Ohota za ved'mami v vuzah i universitetah posle ob'edinenija Germanii glazami nemeckogo doktora tehniceskikh nauk [Witchhunts in Universities after the Unification of Germany Views of a German Doctor of Technical Sciences]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie*. no. 2, pp. 43–45. (In Russ.).

Лёзина Е.В. (2015) Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 2. С. 48–89.

Ljozina E.V. (2015) Ljustracija i otkrytie arhivov v stranah Central'noj i Vostochnoj Evropy [Lustration and Opening of Archives in the Central and Eastern Europe Countries.]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. no. 2, pp. 48–89. (In Russ.).

Павлов Н.В. (2023) Эра Ангелы Меркель. М.: Аспект Пресс. 431 с.

Pavlov N.V. (2023) *Era Angely Merkel'* [The Era of Angela Merkel]. Moscow: Aspekt Press. 431 p. (In Russ.).

Тимошенкова Е.П. (2020) Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.). М.: Институт Европы РАН. 142 с.

Timoshenkova E.P. (2020) *Partijno-politicheskaja sistema Germanii v period kanclerstva A. Merkel' (2005–2017 gg.)* [A Party Political System in Germany at the Time of Angela Merkel' Chancellorship (2005–2017)]. Moscow: Institut Evropy RAN. 142 p. (In Russ.).

Тоганова Н.В. (2013) Адаптация Восточной Германии к рынку 1990–2010. М.: «Крафт+». 190 с.

Toganova N.V. (2013) *Adaptacija Vostochnoj Germanii k rynku 1990–2010* [Adaptation of East Germany to the Market 1990–2010]. Moscow: «Kraft+». 190 p.

Филитов А.М. (2016) Национальный вопрос в послевоенной Германии // Преподаватель XXI век. № 4–2. С. 428–440.

Filitov A.M. (2016) *Nacional'nyj vopros v poslevoennoj Germanii* [National Issue in the Postwar Germany]. *Prepodavatel' XXI vek*. no. 4–2, pp. 428–440. (In Russ.).

Хорольская М.В. (2019) Германия после объединения: политические проблемы и противоречия интеграционного процесса: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02. 9.10.2019. Москва. 274 с.

Khorol'skaja M.V. (2019) *Germanija posle ob'edinenija: politicheskie problemy i protivorechiya integracionnogo processa* [Germany after Unification: Political Problems and Contradictions of the Integration Process]: dis. ...kand. polit. nauk: 23.00.02. 9.10.2019. Moscow. 274 p. (In Russ.).

Appel H. (2005) Anti-Communist Justice and Founding the Post-Communist Order: Lustration and Restitution in Central Europe // *East European Politics and Societies*. Vol 19. No. 3. Pp. 379–405.

Dahn D. (1997) *Westwärts und nicht vergessen. Vom Unbehagen an der Einheit*. Berlin: Rowohlt Taschenbuch Verlag. 208 p.

Jacobs O., Bluhm M. (2016) *Wer beherrscht den Osten? Ostdeutsche Eliten ein Vierteljahrhundert nach der deutschen Wiedervereinigung*. Universität Leipzig: Institut für Kommunikations- und Medienwissenschaft. 32 p.

Kollmorgen R. (2015) *Außenseiter der Macht. Ostdeutsche in den bundesdeutschen Eliten* // In: *Abhandlungen der Leibniz-Sozietät der Wissenschaften*. Band 42. Ein Vierteljahrhundert Deutsche Einheit. Facetten einer unvollendeten Integration. Berlin: Wissenschaftsverlag. Pp. 189–220.

Kollmorgen R. (2020) *Eliten in Ostdeutschland. Repräsentationsdefizit und Entfremdung der Ostdeutschen?* // In: *Regionalentwicklung in Ostdeutschland. Dynamiken, Perspektiven und der Beitrag der Humangeographie*. Berlin: Springer Spektrum. Pp. 31–42.

Marxen K., Werle G., Schäfer P. (2007) *Die Strafverfolgung von DDR-Unrecht: Fakten und Zahlen*. Berlin: Stiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur. 64 p.

Информация об авторе

Хорольская Мария Витальевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, г. Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

About the author

Maria V. Khorolskaya, Candidate of Political Science, Research Fellow, Department for European Political Studies, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Science. Address: 23, Profsovnaya st., Moscow, Russia, 117997. E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 25.12.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 25.01.2024

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024

Оригинальная статья / Original article

Антивоенные силы ФРГ в 2022–2023 гг.: возможен ли их союз?

© С.В. ПОГОРЕЛЬСКАЯ

Погорельская Светлана Вадимовна, Боннский университет, Институт научной информации по общественным наукам РАН, pogorels@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9208-5889, GND: 115267158

Еще несколько лет назад считалось, что антивоенное движение, представлявшее реальную силу в эпоху ядерного противостояния двух военных блоков, неадекватно в борьбе с новыми угрозами – локальными войнами и исламским терроризмом. Возрождение движения весной 2022 г. политические власти ФРГ и ведущие СМИ встретили враждебно, несмотря на его первоначальную видимую безобидность для официального курса страны в украинском кризисе. Однако в 2022 г. начались антивоенные общественные инициативы, которые в феврале 2023 г. переросли в массовую демонстрацию за мир, активизировались также т. н. «пасхальные марши». Эти мероприятия показали, что антивоенное движение обладает широким электоральным потенциалом и могло бы оформиться в политическую силу или по крайней мере в союз определенных сил на общей антивоенной платформе.

Представлен анализ современных немецких антивоенных сил и исследованы возможности их ситуативного союза со сторонниками левого и правого популизма. Цель исследования – определить внутриполитическую релевантность подобных союзов. Сделан вывод о том, что на сегодняшний день подобный временный союз хрупок и может быть разрушен. Актуальность исследования обусловлена значимостью антивоенной тематики для идентичности современной Германии, а также геополитической ролью этой страны в соотношении сил современного Запада.

Ключевые слова: Федеративная республика Германия, Европейский союз, Россия, пацифизм, Левая, АдГ, Юрген Хабермас, Алисия Шварцер, Сара Вагенкнехт

Цитирование: Погорельская С.В. (2024) Антивоенные силы ФРГ в 2022–2023 гг.: возможен ли их союз? // Общественные науки и современность. № 1. С. 106–119. DOI: 10.31857/S0869049924010082, EDN: RRGLNC

Anti-War Forces of the FRG in 2022–2023: is Their Alliance Possible?

© S. POGORELSKAYA

Svetlana V. Pogorelskaya, Universität Bonn, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, pogorels@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9208-5889, GND: 115267158

Abstract: A few years ago it was believed that the anti-war movement, which represented a real force in the era of nuclear confrontation between two military blocs, was not adequate to counter new threats – local wars and Islamic terrorism. The revival of the movement in the spring of 2022 was met with hostility by the political authorities of Germany and the mainstream media, despite its initial apparent inoffensiveness to the official course of the government in the Ukrainian crisis. However, in 2022, anti-war public initiatives began, which in February 2023 turned into a mass demonstration for peace, and also intensified the so-called “Easter marches”. These events showed that the anti-war movement has broad electoral potential and could turn into a political force or at least into an alliance of certain forces on a common anti-war platform. The analysis of modern German anti-war forces is presented and the possibilities of their situational alliance with supporters of left and right populism are investigated. The purpose of the study is to determine the domestic political relevance of such unions. It is concluded that today such a temporary union is fragile and it can be destroyed. The relevance of the study is due to the importance of anti-war themes for the identity of modern Germany, as well as the geopolitical significance of this nation in the balance of forces of the modern West.

Keywords: Federal Republic of Germany, European Union, Russia, pacifism, The Left Party, AdG, Jürgen Habermas, Alicia Schwarzer, Sarah Wagenknecht

Citation: Pogorelskaya S. (2024) Antiwar Forces of the FRG in 2022–2023: Is Their Alliance Possible? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 106–119. DOI: 10.31857/S0869049924010082, EDN: RRGLNC (In Russ.)

В декабре 2022 г. Ассоциация немецкого языка ФРГ присвоила титул «слово года» выражению «переломный момент истории» (*Zeitenwende*, смена вех), которое употребил федеральный канцлер О. Шольц в речи о начале российской СВО на Украине. «Мир после уже никогда не будет таким, как прежде», – пояснял канцлер¹. Время показало, что и сама Германия никогда уже не будет такой, какой была – внешнеполитические события последнего года ускорили изменения в политической системе страны.

Внутреннюю стабильность Западной Германии, стратегически необходимую ее союзникам по НАТО, обеспечивало социальное рыночное хозяйство, которое поддерживало функционирование «общества солидарности», а также устойчивая модель парламентской демократии. Гарантом последней был сильный гражданский центр – две «народные» (массовые) партии, СДПГ и ХДС/ХСС, находились у власти или вместе, или в коалициях с «партиями социальных ниш». Однако последние десять лет стремление системных партий к «середине общества» настолько сблизило их программные профили, что симпатии избирателя начали перемещаться к партиям флангов – к Левой и к Альтернативе для Германии (АдГ).

¹ Scholz O. Olaf Scholz: Die Rede des Bundeskanzlers im Wortlaut. 27. Februar 2022. (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-02/olaf-scholz-regierungserklaerung-ukraine-rede>).

С 2015 г. проявилась интересная электоральная тенденция к объединению правых и левых на национальной почве: средний избиратель, голосовавший за АдГ, в ряде пунктов вполне мог стать и избирателем Левой партии. Если бы в стране возникла политическая организация, которая объединила бы левую и правую повестку на основе социально-политического консенсуса, она получила бы существенную электоральную поддержку. Эту тенденцию по результатам миграционного кризиса 2015–2017 гг. отметила немецкий политический деятель С. Вагенкнехт, которая создала в 2018 г. новое социал-популистское движение «Поднимайтесь»². Движение могло стать левопопулистской партией. Однако Вагенкнехт в то время еще не рискнула порвать с Левой, а Левая не хотела ориентироваться на «правого» избирателя, так что инициатива политика через год сошла на нет.

Тем не менее электоральный запрос на подобную партию оставался, он предсказуемо возродился бы в случае кризисных ситуаций. В условиях разорения мелкого и среднего бизнеса и удара по благополучию населения в связи с санкциями, наложенными ЕС на Россию в 2022 г., ситуативный консенсус сложился вновь. На этот раз встал вопрос о том, рискует ли Германия, следуя курсом коллективного Запада на поддержку Украины и участвуя в поставках ей оружия, быть втянутой в военный конфликт с Россией. В силу исторической значимости антивоенной темы, ее важности для идентичности современной Германии в оппозицию политике властей встали и пацифисты, леволиберальные антивоенные силы. В их число вошли также немногочисленные интеллектуалы, которые одним своим участием в антивоенном протесте сняли с него клеймо принадлежности к «красно-коричневому» движению, из-за чего руководство страны могло бы игнорировать данное выступление как фланговое явление.

Актуально ли исследование антивоенных сил ФРГ сейчас, когда, способствуя эскалации поставок вооружений Украине, Германия все более втягивается в военный конфликт?

Германия – центр американской военной логистики в Европе, поэтому ее внутривнутриполитическая стабильность важна для Запада. Любые ее политические силы, которые выходят за рамки системы, нивелируются, несмотря на электоральные запросы. Длительность их подавления политическими элитами Германии зависит исключительно от силы и участия США в действиях коллективного Запада. В случае ослабления интереса американцев к событиям в Европе есть вероятность, что Германия умиротворит свои военные амбиции и может вернуться на путь улучшения отношений с Россией. Поэтому остается актуальным научное исследование тех сил в Германии, которые имеют определенное влияние на политику в стране, и чье мировоззрение не совпадает с нынешним системным провластным консенсусом.

Пацифизм и антивоенные силы в Германии до 2022 г.

Принято считать, что пацифизм в Германии преимущественно связан с левой политической ориентацией³, как политическое явление он был характерен для Зеленых вплоть до их прихода к государственной власти в первой «красно-зеленой» коалиции 1998 г. Однако это не так. Практически в каждой партии присутствовали антивоенные силы, даже в консервативной ХДС были католические и протестантские пацифисты. Антиамериканизм и критика НАТО имели место в ультраправой Национал-демократической партии Германии (НДПГ) в

² Bewegung «Aufstehen» (<https://aufstehen.de/web/>). Сара Вагенкнехт, супруга бывшего лидера левого крыла СДПГ Оскара Лафонте, возглавлявшая в то время фракцию Левой в бундестаге.

³ О пацифизме в ФРГ в контексте новых вызовов см. эссе пацифиста О. Мюллера: Müller O. Pazifismus. Eine Verteidigung. Reclam, Ditzingen 2022, 116 p.

конце 1960-х гг. Поэтому антивоенное движение в ФРГ, будучи значительно шире, нежели пацифизм как таковой, не принадлежало к конкретному политическому лагерю, было плюралистичным и носило широкий общегражданский характер. Основной посыл протеста базировался на гражданской ответственности за политику собственной страны.

Звездный час политической значимости и массового резонанса антивоенное движение Западной Германии пережило в начале 1980-х гг., во время размещения новых американских ракет в Западной Европе, прежде всего в ФРГ. Действия США были связаны с принятием «двойного решения» НАТО⁴. Этот этап отличался разными формами массового ненасильственного гражданского протеста: от петиций (например, «Крефельдский призыв»⁵) до демонстраций (профсоюзных, христианских, политических), «пасхальных маршей за мир»⁶, «сидячих забастовок», «живых цепей» и др.

Электоральный запрос на мирный характер внешней политики страны и ее неучастие в военных конфликтах отразился во внешнеполитической концепции невоенной, гражданской силы (*Zivilmacht*)⁷, в которой предусматривалось неучастие Германии в военных действиях за пределами Североатлантического альянса. Даже после окончания конфронтации западного и советского блоков Германия долгое время предпочитала поддерживать операции альянса либо внося финансовые средства, либо решая логистические задачи. Любое подключение бундесвера к военным операциям за пределами НАТО требовало вотума бундестага. Германия успешно удовлетворяла свои национальные интересы невоенными методами: экономическими, дипломатическими, а также посредством разнообразных неправительственных инициатив.

В немецких государственных кругах подчеркивалось, что выход Германии на мировую политическую арену не имеет ничего общего с возрождением ее геополитических интересов. Как бывшая страна-агрессор, отягощенная негативным историческим опытом, она несет особую ответственность за мир и демократию. Данные тезисы служили обоснованием участия бундесвера в тех военных акциях стран НАТО, которые не обеспечивали непосредственно безопасность Германии или ее союзников.

Йошка Фишер, министр иностранных дел ФРГ в период с 1998 по 2005 г., объясняя участие Германии в бомбежках Сербии в 1999 г., поставил свою партию (Зеленых) перед выбором: «Нет войне» или «Нет Освенциму»⁸. Прием был не нов, в 1980-е гг. его пытались применить консерваторы. Фишер пошел дальше и сравнил Милошевича с Гитлером. Точно такими же «моральными» и «гуманитарными» аргументами позже оправдывали участие бундесвера в военной акции в Афганистане: якобы стабилизация ситуации в этой стране необходима для безопасности Германии⁹. Этот интересный кулбит немецкой

⁴ «Двойное решение НАТО» о развертывании в Западной Европе американских ракет средней дальности принято лидерами стран альянса в 1979 г.

⁵ Krefelder Forum. Zusammenfassung Erklärung des Krefelder Forums vom 15/16. November 1980 / Bayerische Staatsbibliothek. (https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0023_kre&l=de).

⁶ Пасхальные марши (*Ostermarschen*) – форма протеста, которую ФРГ заимствовала у Великобритании в 1960-е гг., приобрела массовый характер в начале 1980-х гг.

⁷ Концепцию «штатской силы» применительно к Германии разрабатывал целый ряд политологов, наиболее известны работы Х. Мауля, представлявшие официальную внешнеполитическую стратегию ФРГ: Maul, H.-W. Deutschland als Zivilmacht // Handbuch zur Deutschen Außenpolitik. Wiesbaden, Springer, 2007. S. 73–84; Экономика и политика Германии через год после выборов // Доклады Института Европы РАН. № 360. М., 2019. С. 63.

⁸ Аналогичный прием пытались применить к антивоенному движению 1980-х гг. консерваторы, обвиняя пацифизм 1930-х гг. в том, что он, возможно, привел к созданию Освенцима. См. Müller, *ibid.*, S. 9.

⁹ Wiegold T. Peter Struck: Deutschland wird auch am Hindukusch verteidigt. (<http://augengeradeaus.net/2010/09/das-peter-struck-buch-1-deutschland-wird-auch-am-hindukusch-verteidigt/>).

политики – участвовать в военных миссиях, исходя из тезиса о «штатской силе» и надевая бундесвер миротворческой функцией, – характерен для первого десятилетия после воссоединения Германии, окончательно сошел на нет за время миссии в Афганистане.

В обществе тема военных угроз плавно уступила место проблеме засилья мигрантов и беженцев – жертв региональных войн, затем к ней добавилась тема исламского терроризма. В условиях, когда непосредственной военной угрозы для немцев не было, антивоенное движение слабело, оживляясь спорадически, например, в связи с дискуссиями об участии страны в военной миссии в Ираке в 2003 г. Масштабный выход принципиальных пацифистов из партии Зеленых состоялся в период участия Германии в бомбежках Сербии в 1999 г. С возникновением Левой партии в 2007 г. пацифисты вновь обрели политическое представительство, однако лишь на какое-то время. Левая добивалась власти на федеральном уровне, а такая возможность открывалась лишь в коалиции с СДПГ, представители которой требовали от Левой, как в свое время от Зеленых, отказаться от критики НАТО как пункта политической программы.

Таким образом, пацифизм утратил свое значение для Левых отнюдь не с началом СВО, как полагали многие критики, которые называли левых пацифистов «полезными идиотами Путина»¹⁰, а задолго до нее, при модификации Левой своей программы. Позиции правопопулистской АдГ также весьма далеки от пацифизма. Негативная оценка НАТО этой партией была геополитически, экономически и философски обоснована антиамериканизмом, который зародился в учениях К. Шмитта и М. Хайдеггера. Так, Б. Хоке, член партии «Альтернатива для Германии», еще в 2018 г. оценивал предложение К. Шмитта «запретить интервенции пространственно чуждых сил» как в высшей степени актуальное, добавляя, что «исходя из негативного опыта прошлого» следовало бы запретить также «интервенции пространственно чуждого капитала и въезд пространственно чуждого населения»¹¹.

Пацифизм и антивоенное движение Германии после начала российской СВО на Украине

«Сегодня устраивать демонстрации за мир означает, по крайней мере в массовом восприятии, быть за Россию»¹² – такое мнение было характерно для немецких СМИ с начала СВО. Толчок дискуссиям о разлагающей роли пацифизма в условиях солидаризации страны «против России» дало выступление социал-демократа В. Тирзе (бывший президент бундестага) в преддверии пасхального марша 2022 г. под лозунгом «Мир без оружия». Тирзе назвал «циничным» «пацифизм за счет других»¹³. Рассмотрим основные направления антивоенной мысли и антивоенных действий в 2022 – начале 2023 г.

Первые реакции – интеллектуалы, общественность

После начала СВО на Украине сторонники сотрудничества с Россией практически исчезли с внутригерманского информационного поля. Однако в эмоционально окрашен-

¹⁰ Gassert Ph. Pazifismus: Wo ist die Lobby der Pazifisten hin? (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-05/pazifismus-friedensbewegung-ukraine-deutschland-geschichte/komplettansicht>). (accessed 28.04.2023).

¹¹ Höcke, B. Nie zweimal in denselben Fluss. (https://www.allianz-gegen-rechtsextremismus.de/fileadmin/user_upload/Publikationen/H%C3%B6cke_Bj%C3%B6rn_Nie_zweimal_in_denselben_Fluss_Zitate-1.pdf).

¹² Gassert, ibid.

¹³ Thierse W. Wolfgang Thierse: «Pazifismus auf Kosten anderer ist zynisch» (<https://www.evangelisch.de/inhalte/199972/16-04-2022/wolfgang-thierse-pazifismus-auf-kosten-anderer-ist-zynisch>).

ный поток информации, который милитаризировал публичную сферу, вмешалось поколение «критических интеллектуалов», т. н. «критическая общественность»¹⁴. Ее возрастная группа простиралась от «поколения 68-го года» до людей, выросших в 1980-е гг. в тени перманентной угрозы ядерной войны. Симпатизирующих России среди них практически не было – их беспокоила судьба своей страны, сохранность ее политической культуры. В конце апреля 2022 г. в журнале «Эмма» Алисы Шварцер (ее называют иконой западно-германского феминизма) вышло «Открытое письмо» федеральному канцлеру, подписанное 28 интеллектуалами и деятелями искусств, с призывом помнить об ответственности немецкой нации за события Второй мировой войны в Европе, сохранять сдержанность и приложить усилия к деэскалации украинского конфликта¹⁵. Таким образом, «критическая общественность» спасла культуру западногерманского общественного дискурса, инициировав широкое обсуждение судьбоносной для Германии темы. Открытое письмо быстро получило сотни новых подписей, подписанты придерживались как левой, так и правой идеологий.

Критика, которую СМИ обрушили на подписантов, не успела затихнуть, как в свет вышло эссе известного философа и социолога Ю. Хабермаса «Дилемма Запада. Война и возмущение»¹⁶. По его мнению, культура внешнеполитической сдержанности, которая сформировалась в обоих немецких государствах под влиянием исторических обстоятельств, наиболее приемлема и для современной Германии. Хабермас указал на отсутствие содержательных внутривнутриполитических дебатов по такой важной теме, как смена вех (Zeitenwende). СМИ утратили контролирующую функцию, утверждал он. На общество вместо информации обрушились профессиональные медийные инсценировки, которые определяют характер публичной сферы, но представляют собой «пронзительно крикливую битву мнений, разжигаемую в СМИ»¹⁷. Существует порог риска, который исключает безудержное участие Запада в перевооружении Украины – это ядерная война в Европе. Дилемма Запада, зависшего между двумя бедами – поражением Украины и переходом ограниченного регионального конфликта в третью мировую войну, очевидна. Запад, не перешагивая «красную линию», должен в то же время своей поддержкой Украины показывать, что границы в современной Европе не могут быть изменены военными средствами. В давлении на канцлера и в его лице на культуру германской сдержанности¹⁸ со стороны «возбужденных моральных обвинителей»¹⁹ Хабермас увидел отказ от «достаточно тяжело завоеванного послевоенного менталитета немцев», т. е. смену идентичности. Упоминает он и возрастные различия: молодые политики и интеллектуалы «могут представить себе войну в категориях победы или поражения, другие же, старые, знают, что войны против

¹⁴ В Западной Германии к концу 1960-х гг. сформировался сильный и, в силу характера своей занятости, в определяющей мере причастный к формированию публичной сферы социальный слой, вдохновленный «критической теорией», которую развивали мыслители Франкфуртской философской школы. Он вошел в историю как «критическая общественность» (Kritische Öffentlichkeit), т. е. считавшие себя не только носителями прогресса, но и олицетворением совести общества, интеллектуалы (университетские круги, учителя, деятели науки и культуры, творческие работники, публицисты и издатели).

¹⁵ Offener Brief an Kanzler Olaf Scholz // Emma, URL: <https://www.emma.de/artikel/offener-brief-bundeskanzler-scholz-339463> (accessed 28.04.2023).

¹⁶ Habermas J. Das Dilemma des Westens. Krieg und Empörung, – Süddeutsche Zeitung, 29.04.2022, Ausgabe Deutschland, S. 12. <https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/das-dilemma-des-westens-juergen-habermas-zum-krieg-in-der-ukraine-e068321/?reduced=true>.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Когда философ писал эссе, Шольц еще не решил на поставки оружия.

¹⁹ Ibid.

ядерной державы не могут быть «выиграны» в традиционном смысле»²⁰. Молодежь сформировалась по окончании конфронтации между Западом и СССР, люди в возрасте находились на передовой холодной войны, в Западной Германии, которая интерпретировала свой ограниченный суверенитет как прогрессивную «постнациональность». «Национальный и, с другой стороны, более постнациональный менталитеты населения формируют фон для различного отношения к войне в целом», – констатирует философ.

Особое возмущение критиков вызвала его оценка информационно-манипулятивного воздействия СМИ на население при разъяснении вопросов исторической памяти. Тот факт, что для окружающей Германию Европы немец, освобождающийся от памяти о преступлениях Третьего рейха, символизирует возвращение исторического кошмара, критики, скорее всего, даже не осознавали – их статьи были предназначены для внутренней аудитории. Неприятие вызвала и оценка Хабермасом Зеленского (поведение которого он назвал «умелой инсценировкой» и «моральным шантажом»), а также рассуждения о конфликте поколений (активно возражал политик от Зеленых В. Кречманн²¹). Тем не менее критика постепенно переросла в дискурс²².

Неприятие точки зрения Хабермаса объясняется тем, что благодаря своей дискуссионной направленности его позиция выдержала информационный прессинг. С вовлечением Германии в поставки оружия Украине для страны возникла опасность не просто стать участницей военных действий в Европе, но и их жертвой. Из моральной плоскости, как в югославском случае («удобно ли нам, немцам, усмирять сербов, бывших жертв гитлеризма»), вопрос переместился в иную плоскость: выживут ли сами немцы («не придется ли нам самим воевать»)? Заставить электорат смириться с такой перспективой можно лишь путем усиления эмоционально окрашенного информационного давления.

Работу философа, который призвал к рефлексии и дискурсу, не оценили должным образом. Тем не менее она заняла свое место в истории современной немецкой публицистики, равно как и новое, опубликованное к годовщине СВО, эссе «Мольба в пользу переговоров»²³. Озабоченность Хабермаса связана с германской идентичностью и достижением мира, которое, по его мнению, возможно лишь в рамках коммуникативного процесса всех затронутых событиями сторон, в том числе участника конфликта – Запада. Характеризуя ситуацию, философ указывает на наращивание поставок оружия. Даже в СДПГ, не говоря уже о Зеленых, считалось, что «красных линий более не существует», практически вся системная политика и системные СМИ (за исключением, как подчеркивает Хабермас, Шольца и его окружения) руководствовались лозунгом латвийского министра иностранных дел: «Мы не должны бояться победить Россию». По мнению философа, «победа» как таковая, что именно под ней бы ни понимали, превращается в самоцель, а перевооружение Украины приобретает собственную динамику, когда «игнорируются сомнения и размышления половины населения»²⁴. Неизбежная эскалация в итоге все равно заведет Запад в тупиковую ситуацию – он либо продолжит посылать оружие, дожидаясь, пока Украина решит, что победила, либо, в случае ее проигрыша, ему придется самому

²⁰ Ibid.

²¹ Kretschmann W. Das Schweigen kann ich mir nicht verzeihen // Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung. 08.05.2022, Nr. 18, S. 2.

²² Подробнее о реакции на первое эссе Хабермаса в немецком strategic community см.: Погорельская С.В. Обсуждение эссе Хабермаса «Дилема Запада. Война и возмущение» в Германии // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 3: Философия. М.: ИНИОН РАН, 2022. № 4. С. 157–165.

²³ Habermas J. Ein Plädoyer für Verhandlungen // Süddeutsche Zeitung. München, 2023. 19. Februar.

²⁴ Ibid.

вмешаться в конфликт, либо же, во избежание третьей мировой, надо будет отступить, оставив Украину на произвол судьбы. Ответственность Запада, по Хабермасу, состоит в том, чтобы выступить с собственными инициативами на переговорах, поскольку де-факто он уже превратил себя в участника военного процесса: Украина держится только благодаря его поддержке. Тезис «Украина не может проиграть» не следует понимать как «может победить». Поскольку конфликт затрагивает интересы многих сил, компромисс, даже при полностью противоположных требованиях двух воюющих сторон друг к другу, в многостороннем переговорном процессе вполне может быть достигнут, причем такой, при котором непосредственным противникам не придется терять лицо, завершает Хабермас.

В антивоенном интеллектуальном дискурсе отметились и другие публицисты и ученые, например профессор О. Мюллер, который выдвинул идею «прагматичного пацифизма»²⁵. По его мнению, Германия сохранила критическую массу интеллектуалов, которые продолжают задавать вопросы, представлять альтернативные точки зрения, просчитывать разные варианты, оценивать издержки и амбивалентность политики и не боятся противопоставить себя мейнстриму, в соответствии с которым морализаторство не просто вытесняет, но и шельмует здравый смысл. Они инициируют общественный дискурс, который если и не влияет на государственную политику, то демонстрирует наличие альтернативных вариантов.

Пасхальные марши

Различия в Германии в отношении к происходящему на Украине привели к расколу хоть и затихшего в последние десятилетия, но не угасшего гражданского антивоенного движения, основной формой которого были пасхальные марши за мир. С началом спецоперации это движение активизировалось, критиковать, помимо России, стали и США, и НАТО, причем даже в большей степени, поскольку втянутой в конфликт Германия оказалась благодаря им.

Антивоенные пасхальные марши, прошедшие в 2022–2023 гг. при большом количестве участников, были как всегда неоднородны по составу. Например, Гамбургский пасхальный марш в 2023 г. впервые прошел без традиционных его участников – Немецкой федерации профсоюзов и Левой партии. Причина – разногласия с организатором марша – Гамбургским форумом, который служит платформой для поддержки немецкого антивоенного движения и с 1980-х гг. объединяет местные антивоенные и пацифистские инициативы. Левая партия разделяет призыв «За мир в Европе! Предотвратить третью мировую войну!» и убеждена, что Германия должна способствовать мирным переговорам и не поставлять Украине оружие. В то же время ее представители разошлись с организаторами во мнениях о том, кто виноват в конфликте. В то время как форум первопричиной конфликта считал амбиции США и действия по расширению НАТО, Левая требовала упомянуть в числе виновников «российский империализм»²⁶. Кроме того, ни ее представители, ни профсоюзы не желали маршировать за мир вместе с правыми силами, от которых, по их мнению, форум недостаточно четко дистанцировался²⁷. В 2022 г. организаторы марша выступали против санкций ЕС по отношению к России, считая, что данные ограничения ударят по бедным слоям населения. Они утверждали, что Украина несет свою часть вины за обо-

²⁵ Müller O. Pazifismus. Eine Verteidigung. Reclam, Ditzingen 2022, 116 p.

²⁶ Friedensdemo 2023: Krieg stiftet Unfrieden. (<https://taz.de/Friedensdemo-2023/!5923173/>). (accessed 28.04.2023).

²⁷ Ibid.

стрение ситуации, так как именно она саботировала Минские соглашения (подписаны в 2014 г.). В 2023 г. после признаний западных лидеров, что они и не планировали соблюдать договоренности, этот пункт с повестки форума был снят.

Гражданское антивоенное движение в ФРГ остается пусть не массовым, но, как и в 1980-е гг., активным, на него не оказывает влияние политическая конъюнктура. В 2023 г. в период с 6 по 10 апреля пасхальные марши и другие подобные мероприятия антивоенного движения прошли во многих городах во всех федеральных землях под различными призывами²⁸. В Берлине, например, участники шли под лозунгом «Добиться мира – но не войной!», в городах региона Рейн-Рур они использовали тезис «Перемирие – вместо поставок оружия!». Однако практически везде участники объявляли, что правительству Германии следует вернуться к «культуре мира» и предпринять усилия для поиска путей к мирным переговорам. На координационном сайте движения была размещена ссылка на письмо к федеральному канцлеру с этим требованием. В целом, в 2023 г. состоялось более 120 маршей, со «многими десятками тысяч участников»²⁹. Успех подобных мероприятий 2023 г. положительно оценили не только их организаторы, но и масс-медиа. Изменение тона СМИ по отношению к антивоенному и пацифистскому движению связано с его массовостью, игнорировать которую провластные силы уже не могут. В то же время многие традиционные участники, например Левая или Зеленые, в отдельных городах не пошли на марши в силу несогласия с их лозунгами, направленными против НАТО, а организовали собственные антивоенные манифестации.

Антивоенный консенсус в первой половине 2023 г.

В мае 2022 г., в СМИ началась травля левых интеллектуалов, подписавших «Письмо Эммы». Эксперты предупреждали, что по мере повышения риска непосредственного вовлечения Германии в украинский военный конфликт, лагуну, возникшую с уходом пацифизма с политической сцены, заполняют уже не разобщенные интеллектуалы, а «радикальные политические силы»³⁰. Под «радикальными» системные идеологи все еще подразумевают Левую, несмотря на ее склонность к «политическому центру», и правопопулистскую АдГ, выступающую против американской гегемонии в Европе. Ситуативный консенсус наметился уже в ходе обсуждения «Письма Эммы», пасхальных маршей 2022 г. и приуроченных к ним публикаций и выступлений, он формировался на протяжении 2022 г. и приобрел четкие контуры к началу 2023 г.

С. Вагенкнехт осенью 2022 г. заявила, что не будет более выставлять свою кандидатуру от Левой, но сохранила депутатский мандат в бундестаге, а в феврале 2023 г. неожиданно выступила в тандеме с А. Шварцер. В опубликованной ими совместной петиции в адрес федерального канцлера³¹ утверждалось, что единственная приемлемая немецкая солидарность с Украиной – помощь в достижении перемирия и начала переговоров. Широкий резонанс документа (в короткий срок петиция набрала без малого 800 тыс. голосов), а также тот факт, что его подписали многие авторитетные политики общегерманского и

²⁸ Netzwerk Friedenskooperative. Aufrufe der Veranstalter*innen Ostermarsch 2023. (<https://www.friedenskooperative.de/ostermarsch-2023/aufrufe>). (accessed 28.04.2023).

²⁹ По данным Сети мирных инициатив, координирующей мероприятия в федеральном масштабе. См.: Friedensbewegung zieht positive Ostermarsch-Bilanz. (<https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/ostermaersch-friedensbewegung-bilanz-2023-101.html>).

³⁰ «Бред Путина об агрессивном НАТО находит в Германии значительно больше поддержки, чем широкий консенсус в бундестаге», – эта фраза либерального эксперта подтверждает, что в данном вопросе консенсус представленных в бундестаге партий не отражает настроений значительной части электората. Gassert, idid.

³¹ Manifest für Frieden. (<https://www.change.org/p/manifest-f%C3%BCr-frieden>).

даже европейского уровня (например, Г. Ферхойген, бывший вице-президент Европейской комиссии, бизнесмены, деятели науки и культуры), показали, что взятый правительством курс безоговорочной поддержки не имеет.

25 февраля 2023 г. у Бранденбургских ворот по призыву Вагенкнехт и Шварцер состоялся митинг под лозунгом «Поднимайтесь за мир!». Организаторы говорили о 50 тыс. участниках, полиция – о 13 тыс., в любом случае речь шла о массовом мероприятии. Шварцер призвала к возрождению общегражданского движения за мир, каким оно было в 1980-х гг., Вагенкнехт критиковала вовлеченность немецкого правительства в войну³². В СМИ указывали, что манифест подписали и политики из АдГ. Некоторые присоединившиеся к «Манифесту» политики из этой партии были озабочены «немецкими интересами», они в разной мере придерживались правопопулистского антиамериканизма. В данном случае частично их интересы совпали с требованиями левых.

Сегодня эксперты подтверждают то, что становилось очевидным еще в 2015 г.: на базисе внутривнутриполитической повестки консенсус политических флангов достигается лишь в минимальной степени³³. Значит, усиливается потребность в правительстве, которое способно сплотить разные силы в стране исходя из ее национальных интересов, а не благодаря формированию образа внешнего врага. Ситуативная право-левая смычка между разными политическими движениями в начале 2023 г. свидетельствует, что запрос на подобное политическое представительство – это выражение имманентно присущего немецкой ментальности стремления к особому, справедливому государственному порядку. Подспудно такой запрос постоянно присутствует в обществе и проявляется в различных формах (рейнский капитализм, социальное рыночное хозяйство, общество социальной солидарности), а в случае отсутствия такой возможности он отражается в политической повестке страны.

Политические партии и антивоенные инициативы

В вопросе о том, следует ли Германии идти в кильватере курса коллективного Запада или же, в традициях своей внешнеполитической культуры, выступить за примирение и переговоры между Россией и Украиной, произошел раскол не между партиями, а внутри них. Особенно нелегко пришлось Левой, которая в свое время, стремясь к коалиции с СДПГ и Зелеными, готова была отказаться даже от основного программного пункта – требования распустить НАТО³⁴. Не все в партии положительно отнеслись к этому намерению. Попытка Левой поддержать мейнстрим, приобрести имидж «партии центра» вместо желаемого укрепления ударила по ее электорату на коммунальных выборах и внесла внутренний разлад. Таким образом, Левая в 2023 г. приблизилась к расколу, который мог стать ее политическим концом. С. Вагенкнехт имеет много сторонников. От создания собственной партии ее, вероятно, долгое время удерживало нежелание окончательно похоронить

³² Sundermeyer O. Die Querfront steht. (<https://www.rbb24.de/politik/beitrag/2023/02/demonstration-wagenknecht-schwarzer-berlin-analyse-.html>).

³³ «Сапа Вагенкнехт объединяет людей в радикальный лево-правый альянс, в серьезных темах идущий против течения». Sundermeyer, *ibid*.

³⁴ Например, в воззвании к пасхальному маршу в Потсдаме, который Левая проводила отдельно от общего марша в этом городе, нет ни одного критического слова по поводу ответственности НАТО, США за эскалацию конфликта, но зато есть призывы к освобождению «аннексированных Россией территорий Украины». Ostermarsch in Potsdam. (<https://www.friedenskooperative.de/ostermarsch-2023/aufrufe/potsdam-die-linke>). Левая уклоняется от четкого ответа на вопрос, выступает ли она все еще за роспуск НАТО. См.: Angriff auf die Ukraine: Stoppt den Krieg! (<https://www.die-linke.de/themen/frieden/ukraine-krieg/>).

Левую, в создании которой участвовал ее супруг О. Лафонтен. Однако в январе 2024 г. она все же объявила о создании «Союза Сары Вагенкнехт»³⁵.

Не исключено, что реверансы официальнойевой в адрес СДПГ и Зеленых окажутся напрасны – вероятный союз между ними не только может не выйти на федеральный уровень, но и рискует распасться на местах.

Отсутствует единство и в правящей СДПГ. В 2022 г. партия в основном поддерживала политику канцлера (лишь на левом ее фланге от политиков так называемого второго ряда летом звучали призывы к председателю правительства позаботиться о перемирии, которое послужит началу переговоров³⁶). Весной 2023 г., в преддверии пасхальных маршей, внутри партии родилась масштабная петиция «Мир для Украины». Ее авторы, маститые (в прошлом) политики СДПГ и влиятельные профсоюзные деятели, не желая, видимо, поддерживать Манифест Вагенкнехт / Щварцер, назвали петицию «Призывом из середины общества»³⁷ и опубликовали в форме открытого письма в центральных СМИ. Письмо подписали ведущие политические и профсоюзные деятели, в том числе бывшие государственные чиновники высокого ранга, а также профессора, преподаватели, публицисты и другие активисты, которые не хотели подписывать Манифест, но осознавали растущий общественный запрос на прекращение эскалации украинского конфликта³⁸. Авторы петиции призывают Шольца совместно с Макроном обратиться к странам, которые могли бы стать посредниками в новых мирных переговорах. П. Брандт, сын В. Брандта, историк, правый социал-демократ и один из инициаторов петиции, пояснял, что подписанты не призывают Украину прекратить сопротивление и не выступают за немедленное прекращение поставок оружия³⁹.

Как и прочие общественные прошения и открытые письма, «воззвание из середины общества» не подвигло канцлера на какие-либо ответные шаги хотя бы потому, что франко-германский тандем ныне не обладает достаточными компетентностью и самостоятельностью, чтобы инициировать мирный процесс в Европе. Европейская ось Париж – Берлин без взаимодействия с Россией утратила континентальное измерение.

В ХДС публичных разногласий не было и нет. Совместно со своим лидером, убежденным трансатлантистом западногерманской закалки Ф. Мерцем, партия выступает с лозунгом «Украина борется и за нашу свободу» и считает поставки оружия лучшим средством для достижения мира⁴⁰. Однако этот факт не означает, что партия в этом вопросе едина, особенно когда речь идет об электоральных запросах на местах. Функционеры ХДС на востоке страны, в бывшей ГДР, в силу своего социального состава и протестантизма нередко рассуждают иначе, нежели центральное руководство или же организации в западных, преимущественно католических федеральных землях⁴¹. Еще в мае 2022 г.

³⁵ Bündnis Saha Wagenknecht (BSW)

³⁶ SPD. Zweifel an Ukraine-Politik. SPD-Linke für Waffenstillstand. (<https://www.sueddeutsche.de/politik/zweifel-an-ukraine-politik-spd-linke-fuer-waffenstillstand-1.5646063>).

³⁷ Braun R. Frieden für die Ukraine: Ein Friedensappell aus der Mitte der Gesellschaft. (<https://www.berliner-zeitung.de/politik-gesellschaft/frieden-fuer-die-ukraine-ein-friedensappell-aus-der-mitte-der-gesellschaft-li.332707>).

³⁸ Например, В. Тирзе, бывший президент бундестага, в 2022 г. критиковал антивоенные силы в Германии как «полезных идиотов Путина», но эту петицию подписал, равно как и бывший комиссар ЕС Г. Ферхойген.

³⁹ Deutschlandfunk: Peter Brandt initiiert Friedensappell – prominente SPD-Mitglieder unterschreiben. (<https://www.deutschlandfunk.de/peter-brandt-initiiert-friedensappell-prominente-spd-mitglieder-unterschreiben-100.html>).

⁴⁰ CDU/CSU-Fraktion. Die Ukraine kämpft auch für unsere Freiheit. (<https://www.cducsu.de/themen/die-ukraine-kaempft-auch-fuer-unsere-freiheit>).

⁴¹ Католические пацифисты внутри ХДС с началом СВО обосновали свою поддержку поставкам оружия. См. Pütman A. «Zur christlichen Ethik gehört die Eindämmung des Bösen». (<https://www.pro-medienmagazin.de/zur>

глава земельного правительства Саксонии М. Кречмер выразил сомнения в целесообразности поставок тяжелых видов вооружения Украине, такие сомнения высказывали также в земельных организациях Тюрингии и Саксонии-Анхальт, причем их представители ссылались на настроения избирателей⁴².

Свободная демократическая партия Германии на последнем партийном съезде вновь избрала своим лидером К. Линднера, убежденного в том, что благодаря поставкам оружия Украина может выиграть войну⁴³. Впрочем, на предстоящих федеральных выборах партия, судя по динамике земельных выборов, не наберет нужных 5% голосов.

Зеленые, находясь у власти, переживают очередной кризис идентичности. На прошедшем в конце 2022 г. партийном съезде им пришлось пояснять своим членам, почему они, участвуя в работе правительства, поставляют оружие авторитарным режимам, в частности Саудовской Аравии. Тот факт, что съезд поддержал поставки оружия Украине, не отменяет протестов, высказанных делегатами с мест⁴⁴.

Влиятельные политики АдГ не поддерживают поставки Германией оружия и ее участие в санкционном плане Запада, так как считают, что эти действия противоречат немецким интересам, а США – сила, «пространственно чуждая Европе». Данная позиция закреплена в партийных документах. Следует заметить, что внутри АдГ отсутствует единство относительно того, следует ли ей поддерживать оппозиционно настроенные политические силы, которые выступают за прекращение военной эскалации и санкционного давления на Россию. В позиционном документе, представленном фракцией АдГ в бундестаге в конце марта 2023 г., данные установки уточняются: партия формирует свое мнение исходя исключительно из немецких интересов, она не страдает антиамериканизмом, но критикует курс США и НАТО по конкретным поводам, лишь там, где он наносит ущерб Германии. АдГ поддерживает укрепление бундесвера: «Требую дипломатии вместо поставок оружия, мы не вступаем в союз с левыми пацифистами»⁴⁵, – заявляют партийные функционеры.

* * *

Коалиция социал-демократов, Зеленых и либералов окончательно предала забвению послевоенную «культуру мира», сначала принесенную в ФРГ победителями в рамках ее демократизации и демилитаризации после Второй мировой войны, а потом и присвоенную и целенаправленно развитую Западной Германией как особое ее достижение, как маркер ее внешнеполитической неповторимости и даже как образец для подражания. Вынужденное и постепенное прощание с «культурой мира», которое стало происходить в 1990-е гг. под давлением западных союзников и завершилось в последние два года на фоне активного участия Германии в действиях коллективного Запада против России, включая поставки немецкого оружия украинской стороне, практически завершено. Трансатлантическая часть бывшей антигитлеровской коалиции утверждает свое доминирование в

christlichen-ethik-gehoert-die-eindaemmung-des-boesen/).

⁴² Spiropoulos S. Waffenlieferungen: Viele CDU-Mitglieder anderer Meinung als Kretschmer. (<https://www.mdr.de/nachrichten/deutschland/politik/waffenlieferung-kretschmer-cdu-sachsen-100.html#zwei>).

⁴³ Reuters. Lindner – Ukraine kann den Krieg gegen Russland gewinnen. (<https://fundszenen.com/lindner-ukraine-kann-den-krieg-gegen-russland-gewinnen>).

⁴⁴ Bundesparteitag der Grünen: Grüne Delegierte fordern mehr Waffen für die Ukraine. (<https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-10/gruenen-parteitag-waffen-ukraine-krieg-russland>).

⁴⁵ Beer M. AfD will Ukraine-Politik neu verpacken. (<https://www.berliner-zeitung.de/politik-gesellschaft/krieg-afd-will-ukraine-politik-neu-verpacken-keine-plumpen-antiamerikanischen-reflexe-ein-positionspapier-soll-es-richten-kritik-an-parteichef-tino-chrupalla-li.333210>).

Европе. Ее представители уверены, что, освобождая нынешнюю Германию, по своим геополитическим форматам уже не западную, а центрально-европейскую силу от последних внешнеполитических ограничений и табу в российском векторе ее политики, они смогут удержать ее в нужных рамках по отношению к силам коллективного Запада.

На вопрос о том, сможет ли из необычного ситуативного политического, общественного и интеллектуального альянса, который сложился в Германии в 2022–2023 гг. в ходе противостояния со взятым системными партиями курсом, вырасти некая новая не просто оппозиционная, но и политически релевантная сила, скорее всего, следует ответить отрицательно. В стране, которая находится под влиянием мощной внешней силы, амплитуда внутривнутриполитических колебаний не должна превышать пределы, которые гарантируют этой силе стабильность. Благодаря своей военной мощи американцы прочно утвердились в центре Европы, в Германии, уйти оттуда могут лишь они сами – в случае маловероятной смены идентитарной парадигмы. Уничтожить то, что сформировалось за семьдесят с лишним лет, может лишь масштабный военный конфликт в Европе. Как внутривнутриполитическая ситуация в Германии, так и мера ее внешнеполитической самостоятельности напрямую зависят от колебаний внутри- и внешнеполитической парадигмы, которой следуют США.

Не исключено, что в силу формального сходства ряда позиций на флангах левых и правых сил, прежде всего в том, что касается приоритета немецких интересов, в Германии возникнет еще одна популистская сила. Не хотелось бы называть ее «красно-коричневой», поскольку АдГ в палитре политических расцветок обозначается синим цветом национал-консерватизма. В тяжелых для страны ситуациях усиливается электоральный запрос на силы сугубо национальной ориентации. Данный запрос удовлетворили бы левые, которые могли бы объединиться на почве идеи социальной справедливости, отказаться от интернационализма, а также правые, если бы они отсекали народничество. Однако развитие событий свидетельствует, скорее, о стремлении АдГ сблизиться с ХДС. Возможности таких коалиций уже были, но не состоялись в силу бойкота АдГ со стороны христианских демократов.

Леволлиберальные интеллектуалы, философы, публицисты в своих антивоенных выступлениях действуют ситуативно, остаются случайными попутчиками борцов за немецкие интересы и могут покинуть хрупкий альянс в том случае, если политика Германии вновь приобретет узнаваемые и приемлемые для них контуры «мирной силы». Проблема лишь в том, что в меняющемся мире Германия вряд ли сможет вернуться к своей прежней роли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Германия. 2022. Ч. 1. [В.Б. Белов и др.]. Доклады Института Европы РАН. № 400. М., 2023.
Germany. 2022. Part 1. [V.B. Belov et al.]. Reports of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, No. 400. M., 2023.
- Германия. 2021. [В.Б. Белов и др.]. Доклады Института Европы РАН. № 393. М., 2022.
Germany. 2021. [V.B. Belov et al.]. Reports of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, No. 393. Moscow, 2022.
- Погорельская С.В. Обсуждение эссе Хабермаса «Дилемма Запада. Война и возмущение» в Германии // Социальные и гуманитарные науки, Сер. 3: «Философия». М., ИНИОН РАН, 2022. № 4. С. 157–165.
- Pogorelskaja S.W. Discussion of Habermas's essay «The Dilemma of the West. War and indignation» in Germany // *Social and humanitarian Sciences, Series 3: «Philosophy»*. М., INION RAS, 2022. No. 4. Pp. 157–165.

Погорельская С.В. Прощание с Европой. Юрген Хабермас и украинский кризис // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2022. № 4. С. 168–181.

Pogorelskaya S.V. Farewell to Europe. Jurgen Habermas and the Ukrainian crisis // Man: Image and essence. Humanitarian aspects. M., INION RAS, 2022. No. 4. Pp. 168–181.

Тимошенкова Е.П. Вызовы для партийно-политической системы: будущее народных партий. Германия. 2019. [В.Б. Белов и др.; отв. ред. В.Б. Белов]. М.: Ин-т Европы РАН, 2020. С. 27–41.

Timoshenkova E.P. Challenges for the Party-political system: the future of People's Parties. Germany. 2019. [V.B. Belov et al.; ed. by V.B. Belov]. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2020. Pp. 27–41.

Экономика и политика Германии через год после выборов. Доклады Института Европы № 360. М., 2019.

The economy and politics of Germany a year after the elections. Reports of the Institute of Europe. No. 360. Moscow, 2019.

Habermas J. Das Dilemma des Westens. Krieg und Empörung. Süddeutsche Zeitung. München, 2022. 24 April. Ausgabe Deutschland, S. 12. <https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/das-dilemma-des-westens-juergen-habermas-zum-krieg-in-der-ukraine-e068321/?reduced=true> (accessed 28.04.2023).

Habermas J. Ein Plädoyer für Verhandlungen. Süddeutsche Zeitung. München, 2023. 19 Februar. <https://www.sueddeutsche.de/projekte/artikel/kultur/juergen-habermas-ukraine-sz-verhandlungen-e159105/?reduced=true> (accessed 28.04.2023).

Maul H.-W. Deutschland als Zivilmacht. Handbuch zur Deutschen Außenpolitik. Wiesbaden, Springer. 2007. Pp. 73–84.

Müller O. Pazifismus. Eine Verteidigung. Reclam, Ditzingen 2022. 116 p.

Информация об авторе

Погорельская Светлана Вадимовна, кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник Отдела философии ИНИОН РАН. Адрес: 117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21. E-mail: pogorels@mail.ru

About the author

Svetlana V. Pogorelskaya, Candidate of Political Sciences, Doctor of Philosophy, University of Bonn, Senior Research Fellow, Department of Philosophy, INION RAS. Address: 51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russia, 117418. E-mail: pogorels@mail.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 30.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 20.01.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024

Трибуна молодого ученого THE ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Шиитские вооруженные формирования как средство укрепления влияния Ирана в Ираке

© Г.Л. КРЫЛОВ

Крылов Герман Леонидович, Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, РФ), german_krylov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5838-6298

Рассмотрены характерные особенности проиранских шиитских вооруженных формирований, которые выступают как влиятельные негосударственные акторы (НГА) в основных сферах деятельности иракского государства. Используются методологические наработки, полученные в результате исследований проблемы НГА. В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов отмечают существование устойчивой академической традиции государство-центричного подхода к проблеме их типологизации. Данный подход основан на том факте, что НГА определяют и выстраивают свои действия, ориентируясь в той или иной степени на государство¹. Подобные формирования имеют политическое крыло и бюрократический аппарат для участия в жизни государства не только в качестве альтернативных армии и полиции силовых структур. Они также играют роль парламентских сил и экономических субъектов, активных в том числе и в теневом секторе экономики. Созданные в свое время при значимом участии иранских спецслужб, шиитские военизированные группировки стали эффективным инструментом влияния Ирана в стране. Исследование показало усиление их воздействия на правительство Ирака. Влияние Ирана проявляется в переходе от противостояния проамериканскому премьер-министру М. аль-Казыми (2020–2022 гг.) к своеобразной «симфонии» – гармонии и сотрудничеству при сменившем его премьер-министре проиранской ориентации М. ас-Судани. Данный фактор отражается не только на внутривосточной ситуации, но и на региональном балансе сил на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Ирак, Иран, США, шииты, политика, ополчение

Цитирование: Крылов Г.Л. (2024) Шиитские вооруженные формирования как средство укрепления влияния Ирана в Ираке // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 120–131. DOI: 10.31857/S0869049924010097, EDN: RPECEV

¹ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. (2020) К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 105.

Shia Paramilitary Groups as an Instrument of Iranian Influence in Iraq

© G. KRYLOV

German L. Krylov, Center of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: german_krylov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5838-6298

Abstract. Characteristic features of the pro-Iranian Shiite armed groups, which act as influential non-state actors (NGA) in the main spheres of activity of the Iraqi state, are studied. Methodological developments obtained as a result of research on the NGA problem are used. V.V. Naumkin and V.A. Kuznetsov note the existence of a stable academic tradition of a state-centered approach to the problem of their typologization. This approach is based on the fact that an NGA defines and builds its actions, focusing to one degree or another on the state. Such formations have a political wing and a bureaucratic apparatus for participating in the life of the state not only as alternative to the army and police law enforcement agencies. They also play the role of parliamentary forces and economic actors, including those active in the shadow sector of the economy. Created at one time with the active participation of the Iranian special services, Shiite paramilitary groups have become an effective instrument of Iran's influence in the country. The strengthening of their influence on the government of Iraq is noted. It is manifested in the transition from opposition to the pro-American Prime Minister M. al-Kazimi (2020–2022) to a kind of «symphony» of harmony and cooperation under his pro-Iranian successor M. al-Sudani. This factor affects not only the domestic political situation, but also the regional balance of power in the Middle East.

Keywords: Iraq, Iran, USA, Shia, policy, mobilization forces

Citation: Krylov G. (2024) Shia Paramilitary Groups as an Instrument of Iranian Influence in Iraq. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 120–131. DOI: 10.31857/S0869049924010097, EDN: RPECEV (In Russ.)

Обладая силовым и административным ресурсом, шиитские вооруженные формирования распространили свое влияние не только на политику, но и на экономику Ирака, в том числе на ее теневой сектор, а в 2022 г. они провели своего человека на пост премьер-министра. Созданные при активном участии иранских спецслужб, данные группировки представляют собой эффективный инструмент влияния Ирана на внутреннюю ситуацию в Ираке.

Изучение негосударственных вооруженных формирований и их роли в определении политического контекста страны представляет собой важное направление исследований, посвященных социально-политическим процессам в современном Ираке. Отметим работы Р.Ш. Мамедова [Мамедов 2023] и И.Х. Миняжетдинова [Миняжетдинов 2015]. Ранее к этой теме в приложении конкретно к шиитским группировкам обращался и автор настоящей статьи [Крылов 2021, Крылов 2022]. Из англоязычных исследователей большое внимание данной проблеме уделял израильский ученый А. Барам [Baram 2011]. Одной из первых монографических работ по этим вопросам стала книга американского исследователя арабского происхождения А. Хашима [Hashim 2006].

В настоящей статье рассмотрены значимые события политической жизни Ирака последних лет через призму борьбы проиранских сил и их оппонентов. Выявляются ее основные участники и используемые ими в противостоянии средства, причины роста влияния шиитских группировок, факторы их становления в качестве политических сил, действующих в рамках конституционных механизмов, а также субъектов экономики, в том числе теневой.

Спецслужбы Ирана принимали активное участие в формировании вооруженных шиитских группировок для действий на территории Ирака еще при баасистском режиме, однако особую интенсивность эта деятельность приобрела после свержения правительства С. Хусейна в результате американо-британского вторжения в 2003 г. Иранские представители сыграли большую роль и в легализации вооруженных шиитских группировок в качестве отрядов шиитского «народного ополчения» («аль-хашд аш-шааби»). Знаменитая фетва лидера шиитов Ирака аятоллы Али ас-Систани была вынесена в ответ на захват игилловцами крупнейшего на севере Ирака города Мосул в июне 2014 г. Тогда от имени ас-Систани выступил его представитель Абдульмахди аль-Кербелай, который призвал единоверцев «встать на защиту Ирака, его народа и святынь, и добровольно присоединиться к силам безопасности» [Крылов 2021]. В дальнейшем этот призыв получил каноническое оформление под названием «Фетва о джихаде до удовлетворения потребности» («фатва аль-джихад аль-кифайи»²).

Негосударственные шиитские формирования и роль Ирана в экономике Ирака

Иракско-иранское партнерство сложно назвать равноправным, учитывая значительное влияние Ирана на внутреннюю ситуацию западного соседа. Качественный рост этого влияния произошел в период с 2014 по 2017 г., когда Ирак боролся против экстремистского квазигосударственного образования, угрожавшего существованию государства как такового. В 2014 г. иракская армия без боя оставила крупнейший город севера Мосул, и на защиту режима встали негосударственные игроки, включая аятоллу Али ас-Систани и лидеров шиитских военно-политических формирований, большинство из которых имели выраженную проиранскую направленность.

Неравноправность иракско-иранского партнерства ощущается при рассмотрении такой не самой значимой для Ирака проблемы, как ситуация с сухопутными терминалами на границе с Ираном. Этот частный вопрос позволяет индуктивно выявить принципиальные особенности общей ситуации в иракском государстве с точки зрения влияния Ирана.

Усилению его влияния в Ираке способствует доминирование на иракской политической арене проиранских сил, которые имеют большинство в парламенте и контролируют правительство. Ирак важен для Ирана в том числе и экономически – как крупный рынок сбыта иранских товаров, именно поэтому проблема пограничных КПП приобретает особую остроту. Проиранские силы установили контроль за пунктами грузового транзита на границе с Ираном, тем самым обеспечив себе преференции при транзите иранских товаров, что, безусловно, принесло значительную выгоду и самому Ирану. Попытки главы иракского правительства Мустафы аль-Казыми (2020–2022 гг.), тесно связанного с американскими спецслужбами, ограничить контроль проиранских сил над трансграничными грузовыми перевозками успехом не увенчались. Новый премьер-министр Мухаммад ас-Судани, будучи «птенцом гнезда» Нури аль-Малики, который возглавлял иракское правительство с 2006 по 2014 г. и активно боролся против американского влияния в стране, вряд ли способен противостоять иранскому давлению.

² Мы предложили для понятия «аль-джихад аль-кифайи» перевод «джихад до удовлетворения потребности», частично отражающий его содержание. В исламском праве есть понятие «аль-ваджиб аль-кифайи», под которым имеется в виду долг каждого религиозно обязанного при следующей важной оговорке: если кто-то начнет выполнять такую обязанность на практике, то от других этого уже не требуется, но если никто за нее не возьмется, то все считаются согрешившими. При этом взяться за исполнение этой обязанности должно достаточное для достижения поставленной цели количество людей [Pur 2012, 290].

В условиях антииранских санкций значение Ирака как рынка сбыта товаров иранского производства трудно переоценить. На 1660-километровой границе между двумя государствами действуют как официальные, так и неофициальные пункты пропуска грузов (последние контролируют группы, которые относятся или к традиционному сообществу контрабандистов, или к вооруженным шиитским формированиям, но мало отличаются друг от друга с точки зрения отношения к закону). Официальных пунктов пропуска насчитывается девять³. Точная информация неофициальных, по понятным причинам, отсутствует, однако есть данные, что по состоянию на 2021 г. их было пять (при шести официальных в тот период)⁴.

Иранские усилия по преодолению последствий от введенных против Исламской Республики санкций в рамках «экономики сопротивления», положения которой сформулировал аятолла Али Хаменеи в 2010 г. [Лазовский 2020, 20–23], дали положительные результаты. Удалось диверсифицировать экономику, развить ряд отраслей промышленного производства, помимо добычи углеводородного сырья, сбыт которого оказался затруднен вследствие санкционных мер. Так, в 2011 г., когда модель «экономики сопротивления» только начала воплощаться на практике, объем экспорта Ирана без углеводородов оценивался в 26,65 млрд долл. США (из которых 4,67 млрд приходилось на Ирак), но уже в 2013 г. этот показатель увеличился до 28,36 млрд (с долей Ирака в 6 млрд), а в 2021 г. достиг 40,74 млрд долл. США (из которых 8,9 млрд долл. составлял экспорт других товаров в Ирак)⁵.

Иранские руководители неоднократно публично заявляли о стремлении увеличить объем торговли с Ираком, несмотря на санкции США⁶. Вашингтон, со своей стороны, обвинял Иран в использовании экспорта энергоносителей в Ирак в качестве инструмента для давления на Багдад. Так, по словам спецпредставителя США по Ирану Б. Хука (2018–2020 гг.), «Иран стремится превратить Ирак в свою провинцию, чтобы создать военную магистраль через северную часть Ближнего Востока, по которой Корпус стражей иранской революции будет переправлять оружие и боеприпасы»⁷.

Ирано-иракские торговые отношения характеризуются заметным дисбалансом: при большом разнообразии товаров, произведенных в Иране и ввозимых в Ирак, обратный поток очень скуден. В немалой степени возникновению ирано-иракского торгового симбиоза способствовало плачевное состояние промышленности и сельского хозяйства в Ираке после десятилетий войн и санкций. Иран предложил иракскому потребителю обширный ассортимент промышленных товаров. Большая часть иранского экспорта в Ирак идет через официальные блокпосты, исключение составляет экспорт электроэнергии и сжиженного газа. Действуют неофициальные пункты пропуска, через которые в основном переправляют контрабанду, оружие и наркотики, контроль над этими товарами осуществляют как организованные преступные сообщества, так и вооруженные шиитские группировки.

³ Abbas A. (2023) Border Crossings: The Unholy Alliance Between Iran and Iraqi Militias. Carnegie Endowment for International Peace. 17.11.2023. (<https://carnegie-mec.org/2023/04/28/border-crossings-unholy-alliance-between-iran-and-iraqi-militias-pub-89643>).

⁴ Hasan H. (2021) Border Crossings, Roads, and Regional Politics in Iraq. Carnegie Endowment for International Peace. 17.11.2023. (<https://carnegie-mec.org/2021/07/06/border-crossings-roads-and-regional-politics-in-iraq-pub-84890>).

⁵ Abbas A. (2023) Border Crossings: The Unholy Alliance Between Iran and Iraqi Militias. Carnegie Endowment for International Peace. 17.11.2023. (<https://carnegie-mec.org/2023/04/28/border-crossings-unholy-alliance-between-iran-and-iraqi-militias-pub-89643>).

⁶ Rouhani Deepens Ties with Iraq (2019). 17.11.2023. (<https://iranprimer.usip.org/index.php/blog/2019/mar/14/rouhani-deepens-ties-iraq>).

⁷ Rouhani Deepens Ties with Iraq (2019). 17.11.2023. (<https://iranprimer.usip.org/index.php/blog/2019/mar/14/rouhani-deepens-ties-iraq>).

Выгодный бизнес, связанный с импортом товаров из Ирана, не мог не остаться без пристального внимания лидеров таких проиранских группировок, как «Катаиб Хезболла», «Асаиб Ахль аль-Хакк», «Харакат Хезболла ан-Нуджабаа», Движение «Сааралла» и Организация Бадр, которые утвердились в национальном политикуме после победы над ИГИЛ (организация запрещена в РФ). Расставляя на местах своих людей или угрожая физической расправой таможенникам, они фактически руководили ввозом иранских товаров через пограничные терминалы на территориях шиитских провинций, нередко останавливая транспортировку грузов без должного оформления и уплаты пошлин, что негативно отразилось на поступлениях в казну иракского государства⁸.

Доходы с пунктов таможенного пропуска приобрели для шиитских группировок особое значение после того, как правительство, официально объявив победу над ИГИЛ в 2017 г., сократило их финансирование. Известно, что различные шиитские формирования, обратившие внимание на эту отрасль, сумели договориться между собой о разделе сфер влияния⁹. В частности, таможенный терминал Мандала на границе с Ираном находится под контролем Организации Бадр, а КПП Зурбатя стала вотчиной «Асаиб Ахль аль-Хакк»¹⁰.

Примечательно, что в марте 2020 г. США внесли транспортную грузовую компанию «Аль-Хамаиль аль-Бахрийя ли-ль-Хидамаат» (Al Khamael Maritime Services), которая работает в крупнейшем иракском морском порте Умм-Каср, в санкционный список вместе с отдельными высокопоставленными руководителями Корпуса стражей исламской революции (КСИР), шиитской Организацией по реконструкции святынь в Ираке (Reconstruction Organization of the Holy Shrines in Iraq) и Аднаном аль-Хамидауи из иракской шиитской группировки «Катаиб Хезболла». В заявлении министерства финансов США говорилось, что с компанией связаны финансовые интересы Корпуса стражей исламской революции, который использовал ее для ввоза грузов из Ирана без таможенного досмотра. По мнению американцев, Al Khamael Maritime Services также игнорировала сбор таможенных пошлин в пользу иракского правительства и организовала продажу иранской нефти в обход американских санкций¹¹.

Технологии социального протеста в борьбе с иранским влиянием в Ираке

Прекращение активной фазы боевых действий выдвинуло на первый план важные для простых иракских граждан вопросы, связанные с состоянием инфраструктуры, борьбой против коррупции, а также нормализацией экономической ситуации в стране. В 2018 г. южные районы государства охватили массовые протесты, в ходе которых были совершены поджоги иранского консульства в Басре и представительств некоторых формирований

⁸ Kartel al-fasad ala hudud al-Iraq «aswaa min shariat al-ghab» [*Коррупционный картель на границах Ирака «схуже, чем закон джунглей»*] (2021). 17.11.2023. (<https://www.france24.com/ar/%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%AE%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B3%D8%AA%D9%85%D8%B1%D8%A9/20210329-%D9%83%D8%A7%D8%B1%D8%AA%D9%8A%D9%84-%D8%A7%D9%84%D9%81%D8%B3%D8%A7%D8%AF-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%AD%D8%AF%D9%88%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%A3%D8%B3%D9%88%D8%A3-%D9%85%D9%86-%D8%B4%D8%B1%D9%8A%D8%B9%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%BA%D8%A7%D8%A8>).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ U.S. Sanctions Iraqi Network Tied to IRGC (2020). 17.11.2023. (<https://iranprimer.usip.org/blog/2020/mar/26/us-sanctions-iraqi-network-tied-irgc>).

хашда. В 2019 г. выступления продолжились, достигнув пика в октябре 2019 г. Ряд СМИ, в том числе иракских, которые усиленно пропагандировали протестные настроения, использовали девиз «революция тишрина¹²» («саврат тишрин»). Выступления происходили в Багдаде и шиитских районах к югу и востоку от иракской столицы под лозунгами борьбы с коррупцией и повышения уровня жизни населения. Никаких конкретных целей демонстранты не объявляли, организаторы протестов (а их многочисленность и продолжительность акций были бы невозможны без профессиональной организационной логики) так и остались неизвестными.

Для понимания этих событий важно учитывать выраженную антииранскую тональность. Она отразилась в информационных концепциях отдельных телеканалов, таких как «Аш-Шаркия», которые активно поддерживали антиправительственные протесты; а также в печатных и интернет-СМИ. Если сравнить поведение населения в суннитских районах, полностью проигнорировавших протесты, и в шиитских кварталах, где состоялись молодежные выступления с явным антииранским оттенком, можно сделать вывод, что абстрактные лозунги об улучшении жизненных условий и борьбе с коррупцией были не более чем поводом к тому, чтобы вывести людей на улицы в шиитских секторах. Логично предположить, что, если бы в протестах участвовали сунниты, и без того настроенные антиирански, это придало бы протестным акциям конфессиональный оттенок и настроило бы против суннитов значительную часть шиитского большинства. Для усиления антииранской риторики необходимо было распространять ее именно через шиитов, которых и вывели на улицы оставшиеся в тени организаторы, внедрив в вокабуляр социального протеста нужные лозунги. Верховный лидер Ирана Али Хаменеи в своем твите 30 октября 2019 г. обвинил США и Израиль в «провоцировании беспорядков и расшатывании ситуации в сфере безопасности» в Ираке и Ливане¹³ в связи с нападениями толп молодежи на иранские консульства сначала в Кербеле (в начале ноября 2019 г.), а затем в Эн-Наджафе (в конце ноября 2019 г.)¹⁴. Бдительные «правозащитники» тогда тщательно фиксировали все столкновения, представляя протестующих исключительно как «мирных демонстрантов», которые противостоят силам безопасности Ирака и связанным с ними проиранским вооруженным формированиям¹⁵.

Очевидно, что протестные акции были четко организованы, участвовавшие в них группы функционально структурированы, хотя координаторы выступлений не только не высказывали своих требований и не вступали в контакт с властями, но принципиально сохраняли инкогнито. Некоторые детали, такие как провокации с неизвестными, якобы иранскими или проиранскими, стрелками и провокаторами, нападавшими на

¹² Слово «тишрин» входит в название месяцев октябрь (тишрин аль-авваль, букв. «тишрин первый») и ноябрь (тишрин ас-сани, букв. «тишрин второй») – именно в октябре и ноябре 2019 г. произошли особо многочисленные многодневные акции, после которых премьер-министра Адель Абдульмахди объявил об отставке правительства.

¹³ (https://twitter.com/ar_khamenei/status/1189470346581303296?s=46&t=kOM_D8AG-XyofXGH7MQQw).

¹⁴ Qunsuliyata Iran fi-n-Najaf wa Karbalaa... Atwal fatrat ighlaq munthu-l-harb al-iraqiya al-iraniya [Консульства Ирака в Эн-Наджафе и Кербеле... самый долгий срок закрытия со времени иракско-иранской войны] (2019). 17.11.2023 (<https://www.alaraby.co.uk/%D9%82%D9%86%D8%B5%D9%84%D9%8A%D8%AA%D8%A7-%D8%A5%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%AC%D9%81-%D9%88%D9%83%D8%B1%D8%A8%D9%84%D8%A7%D8%A1-%D8%A3%D8%B7%D9%88%D9%84-%D9%81%D8%AA%D8%B1%D8%A9-%D8%A5%D8%BA%D9%84%D8%A7%D9%82-%D9%85%D9%86%D8%B0-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B1%D8%A8>).

¹⁵ Takrir mufassal li ahداث ayam at-tadhahurat fi-l-Iraq [Подробный отчет о событиях в дни демонстраций в Ираке] (2019). 17.11.2023. (<https://iwdc-iraq.org/?p=4561>).

демонстрантов¹⁶, вызывали ощущение дежавю у наблюдателей, знакомых с киевскими событиями февраля 2014 г., когда в западных СМИ говорили о российских «снайперах» и «агентах»¹⁷.

Багдадский «майдан» заставил в конце ноября 2019 г. уйти в отставку правительство Адила Абдульмахи. В мае 2020 г. депутаты парламента Ирака большинством голосов поддержали назначение на пост премьер-министра Мустафы аль-Казими, медиа-менеджера, который принимал участие в нескольких политических пиар-проектах госдепартамента США¹⁸. Политика, возглавлявшего иракское государство до 2022 г., характеризуют, во-первых, материалы Викиликс (!) о нем как о конфиденциальном информаторе посольства США в Багдаде, во-вторых, неожиданное назначение его в 2016 г. главой Национальной разведывательной службы Ирака с подачи тогдашнего премьер-министра Хайдара аль-Аббади.

Аль-Казими предпринял решительные действия для возвращения контроля государственных органов над пограничными терминалами. По его указаниям специальные анти-террористические группы, подготовленные американскими инструкторами, проводили рейды в представительствах некоторых формирований шиитского ополчения в Багдаде и на пунктах пропуска на границе с Ираном. Шиитские группировки ответили отправкой своих демонстрантов к штаб-квартирам иракских силовых структур, вынудив аль-Казими ослабить хватку. Попытка восстановить контроль над таможенными пунктами на границе с Ираном принесла результат: поступления в бюджет от транзита товаров через все пункты пропуска на границе за август 2020 г. увеличились до 95 млн долл. США, что вдвое больше аналогичного показателя за август 2019 г.¹⁹. Правда, помимо официальных пунктов пропуска на границе с Ираном действовали неофициальные, которые находились под полным контролем вооруженных шиитских групп, в отношении которых не были приняты какие-либо меры²⁰.

Как бы то ни было, попытки закулисных организаторов нейтрализовать влияние Ирана в Ираке путем организации массовых протестов и продвижения на высший государственный пост проамериканской фигуры большого успеха не имели. Целый год после выборов октября 2021 г. иракский парламент не мог избрать кандидата на должность премьер-министра, и аль-Казими, который вызвал серьезное неприятие своих проиранских оппонентов, не терял надежды остаться на своем посту. Однако этого не случилось: 27 октября 2022 г. иракский парламент проголосовал за сформированный Мухаммадом Шияа ас-Судани состав правительства.

¹⁶ Iran-backed militias accused of violently quashing Iraq's protest (2019). 17.11.2023 (<https://thearabweekly.com/iran-backed-militias-accused-violently-quashing-iraqs-protest>).

¹⁷ Rudenko O. (2014) Ukraine: Yanukovich used paid killers. 17.11.2023. (<https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/04/03/ukraine-yanukovich-russian-arrests/7248293/>).

¹⁸ Iraqi Memory Foundation. 01.02.2021. (<http://www.iraqmemory.com/en/about>).

¹⁹ Abbas A. (2023) Border Crossings: The Unholy Alliance Between Iran and Iraqi Militias. Carnegie Endowment for International Peace. 17.11. 2023. (<https://carnegie-mec.org/2023/04/28/border-crossings-unholy-alliance-between-iran-and-iraqi-militias-pub-89643>).

²⁰ Badri T. (2020) Hamlat al-Kadhimi dhydd at-tandhimat shibh al-‘askariya al-mad’uma min Iran [Кампания аль-Казими против полувоенных группировок, поддерживаемых из Ирана]. 17.11.2023. (<https://carnegieendowment.org/sada/82758>).

Реванш проиранских сил

Ас-Судани, «человека аль-Малики», его старшего однопартийца из «Даава», на пост премьера выдвинул шиитский «координационный блок» («аль-итар ат-тансикий»), который сформировал самую многочисленную фракцию в парламенте после коллективной отставки садристов. Тесная связь ас-Судани с представителями проиранского «координационного блока» проявилась в ряде назначений. Так, руководителем пресс-службы премьер-министра стал Рабиа Надер. Чиновник ранее возглавлял СМИ, связанные с «Катаиб Хезболла» и «Асаиб ахль аль-хакк». Данные организации были признаны в США террористическими. На пост министра высшего образования и научных исследований был назначен активист «Асаиб ахль аль-хакк» Наим аль-Аббуди.

Близость М.Ш. ас-Судани к проиранским силам обеспечивает условия для тесной координации действий Ирака с Тегераном во внешнеполитической сфере. В то же время насущной необходимостью для правительства ас-Судани стало поддержание отношений с крупнейшим внешним игроком в регионе – США. Очевидно, что политический бэкграунд ас-Судани вызывает недоверие Вашингтона, чего не было во времена аль-Казыми.

На парламентских выборах в октябре 2021 г. отряды шиитского ополчения, которые сформировались в политическую силу в виде коалиции «Аль-Фатх» во главе с Хади аль-Амири, неожиданно стали аутсайдерами, получив лишь 17 мандатов (против 48 на предыдущих выборах). Победила «Садристская фракция» («Аль-Кутля ас-садрийя») во главе с популистом Муктадой ас-Садром. Однако, обладая парламентским большинством (73 мандата из 329) и имея на этом основании конституционное право формировать правительство, садристы предпочли не брать на себя ответственность и объявили о коллективной отставке по призыву своего лидера в июне 2022 г.²¹ Тем временем шиитские политические лидеры, представляющие проиранское ополчение, при активном участии бывшего премьер-министра Нури аль-Малики (его коалиция «Государство закона» получила по итогам выборов 2021 г. 33 мандата) сумели организовать большинство (коалиция «Идарат ад-давля» – «Управление государством», включившая в себя также некоторые суннитские и курдские силы) и продвинуть на пост премьер-министра ас-Судани.

В ноябре 2022 г., в первый месяц после вступления в должность, иракский премьер встретился в Тегеране с Хаменеи, а неделей ранее в Багдаде разговаривал с Исмаилом Каани, командующим «Корпусом аль-Кудс» – подразделением КСИР, которое проводит операции за пределами Ирака. Имея такого яркого предшественника на этом посту, как Касем Сулеймани, активно участвовавшего в политической жизни Ирака, Каани, очевидно, продолжил конфиденциальную работу на иракской арене.

Как сообщил сам ас-Судани в одном из интервью, представители «координационного блока» перед голосованием по его кандидатуре на пост премьер-министра подтвердили, что в случае его утверждения они признают его полномочия вести в качестве главы правительства переговоры с силами международной коалиции в Ираке. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что шиитские силы, в свое время резко критиковавшие ас-Казыми за сохранение американского военного присутствия, уполномочили своего кандидата

²¹ Некоторое время ас-Садр требовал роспуска парламента и перевыборов, организуя митинги напротив Конституционного суда и даже на протяжении нескольких дней в августе оккупируя зал заседаний парламента. Однако, если ас-Садр задался бы целью отправить в отставку законодательный орган целиком, он мог бы это сделать, имея своих депутатов и организуя соответствующее голосование в парламенте. Конституционный суд так и не нашел никаких законных оснований для роспуска парламента, который уже осенью избрал человека из окружения экс-премьера Нури аль-Малики (давнего противника ас-Садра) – Мухаммеда Шияя ас-Судани главой правительства.

вести переговоры лишь с целью заключить соглашение с коалицией и воздержались от каких-либо жестких условий или требований²². Суть же будущего соглашения, по словам ас-Судани, заключается в определении иных форматов отношений в сфере безопасности между США и Ираком, который, как считает премьер-министр, в состоянии защитить себя сам, но нуждается в развитии информационного сотрудничества между спецслужбами и содействии в подготовке личного состава силовых структур²³.

Хаменеи: безопасность Ирака – это безопасность Ирана

Таким образом, иранская составляющая внешней политики Ирака с особой четкостью проявила себя уже в первый месяц премьерства ас-Судани. В СМИ просочились лишь протокольные моменты его первых контактов с высокопоставленными представителями Исламской Республики, хотя их событийный фон дает основания предположить, что особое внимание будет уделено сотрудничеству в сфере безопасности. Дело в том, что в ноябре 2022 г. подразделения КСИР, стянутые к границе с Иракским Курдистаном, обстреляли позиции оппозиционных Тегерану группировок иранских курдов в одном из районов всего в 60 км от Эрбиля (Каани прибыл в Багдад всего через несколько часов после этого обстрела)²⁴. МИД Ирака тогда выразил стандартный протест (это был не первый случай обстрела КСИР иракской территории), однако Хаменеи весьма решительно, хотя и дипломатично, дал понять, что Тегеран ожидает от федерального правительства Ирака более эффективных действий для защиты иранских интересов. При первой личной встрече в Тегеране ас-Судани дал понять, что использование территории Ирака для дестабилизации ситуации в Иране противоречит иракской Конституции. На эту реплику Хаменеи отметил, что, к его сожалению, «в реальности это имеет место в некоторых районах Ирака» и «положить конец этому можно, лишь распространив суверенитет правительства Ирака на эти районы». «Безопасность Ирака – это безопасность Ирана», – подчеркнул верховный лидер Ирана, указав на необходимость развивать экономическое сотрудничество, увеличивать двусторонний товарооборот и работать над установлением железнодорожного сообщения²⁵.

²² Rais al-wuzaraa al-Iraqi Muhammad Shiya' as-Sudani: Asmaa kubra satuhasab qariban fi qadhiyat al-qarn [Премьер-министр Мухаммад Шияа ас-Судани: Крупные фигуры будут вскоре привлечены к ответственности в рамках дела о крупнейшей краже] (2023). 17.11.2023. (<https://www.aljazeera.net/politics/2023/4/2/%D8%B1%D8%A6%D9%8A%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D9%88%D8%B2%D8%B1%D8%A7%D8%A1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A-%D9%85%D8%AD%D9%85%D8%AF-%D8%B4%D9%8A%D8%A7%D8%B9>).

²³ Ibid.

²⁴ QasafKurdistan wa Zar Baghdad. Qaid faylaqal-Quds yaldaqias-Sudani [Having Bombed Kurdistan and Visited Baghdad... Al-Quds Corps Commander Meets as-Sudani] (2022). 17.11.2023. (<https://www.alarabiya.net/arab-and-world/iraq/2022/11/15/%D8%A8%D8%B9%D8%AF-%D8%B3%D8%A7%D8%B9%D8%A7%D8%AA-%D9%85%D9%86-%D9%82%D8%B5%D9%81-%D9%83%D8%B1%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86-%D9%82%D8%A7%D8%A6%D8%AF-%D9%81%D9%8A%D9%84%D9%82-%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%AF%D8%B3-%D9%81%D9%8A-%D8%A8%D8%BA%D8%AF%D8%A7%D8%AF>).

²⁵ Qifu bi hazm amam a'daa taqaddum al-Iraq bi-l-i'timad 'ala-sh-sh'ab wa-l-quwa ash-shabba al-malia bi-l-hayawiya [Стойте решительно против врагов развития Ирака, полагаясь на народ и молодые силы, полные жизни] (2022). 17.11.2023. (<https://www.leader.ir/ar/content/26178/%D9%82%D8%A7%D8%A6%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%AB%D9%88%D8%B1%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D8%B3%D9%84%D8%A7%D9%85%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B9%D8%B8%D9%85-%D9%8A%D8%B3%D8%AA%D9%82%D8%A8%D9%84-%D8%B1%D8%A6%D9%8A%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D9%88%D8%B2%D8%B1%D8%A7%D8%A1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%>

* * *

За борьбой премьер-министра аль-Казыми против шиитских группировок стояло стремление глобального игрока – США – восстановить контроль над ключевым элементом ближневосточной зоны (Ираком), из которой его начал успешно вытеснять влиятельный игрок регионального уровня – Иран. США, вовлеченные в целый ряд крупномасштабных кризисов в других частях мира, имеют все основания опасаться Ирана, который сконцентрировал усилия на данной конкретной площадке.

События, спровоцированные нападением ХАМАС на расположенные поблизости от сектора Газа еврейские поселения 7 октября 2023 г., с особой остротой поставили вопрос о роли Ирана и его сателлитов в регионе и перспективах вооруженного противостояния с Израилем. Так, по словам официального представителя Пентагона П. Райдера, в последние две недели октября и первую неделю ноября 2023 г. было зафиксировано 20 «вызывающих беспокойство нападений» при помощи дронов и реактивных снарядов на силы США в Ираке и 18 – в Сирии²⁶. На пресс-конференции в Багдаде после встречи с ас-Судани в начале ноября 2023 г. госсекретарь США Э. Блинкен призвал «желающих воспользоваться конфликтом в Газе для угроз нашему персоналу здесь или где-либо в регионе» не делать этого. «Мы не ищем конфликта с Ираном, мы дали это ясно понять, но мы сделаем все, чтобы защитить наш персонал, военный и гражданский», – сказал Блинкен, отметив, что ас-Судани со своей стороны осудил нападения на американских военных в Ираке²⁷.

Примечательно, что сразу после встречи с Блинкеном в Багдаде ас-Судани направился в Тегеран, где его принял аятолла Хаменеи. Официальные коммюнике сообщили, что стороны обсудили усилия по прекращению кровопролития в секторе Газа²⁸, однако последовательность встреч премьер-министра Ирака заставляет предположить, что ас-Судани доставил в Тегеран некое послание США, содержание которого частично озвучил Блинкен на багдадской пресс-конференции днем ранее.

Нынешняя военно-политическая ситуация в Ираке такова, что глава его правительства способен играть лишь роль посредника между США, которые опекают Израиль, и Ираном, поддерживающим целый ряд вооруженных группировок в Ираке, Сирии, Ливане и Палестине. Пост премьер-министра ас-Судани занял благодаря поддержке политических лидеров «консультационного блока», за которыми стоят проиранские вооруженные формирования. Описанная выше ситуация на пограничных КПП между Ираком и Ираном позволяет последнему доставлять оружие и военных специалистов в Сирию и далее в Ливан, не запрашивая санкции иракского правительства. Массовость демонстраций в под-

B1%D8%A7%D9%82%D9%8A-%D9%88%D8%A7%D9%84%D9%88%D9%81%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B1%D8%A7%D9%81%D9%82).

²⁶ Pentagon Press Secretary Brig. Gen. Pat Ryder Holds an Off-Camera, On-the-Record Press Briefing (2023). 17.11.2023. (<https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3581359/pentagon-press-secretary-brig-gen-pat-ryder-holds-an-off-camera-on-the-record-p/>).

²⁷ Secretary Antony J. Blinken Remarks to the Press (2023) 17.11.2023. (<https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-remarks-to-the-press-16/>).

²⁸ As-Sudani li Khamenei: Al-Iraq yabthul qusara juhdihi li tansiq al-mawaqif wa-l-hadd min al-'udwan 'ala Ghazza [Ас-Судани – Хаменеи: Ирак прилагает все усилия для координации с целью остановить агрессию против Газы] (2023). 17.11.2023. (<https://shafaq.com/ar/%D8%B3%DB%8C%D8%A7%D8%B3%D8%A9%D8%AE%D8%A7%D9%85%D9%86-%D9%8A-%D9%84%D9%84%D8%B3%D9%88%D8%AF%D8%A7%D9%86%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%A9-%D9%85%D8%AD%D9%88%D8%B1%D9%8A%D8%A9-%D9%88%D9%82%D8%A7%D8%AF%D8%B1-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D9%86%D9%87%D8%A7-%D9%85%D8%A7-%D9%8A%D8%AD%D8%AF%D8%AB-%D9%81%D9%8A-%D8%BA%D8%B2%D8%A9>).

держку Газы в Ираке²⁹ свидетельствует о готовности иракцев содействовать шиитскому «народному ополчению» в случае его вовлечения в конфликт, как это было в 2014 г., когда хашд стал основной антигилловской силой, превосходящей по уровню мотивации и подготовки регулярные подразделения ВС Ирака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Мамедов Р.Ш. (2023) Ирак в начале XXI века: на пути к новой государственности. М.: Институт востоковедения РАН. 256 с.

Mamedov R.Sh. (2023) Irak v nachale XXI veka: na puti k novoi gosudarstvennosti [Iraq in the Beginning of the XXIth Century: Towards the New Statehood]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 256 p. (In Russ.).

Мамедов Р.Ш. Негосударственные вооруженные формирования в сирийско-иракской конфликтной зоне // Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. Мировое развитие. № 18. М.: ИМЭМО РАН. С. 27–32.

Mamedov R.Sh. (2017) Negosudarstvennye vooruzhennye formirovaniya v siriysko-irakskoi konfliktnoy zone [Non-state armed formations in the Syrian-Iraqi conflict zone]. In: *Greater Middle East in the world economy and politics. World development.* № 18. Moscow: IMEMO. Pp. 27–32. (In Russ.).

Миняжетдинов И.Х. (2015) «Балканизация Ирака»: факторы воспроизводства и распространения политического насилия // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт востоковедения РАН. С. 249–276.

Miniazhetdinov I.Kh. (2015) «Balkanizatsiya Iraka»: factory vosproizvodstva I rasprostraneniya politicheskogo nasiliya [«Balkanization of Iraq»: the Factors of Regeneration and Spread of Political Violence]. In: *Konflikty I voyny XXI veka (Blizhniy Vostok I Severnaya Afrika).* Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. Pp. 249–276. (In Russ.).

Крылов Г.Л. (2021) «Силы народной мобилизации» («кувват аль-хашд аш-шааби») как фактор изменения военно-политической обстановки в Ираке после 2014 г. // *Общественные науки и современность.* № 2. С. 126–143. DOI: 10.31857/S086904990014439-4

Krylov G.L. (2021) «Sily narodnoy mobilizatsii» («Quwwat al-hashd ash-shaabi») [Popular Mobilization Forces (Quwwat al-Hashd ash-Shaabi) as a Factor Influencing Security and Political Situation in Iraq after 2014]. *Obshchestvennye nauki I sovremennost.* No. 2. Pp. 126–143. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086904990014439-4

Крылов Г.Л. (2022) Основные особенности «садристского течения» («ат-тайяр ас-садрий») как участника политического процесса в современном Ираке // *Новая и новейшая история.* № 1. С. 179–193. DOI: 10.31857/S013038640015337-8

Krylov G.L. (2022) Osnovnye osobennosti «sadristskogo techeniya» («at-tayyar as-sadri») kak uchastnika politicheskogo protsesssa v sovremennom Irake [The Key Features of the Sadrist Movement («At-Tayyar As-Sadri») as a Player in the Political Process in Present-Day Iraq]. *Novaya I noveishaya istoriya,* no. 1, pp. 179–193 (In Russ.). DOI: 10.31857/S013038640015337-8

Лазовский С.О. (2020) Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН.* № 1. С. 90–93. DOI: 10.20542/afj-2020-1-81-93

²⁹ Tadhahurat hashida fi Baghdad tadhamunan ma'a Ghazza [Массовые демонстрации солидарности с Газой в Багдаде] (2023). 17.11.2023. (<https://www.skynewsarabia.com/video/1661614-%D8%AA%D8%B8%D8%A7%D9%87%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%AD%D8%A7%D8%B4%D8%AF%D8%A9-%D8%A8%D8%BA%D8%AF%D8%A7%D8%AF-%D8%AA%D8%B6%D8%A7%D9%85%D9%86%D8%A7-%D8%BA%D8%B2%D8%A9>).

Lazovskiy S.O. (2020) Ekonomicheskaya situatsiya v Irane v usloviyakh amerikanskikh sanktsiy [Iran's Economic Situation under US Sanctions]. In: *Analiz I prognoz. Jurnal IMEMO RAN*. No. 1. Pp. 90–93. DOI: 10.20542/afij-2020-1-81-93

Пур М. (2012). Исламское право. Москва: Исток, 2010. 305 с.

Pur M. (2010) Islamskoye pravo [The Islamic Law]. Moscow: Istok. 305 p. (In Russ.).

Baram A. (2011) Sadr the Father, Sadr the Son, the «Revolution in Shi'ism», and the Struggle for Power in the Hawza of Najaf // In: *Iraq Between Occupations: Perspectives from 1920 to the Present*. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 143–157.

Hashim A.S. (2006) *Insurgency and Counter Insurgency in Iraq*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 518 p.

Информация об авторе

Крылов Герман Леонидович, соискатель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. Адрес: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: german_krylov@mail.ru

About the author

German L. Krylov, PhD student, Center of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 12, Ulitsa Rozhdestvenka, Moscow, Russia, 107031. E-mail: german_krylov@mail.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 19.11.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 09.01.2024

Статья принята к публикации/Accepted: 15.02.2024

Оригинальная статья / Original article

Конфликт интересов на государственной службе: факторы эффективного регулирования

© К.А. КРИКУНОВ

Крикунов Кристина Александра, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), kkrikunov@hse.ru. ORCID: 0000-0001-5305-246X

Проанализирована эффективность регулирования конфликта интересов на государственной службе как одного из направлений антикоррупционной политики. Меры его регулирования, которые лежат в основе национальных антикоррупционных законодательств, определяют две модели – модель профессиональной культуры и модель запретов. В рамках первой из них предусмотрено повышение профессиональных стандартов для государственных служащих, вторая включает в себя строгие запреты и юридические санкции. Определены факторы, которые обеспечивают эффективность регулирования конфликта интересов на государственной службе. Проведен регрессионный анализ на основе данных, которые используют для формирования международных индексов восприятия коррупции и качества институтов, а также собранной базы стран по моделям регулирования конфликта интересов. Полученные результаты могут быть применены для разработки рекомендаций в целях формирования эффективного антикоррупционного регулирования.

Ключевые слова: конфликт интересов, антикоррупционная политика, административная коррупция, государственная служба, реформы

Цитирование: Крикунов К.А. (2024) Конфликт интересов на государственной службе: факторы эффективного регулирования // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 132–144. DOI: 10.31857/S0869049924010105, EDN: RNZJJE

Conflict of Interest in the Civil Service: Factors of Effective Regulation

© K. KRIKUNOV

Kristina A. Krikunov, HSE University (Moscow, Russia), kkrikunov@hse.ru. ORCID: 0000-0001-5305-246X

Abstract. The effectiveness of conflicts of interest regulation in the civil service as one of the directions of anti-corruption policy is analyzed. Conflicts of interest management measures that underlie national anti-corruption laws are defined as two models – integrity-based and compliance-based. The first of them provides for increasing the professional standards for civil servants, while the second one is a model of strict prohibitions and legal sanctions. Despite the complexity of assessing the level of corruption and the quality of conflicts of interest regulation, this task is important and inevitable for the subsequent assessment of the effectiveness of public administration. Therefore, the factors that are associated with the effectiveness of conflicts of interest regulation in public service are determined. A regression analysis was conducted based on the data used for the formation of the international indices of corruption perception and the quality of institutions, as well as from the collected database of countries on models of conflicts of interest regulation. In the long term, these results can be used to elaborate practical recommendations for effective anti-corruption regulation.

Keywords: conflicts of interest, anti-corruption policy, administrative corruption, civil service, reforms

Citation: Krikunov K.A. (2024) Conflicts of Interest in the Civil Service: Factors of Effective Regulation. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 132–144. DOI: 10.31857/S0869049924010105, EDN: RNZJJE (In Russ.)

Введение

Методы и подходы к оценке эффективности реформ в сфере регулирования конфликта интересов в настоящее время недостаточно разработаны [Min 2019]. Исследования осложняет противоречивость этого явления. В частности, множество научных работ посвящены этнической и племенной солидарности, которая связана с назначением на должности лиц одной социальной группы, родственной взаимовыручке с применением должностных полномочий и традициями дарения подарков [Dincer 2008]. В некоторых культурах подобные действия рассматривают как выражение почтения определенной социальной группе или проявление гостеприимства [Lee 2018]. С другой стороны, если «гостем» выступает должностное лицо, ситуация обретает двойкий смысл: это подарок или взятка? Подобные случаи сложно регулировать законодательно, поскольку традиции глубже укоренены в общественную жизнь, чем правовые нормы. Данная особенность создает препятствия для внедрения мер по регулированию конфликта интересов, а также для их изучения.

Большинство стран, которые принимали антикоррупционное законодательство или вносили в него поправки после 2003 г., ориентировались на рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Соответственно, государства используют схожие модели и меры регулирования конфликта интересов. Несмотря на единую логику их применения, они показывают разную эффективность в разных странах [Van den Heuvel et al. 2010; Demmke, Moilanen 2012; Крикунов 2019].

Возникает вопрос о влиянии внешних условий на применение таких мер. Почему одной стране для успешного регулирования конфликта интересов достаточно ввести

кодекс этики, а в другой коррупция сохраняется на высоком уровне даже после введения широкого антикоррупционного законодательства с санкциями в виде уголовной ответственности?

В данном контексте показательны кейсы Норвегии и Италии, в которых регулирование конфликта интересов соответствует логике модели профессиональной культуры (integrity-based). Несмотря на схожесть применяемых мер, эти государства достигают цели по предотвращению коррупции с разной степенью успешности. По индексу восприятия коррупции (СРІ, русск. – ИВК), который с 1995 г. рассчитывает международная неправительственная организация Transparency International¹, за 2021 г. Норвегия получила 85 баллов из 100 и заняла четвертое место в рейтинге. В то же время Италии присвоили только 56 балла, что соответствует 42-й позиции в данном списке.

В Сингапуре и Казахстане антикоррупционное регулирование построено на одних и тех же мерах в рамках модели следования правилам и запретов (compliance-based). Тем не менее в 2021 г. индекс ИВК для Сингапура составил 85 баллов, а для Казахстана – 37 баллов. Цель исследования – определить основные факторы, которые препятствуют регулированию конфликта интересов на государственной службе. В перспективе полученные результаты могут лечь в основу практических рекомендаций для эффективного антикоррупционного регулирования на базе существующих моделей.

Модели регулирования конфликта интересов

Руководство ОЭСР по регулированию конфликта интересов перечисляет меры по предотвращению коррупции на государственной службе. Их можно разделить на три группы в соответствии с подходами ОЭСР, каждая из них формирует определенную модель: модель следования правилам и запретов (compliance-based), модель профессиональной культуры (integrity-based) и адаптационную, в которой совмещены характеристики первых двух.

Предложенные ОЭСР подходы к регулированию конфликта интересов во многом основаны на научной дискуссии о специфике этического регулирования на государственной службе [Fox 2000; Hejka-Ekins 2000]. В ее основе лежит идея о том, что регулирование можно строить на строгих ограничениях и запретах либо обеспечить, чтобы поведение государственных служащих было основано на приверженности высоким профессиональным ценностям.

Американский политолог Дж. Рора в своей работе вывел три траектории регулирования: низкий путь, высокий путь и путь слияния. Низкий путь связан со строгим соответствием формальным правилам, Рор называет его «карательным путем, выступающим за тщательное внимание к тривиальным вопросам». Высокий путь, напротив, предполагает отказ от принудительных запретов, вместо которых предлагается развивать моральные ценности государственных служащих. В свою очередь путь слияния совмещает сильные стороны обеих моделей, что дает возможность постепенно развивать этические ценности, соблюдая при этом строгие правила [Rohr 1978].

По аналогии с подходами ОЭСР модель следования правилам представляет собой низкий путь: как модель запретов она основана на регламентах и корпоративном контроле за государственными служащими. Нарушение антикоррупционных норм часто карают уголовной ответственностью. В ее рамках принято регламентировать широкий круг вопросов: от получения подарков и наема родственников на посты в прямой должностной подотчетности до совместительства и декларирования доходов. Модель запретов предпо-

¹ Организация признана иноагентом в РФ. – прим. ред.

лагает преимущественно «закрытую» систему государственной службы (карьерный тип), где служащий подотчетен не обществу, а вышестоящему начальству.

Модель профессиональной культуры, как и высокий путь, напротив, связана с развитием высокой профессиональной этики служащих, в таком случае коррупционное поведение предотвращает не страх наказания, а именно высокие этические стандарты чиновника. Система открытого типа позволяет гражданскому обществу и средствам массовой информации отслеживать деятельность госслужащего благодаря открытому доступу к публичным декларациям. В странах, которые используют эту модель, существует практика инициации уголовных дел на основании опубликованных в СМИ расследований. Также эта модель дает возможность регулировать такие сферы, как трудоустройство после увольнения (*revolving doors*), политическая деятельность государственных служащих и служебные разоблачения (*whistleblowing*) [Крикунов 2019].

Эффективность антикоррупционного регулирования: институциональный аспект

Регулирование конфликта интересов – часть антикоррупционной политики страны, которая направлена на предотвращение коррупции среди государственных служащих. Изучая конфликт интересов, необходимо понимать причины коррупции.

Одной из основных причин ее появления и невозможности успешного антикоррупционного регулирования называют слабость институтов как правил игры, которые определяют рамки взаимодействий [North 1991]. Развитие институтов важно, потому что оно позволяет автоматизировать управление системой и избавляет от необходимости рассматривать каждый случай отдельно [Jain 2002]. Подобных инцидентов может быть очень много, что не позволит обеспечивать эффективную государственную политику. Иными словами, институты определяют степень социального поведения: чем лучше работает институт, тем меньше требуется вмешательство со стороны отдельных акторов [Forson et al. 2016]. Данное правило актуально для антикоррупционных реформ и принятых в их рамках мер по регулированию конфликта интересов. Можно предусматривать эффективные действия и детально прописывать законодательство, но, если институты в системе слабые, законы люди исполнять не будут.

В исследованиях выделяют еще один институциональный фактор, который затрудняет борьбу с коррупцией. Речь идет о дискреционных полномочиях и административных барьерах системы. Американский автор Р. Клитгард объяснил связи между дискреционными полномочиями и коррупцией через следующую взаимосвязь: коррупция складывается из суммы монополии и дискреционных полномочий за вычетом подотчетности [Klitgaard 1988].

Английский экономист А.К. Йен выделил несколько причин возникновения коррупции, которые проявляются одновременно: дискреционная власть государственных служащих, связь этой власти с экономической рентой и сдерживание из-за вероятности быть наказанным [Jain 2001]. Чиновник с дискреционными полномочиями постоянно будет находиться перед выбором, какое решение принять. Дискреционные полномочия выступают как коррупциогенный фактор, потому что при выборе возможных действий служащий может руководствоваться не общественными интересами, а частными. Третий фактор – сдерживание – означает наличие обратной зависимости между вероятностью коррупции и ее стоимостью.

Помимо дискреционных полномочий, причинами неэффективного антикоррупционного регулирования считают административные барьеры и гипертрофированную бюро-

кратическую систему [Tanzi 1998]. Подобные барьеры препятствуют достижению целей любой государственной политики, а антикоррупционную деятельность они превращают в замкнутый круг. Антикоррупционные нормы встраивают в существующее законодательство, но в условиях сложной нормативной системы (особенно в случае с подзаконными актами и внутриведомственными нормами), а также потенциальных юридических противоречий выполнить их затруднительно. Попытки повысить прозрачность деятельности государственных служащих в условиях неэффективной бюрократии только усугубляют ситуацию [Kaufmann, Wei 1999].

Описание базы данных

В исследовании в качестве зависимой переменной был использован ИВК. Данный индекс рассчитывают на основе экспертных оценок из 13 источников, которые в том числе учитывают использование государственных должностей в личных целях, nepoтизм, систему регулирования конфликта интересов, функционирование законодательства о декларировании, взяточничество, преследование служащих за коррупционные деяния и др.

При включении в исследование ИВК нужно учитывать его ограничения. Первое из них связано с методологией подсчета: в 2012 г. был изменен подход к агрегированию экспертных оценок, из-за чего невозможно сравнивать данные по периодам до 2012 г. и после 2012 г. Второе концептуально важное ограничение связано с тем, что ИВК измеряет не уровень коррупции (это почти невозможно сделать из-за сложностей с отслеживанием неформальных практик), а то, как его воспринимают эксперты.

Тем не менее, по сравнению с другими индексами, связанными с оценкой коррупции, ИВК в большей степени подходит для данной страновой и временной выборки. Например, ежегодное социологическое исследование «Барометр коррупции» представляет измерения нерегулярно и включает не все исследуемые страны. Индекс общественной честности (Index of Public Integrity, IPI), который публикует Американский центр гражданской ответственности, также ограничен по количеству стран и имеет пропуски в данных². Также нерелевантен параметр «контроль коррупции», который входит в набор показателей качества государственного управления (КГУ, World Government Indicators, WGI), подготовленных Группой Всемирного банка. В данной работе несколько показателей из КГУ использованы для формирования независимой переменной «качество институтов», включая эффективность правительства (Government Effectiveness), качество регулирования (Regulatory Quality) и верховенство права (Rule of Law)³. Параметр «эффективность правительства» позволяет оценить восприятие государственных услуг и качество государственной службы (в частности, в сфере политической нейтральности), а также качество разработки и исполнения государственных программ. Показатель регуляторного качества отражает способность принимать и проводить государственную политику, которая соответствует целям развития частного сектора. Показатель верховенства закона связан с защитой прав собственности, исполнением контрактов и вероятностью совершения преступлений⁴. Перечисленные показатели были трансформированы в единый индекс при обращении к методу главных компонент, который позволил снизить размерность признакового пространства.

КГУ – не единственный индекс, который позволяет проанализировать качество институтов, однако выбор пал на него из-за полноты данных по странам и его временной

² Index of Public Integrity Methodology. Index of Public Integrity. (<https://corruptionrisk.org/ipi-methodology/>).

³ Worldwide Governance Indicators. The World Bank. (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

⁴ Ibid.

актуальности. Было принято решение не использовать показатели Всемирного рейтинга качества институтов (World Institutional Quality Ranking, WIQR), так как данное исследование содержит данные только до 2010 г. Временное ограничение не позволяет выявить взаимосвязи, поскольку некоторые рассматриваемые страны приняли антикоррупционное законодательство позднее указанного срока (Китай – в 2012 г., Казахстан – в 2015 г.). Альтернативные индексы также не подходят для задач исследования: Оценка страновой политики и институтов (Country Policy and Institutional Assessment, CPIA) приводит данные только по развивающимся странам⁵, а периодичность выхода Индекса преобразования Бертельсмана (Bertelsmann Transformation Index, BTI) и количество стран в нем существенно ограничивают возможности анализа⁶.

Второй ключевой независимой переменной стали модели регулирования конфликта интересов, данные по которым были переведены в категориальную шкалу (1 – профессиональной культуры; 2 – запретов; 3 – адаптационную). В рамках количественного анализа каждый тип регулирования сравнивался с моделью профессиональной культуры в качестве базовой категории.

При формировании выборки были отобраны страны, законодательства которых соответствуют логике различных моделей регулирования конфликта интересов: профессиональной культуры (Австралия, Норвегия, Канада, Италия), запретов (Сингапур, Южная Корея, Китай, Япония, Турция, Казахстан, Индия) и адаптационной модели (США, Великобритания, Франция, Германия, Россия, Швейцария, Испания, Финляндия, Бразилия). Ограниченность выборки связана с тем, что база данных собиралась вручную на основе анализа нормативных правовых актов в сфере антикоррупционного регулирования. Однако сам выбор стран не случаен: во-первых, как уже было отмечено выше, в этих государствах есть профильные антикоррупционные законодательства по регулированию конфликта интересов, а информация по ним в полной мере представлена в международных рейтингах восприятия коррупции и качества институтов, что позволило собрать данные для анализа.

Контрольные переменные

В качестве контрольных переменных были отобраны следующие показатели:

1. Показатель политического режима в стране (Polity IV)⁷.
2. Показатель уровня урбанизации (данные по: Всемирные показатели развития, World Development Indicators, Всемирный банк)⁸.
3. Показатель уровня этнической фракционализации (данные из исследования Дж.Д. Фирона и Д.Д. Лэйтина «Этническая принадлежность, мятежи и гражданские войны» [Fearon, Laitin 2003]).
4. ВВП на душу населения (логарифмированный) (данные по: Всемирные показатели развития, World Development Indicators, Всемирный банк)⁹.

⁵ Country Policy and Institutional Assessment. The World Bank. (<https://databank.worldbank.org/source/country-policy-and-institutional-assessment>).

⁶ The Transformation Index. BTI. (<https://bti-project.org/en/?&cb=00000>).

⁷ Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013. (<https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>).

⁸ Urban population (% of total population). The World Bank. (<https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS>).

⁹ GDP per capita (current US\$). The World Bank. (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>).

Таблица 1

Описательные статистики используемых в модели переменных

Table 1

Descriptive statistics of variables used in the model

Переменные	Числ. набл.	Ср.	Стд. откл.	Мин.	25%	75%	Макс.
Индекс восприятия коррупции	117	63,99	20,28	27	43	82	90
Качество институтов	117	0,07	1,67	-3,04	-1,76	1,48	2,16
Индекс Polity IV	117	7,08	5,20	-7	8	10	10
Лог. ВВП на душу населения	117	10,22	0,97	7,28	9,44	10,87	11,54
Этническая фракционализация	117	0,32	0,23	0,004	0,10	0,50	0,81
Доля городского населения	117	76,84	14,06	31,63	73,74	84,84	100,00

Одно из научных направлений, в котором изучают возникновение коррупции, связано с режимными теориями. Неоднократно исследователи тестировали гипотезы о связи демократии с развитием коррупции. Демократию в таких работах часто рассматривают как многосоставное явление, которое отражают различные показатели: свобода слова и СМИ, уровень и доступность образования, доля женщин в органах государственной власти, открытость торговли, конкурентность выборов и др. [Dutta, Mukherjee 2016].

Подобные исследования показывают различные результаты. Часть авторов приходит к выводу, что свобода СМИ и высокий уровень образования связаны со снижением коррупции. В первую очередь демократический режим обеспечивает внешнюю подотчетность служащих и контроль со стороны общества. Демократии создают транспарентную систему, в которой легче проводить антикоррупционную политику и регулировать конфликт интересов [Anderson, Tverdova 2003]. С другой стороны, демократии построены по принципу сменяемости власти, что может вызывать обратный эффект и стимулировать возникновение коррупционного поведения. К примеру, приближение выборов и риск потерять должность могут усилить желание чиновника получить выгоду, что увеличивает количество неформальных практик [Rose-Ackerman 1996].

Вторая контрольная переменная модели – это доля городского населения в стране. Уровень урбанизации также часто используют во многих исследованиях, которые изучают причины коррупции. Предполагают, что в условиях городской среды проще отслеживать факты коррупции на фоне формализованных процедур [Goel, Nelson 2010]. Сторонники данных теорий зачастую делают допущение, согласно которому городское население более образовано и информировано, чем сельское [Goel, Nelson 2010], что потенциально увеличивает шансы на эффективное антикоррупционное регулирование.

Этническая фракционализация, которая выступает третьей контрольной переменной, тесно связана с возникновением коррупции и неэтичным поведением государственных служащих [Dincer 2008; Lee 2018]. При отсутствии квотирования для представителей этнических групп в различных публичных секторах, в частности на государственной службе, может сформироваться система nepotизма и патронажных сетей. В таком случае получение должности будет зависеть не от профессиональных качеств и успешного прохождения конкурса, а от принадлежности к той же этнической группе, что и, например, руководитель. Более того, этническая фракционализация в обществе приводит к неконкурентному распределению ресурсов (например, в части государственных закупок или предоставления налоговых льгот) [Dincer 2008].

Множество исследований посвящены влиянию экономического благосостояния на уровень коррупции. Исследователи связывают личное благосостояние государственных

служащих с коррупционным поведением [Azfar, Nelson 2007]. В случае, если антикоррупционная политика проводится в условиях низких доходов чиновников, растет вероятность нарушения законодательных и этических норм [Azfar, Nelson 2007]. С другой стороны, более богатые страны способны удовлетворить потребности широкого круга населения, что подталкивает чиновников отказаться от выбора неформальных практик [Qu et al. 2016].

«Качество институтов» в исследовании выступает базовой переменной, планируется проверить ее влияние на возникновение коррупции. Теоретические построения привели к выводу, что этот фактор стал наиболее распространенной причиной коррупции и сложностей при проведении антикоррупционных реформ. Неэффективная бюрократическая система, несоответствие мер заявленным целям и пренебрежение законодательством препятствуют успешному антикоррупционному регулированию. Соответственно, важно выявить, какая модель способна лучше справляться с регулированием конфликта интересов в условиях слабых институтов.

Результаты

Основные гипотезы исследования сформулированы следующим образом:

- *H1: высокое качество институтов ведет к более успешному регулированию конфликта интересов.*
- *H2: модель профессиональной культуры (integrity-based) будет успешно работать только в странах с высоким качеством институтов.*
- *H3: модель запретов (compliance-based) и адаптационная модель успешно работают при любом качестве институтов.*

Для тестирования был выбран метод множественного регрессионного анализа, который позволил выявить зависимость между видом модели регулирования конфликта интересов, качеством институтов и уровнем коррупции. Гипотезы были проверены на выборке из 20 стран с учетом панельной структуры данных (с 2012 по 2017 г. включительно). На этапе сбора данных было учтено, что, например, в Казахстане антикоррупционное законодательство было принято только в 2015 г., поэтому количество включенных в анализ наблюдений было сокращено.

Модель (1) – это базовая модель, где в качестве зависимой переменной используется ИВК, а в качестве независимой – вид модели регулирования конфликта интересов. Напомним, что модели КИ представлены в виде категориальных переменных: 1 – профессиональной культуры; 2 – запретов; 3 – адаптационная. Все результаты базовой модели сравниваются с первой из них – профессиональной культуры (integrity-based).

Результаты регрессионного анализа показывают, что, на первый взгляд, соответствие модели профессиональной культуры позволяет в целом в большей мере снизить проявления коррупции, по сравнению с другими моделями. Использование модели следования правилам обеспечивает регулирование в среднем на 19–20 пунктов ИВК ниже, чем модель профессиональной культуры. Похожая динамика отмечена и в случае с адаптационной моделью, однако интерпретировать данный эффект затруднительно ввиду отсутствия устойчивой статистической значимости.

Модель (2) сформировалась в результате поиска взаимосвязи между уровнем коррупции и качеством институтов. Здесь видна значительная положительная взаимосвязь между переменными: чем выше качество институтов, тем лучше политические системы справляются с регулированием коррупции.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа (множественная регрессия)

Table 2

Results of regression analysis (multiple regression)

	Индекс восприятия коррупции				
	OLS				PCSE
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Модель следования правилам	-19,48***		1,33	2,40	2,40
	(4,92)		(1,12)	(1,39)	(3,03)
Адаптационная модель	-5,99		4,12***	4,40***	4,40***
	(4,65)		(1,05)	(1,22)	(1,23)
Качество институтов		11,91***	14,99***	13,99***	13,99***
		(0,23)	(0,66)	(0,91)	(0,89)
Индекс Polity IV				0,05	0,05
				(0,09)	(0,21)
Лог. ВВП на душу населения				0,0001*	0,0001
				(0,0000)	(0,0000)
Этническая фракционализация				0,67	0,67
				(1,79)	(3,85)
Доля городского населения				0,02	0,02
				(0,06)	(0,09)
Модель след. прав * кач. инст.			-4,14***	-4,12***	-4,12***
			(0,74)	(0,85)	(0,76)
Адаптац. модель * кач. инст.			-3,15***	-2,84***	-2,84***
			(0,72)	(0,85)	(0,84)
Константа	73,25***	63,11	59,97	54,66***	54,66***
	(3,87)	(0,38)	(0,93)	(5,68)	(7,83)
Observations	117	117	117	117	
R ²	0,14	0,96	0,97	0,97	
Adjusted R ²	0,13	0,96	0,97	0,97	
Residual Std. Error	18,97	4,06	3,55	3,55	
	(df = 114)	(df = 115)	(df = 1,11)	(df = 1,07)	
F Statistic	9,32***	2780,90	735,05***	409,64***	
	(df = 2; 114)	(df = 1; 115)	(df = 5; 111)	(df = 9; 107)	
Note:	*p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001				

Модель (3) рассматривает взаимодействие между моделями регулирования конфликта интересов, качеством институтов и уровнем коррупции. Стоит отметить, что в данном случае результат отличается от полученного на первом этапе (модель (1)). Напомним, что при включении только двух переменных (тип модели и уровень коррупции) лучший результат показывает модель профессиональной культуры. При добавлении переменных взаимодействия статистически результаты меняются. С одной стороны, они свидетельствуют в пользу того, что соответствие модели следования правилам позволяет лучше регулировать коррупционное поведение, чем соответствие адаптационной модели и модели профессиональной культуры, но только при учете исходного качества институтов (в обоих случаях

получен значимый статистический результат). Если не включать данный фактор, использование адаптационной модели дает возможность регулировать коррупционное поведение в среднем лучше, чем в случае применения модели профессиональной культуры, тогда как для модели следования правилам такой зависимости все же не наблюдается. Можно сделать вывод, что для максимально успешной антикоррупционной политики одних мер из модели следования правилам и запретов может быть недостаточно.

В модель (4) были включены контрольные переменные. Выявленные на третьем шаге взаимосвязи между ИВК, качеством институтов и моделями регулирования остаются неизменными. Контрольная переменная «Индекс Polity IV» демонстрирует положительную связь – чем политический режим демократичнее, тем выше CPI. Однако ее эффект незначителен, так же как и уровень этнической фракционализации и урбанизации. В то же время слабую связь с зависимой переменной демонстрирует логарифмированный уровень ВВП на душу населения. Данный факт подтверждает исходные предположения о том, что уровень экономического благосостояния может позитивно влиять на регулирование коррупции (впрочем, такое влияние следует в будущем детально изучить). Несмотря на указанные колебания, связи в полной модели, которые входят в зону изучения, остаются устойчивыми.

Модель (5) отличается от модели (4) только скорректированными результатами по стандартным ошибкам. Панельно скорректированные ошибки были введены, чтобы проверить модель на устойчивость. Никакого значимого эффекта, кроме скорректированных стандартных ошибок у части предикторов, не выявлено.

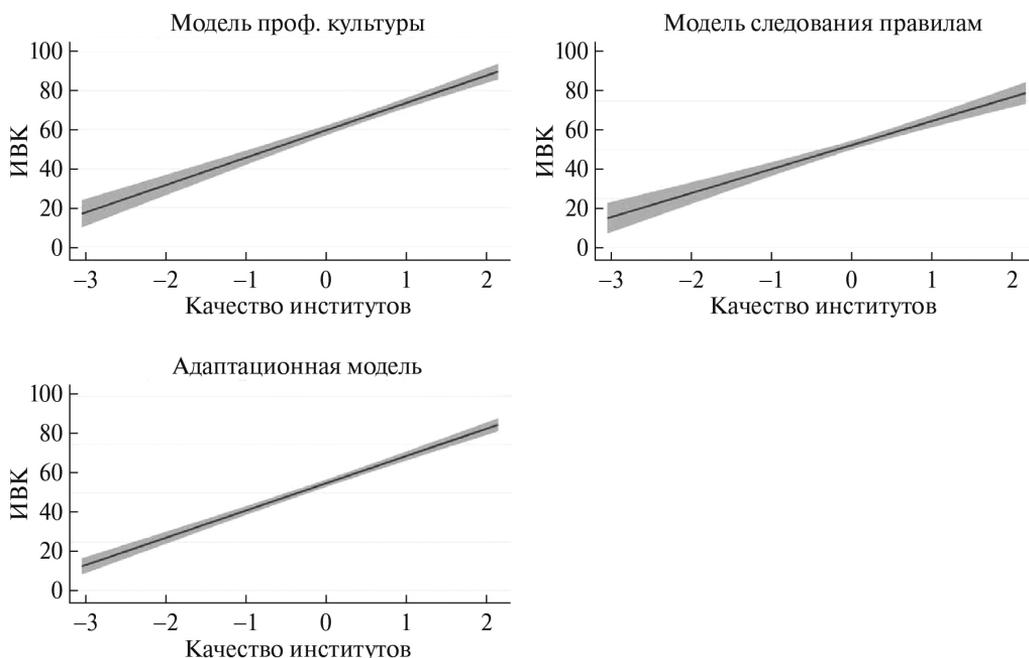

Рисунок 1. Предельные эффекты качества институтов на индекс восприятия коррупции в зависимости от моделей регулирования конфликта интересов

Figure 1. Marginal effects of institutional quality on the corruption perception index depending on conflict of interest management models

Отдельно следует отметить высокое значение коэффициента детерминации (R^2) в моделях ($\approx 0,96$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что качество институтов имеет высокую объяснительную силу в антикоррупционном регулировании. Более того, с таким ограничением сталкиваются практически все исследования, которые рассматривают связь между качеством институтов и коррупцией [Forson et al. 2016; Pellegrini 2011; Goel, Saunoris 2017]. Предшествующие исследования в качестве возможного решения предлагают увеличить количество наблюдений и ввести фиксированные эффекты, которые частично стабилизируют значения R^2 . Однако в рамках данной работы невозможно использовать эти параметры, поскольку категориальная переменная, закрепляющая модели регулирования конфликта интересов, не меняется во времени (в отличие от того же уровня коррупции, который может принимать разные значения ежегодно).

Таким образом, поставленные гипотезы частично подтвердились. Чем выше качество институтов, тем эффективнее можно регулировать конфликт интересов, что подтверждает первую гипотезу. Модель профессиональной культуры в условиях хороших институтов работает лучше других, хотя графики предельных эффектов с доверительными интервалами демонстрируют близость ее результатов с адаптационной моделью. Ее можно использовать в слабых институциональных условиях, однако эффективность в таком случае будет очевидно ниже, чем у других двух моделей.

В ситуации слабых институтов лучше всего себя показывает адаптационная модель. Соответственно, результаты эмпирического анализа частично подтверждают третью гипотезу. Модель следования правилам в случае взаимодействия с качественными институтами показывает себя незначительно хуже, однако при прочих равных условиях не отличается от модели профессиональной культуры по результатам модели (4). Ограничением для обобщения полученных результатов потенциально служит размер исходной выборки стран. Между тем, как представляется, даже она позволяет выявить рассматриваемые взаимосвязи с точки зрения количественного подхода.

Заключение

В научной литературе эффективность регулирования конфликта интересов недостаточно исследована, что подтверждается немногочисленностью работ в этой области и их противоречивостью. В то же время регулирование конфликта интересов считается одной из главных составляющих антикоррупционной политики. Изучать ее необходимо не только для расширения научного знания, но и для выработки практических рекомендаций при формировании государственной политики.

Данное исследование посвящено изучению институциональных факторов, которые могут влиять на антикоррупционную политику. Регрессионный анализ продемонстрировал, что качество институтов выступает одним из наиболее значимых факторов в этом процессе. Большое значение имеет выбор модели регулирования конфликта интересов.

Таким образом, чтобы выработать и проводить эффективную антикоррупционную политику в сфере регулирования конфликта интересов, необходимо учитывать следующие рекомендации. В случае хорошо работающих институтов лучше всего себя показывает модель профессиональной культуры, в частности меры по служебным разоблачениям, регулированию трудоустройства после увольнения, обеспечению политической нейтральности госслужащих, административной и гражданско-правовой ответственности (в сочетании с базовыми мерами). В ситуации неэффективно работающих институтов лучше ввести адаптационную модель, которая учитывает страновую специфику и включает в себя смешанные методы для решения конкретных проблем в сочетании с базовыми мерами.

Следующим шагом на пути к выработке стратегии успешной антикоррупционной политики может стать изучение неинституциональных факторов и того, как они влияют на эффективность моделей регулирования конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Крикунов К.А. (2019) Факторы эффективности мер регулирования конфликта интересов: опыт качественного анализа // Бизнес. Общество. Власть. № 1. С. 63–64.
- Krikunov K.A. (2019) Faktory effektivnosti mer regulirovaniya konflikta interesov: opyt kachestvennogo analiza [Factors of Effectiveness of Measures Regulating Conflicts of Interest: Experience of Qualitative Analysis]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. no. 1, pp. 63–64. (In Russ.).
- Anderson C.J., Tverdova Y.V. (2003) Corruption, Political Allegiances, and Attitudes toward Government in Contemporary Democracies // *American Journal of Political Science*. № 47. Pp. 91–109.
- Azfar O., Nelson W.R. (2007) Transparency, Wages, and the Separation of Powers: An Experimental Analysis of Corruption // *Public Choice*. No. 130. Pp. 471–493.
- Demmke C., Moilanen T. (2012) Effectiveness of Ethics and Good Governance in Central Administration of EU-27: Evaluating Reform Outcomes in the Context of the Financial Crisis. New York: Peter Lang. 58 p.
- Dincer O. (2008) Ethnic and Religious Diversity and Corruption // *Economics Letters*. No. 99. Pp. 98–102.
- Dutta N., Mukherjee D. (2016) Do Literacy and a Mature Democratic Regime Cure Corruption? // *Journal of Economic Development*. No. 41. Pp. 1–26.
- Fearon J., Laitin D. (2003) Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. No. 97. Pp. 75–90.
- Forson J. et al. (2016) Causes of Corruption: Evidence from sub-Saharan Africa // *South African Journal of Economic and Management Sciences*. No. 19. Pp. 562–578.
- Fox C. (2000) The Use of Philosophy in Administrative Ethics // In: *Handbook of Administrative Ethics*. Milton Park: Routledge. Pp. 131–156.
- Goel R., Nelson M. (2010) Causes of Corruption: History, Geography and Government // *Journal of Policy Modeling*. No. 32. Pp. 433–447.
- Goel R., Saunoris J. (2017) Political Uncertainty and International Corruption // *Applied Economics Letters*. No. 24. Pp. 1298–1306.
- Hejka-Ekins A. (2000) Ethics in in-Service Training // In: *Handbook of Administrative Ethics*. Milton Park: Routledge. Pp. 105–130.
- Jain A. (2001) Corruption: A Review // *Journal of Economic Surveys*. No. 15. Pp. 71–121.
- Kaufmann D., Wei S. (1999) Does “Grease Money” Speed up the Wheels of Commerce? NBER Working Paper No. w7093.
- Klitgaard R. (1988) *Controlling Corruption*. Berkeley: University of California Press. 230 p.
- Lee T. (2018) Pernicious Custom? Corruption, Culture, and the Efficacy of Anti-corruption Campaigning in China // *Crime, Law, and Social Change*. No. 70. Pp. 353–366.
- Maesschalck J. (2004) Approaches to Ethics Management in the Public Sector: A Proposed Extension of the Compliance-integrity Continuum // *Public Integrity*. No. 7. Pp. 20–41.
- Min K. (2019) The Effectiveness of Anti-corruption Policies: Measuring the Impact of Anti-corruption Policies on Integrity in the Public Organizations of South Korea // *Crime, Law, and Social Change*. No. 71. Pp. 217–239.
- North D. (1991) *Institutions* // *Journal of Economic Perspectives*. No. 5. Pp. 97–112.
- Pellegrini L. (2011) Causes of Corruption: A Survey of Cross-country Analyses and Extended Results // In: *Corruption, Development, and the Environment*. Dordrecht: Springer. Pp. 29–51.

Qu, G., Sylwester, K., Wang F. (2018) Anticorruption and Growth: Evidence from China // European Journal of Political Economy. No. 55. Pp. 373–390.

Rose-Ackerman S. (1996) Democracy and “Grand” Corruption // International Social Science Journal. No. 48. Pp. 365–380.

Rohr J.A. (1978) Ethics for Bureaucrats: An Essay on Law and Values. New York: Marchel Dekker.

Информация об авторе

Крикунов Кристина Александра, аспирантка Школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: kkrikunov@hse.ru

About the author

Kristina A. Krikunov, Ph.D. Student, Doctoral School of Political Science, HSE University. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000. E-mail: kkrikunov@hse.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 16.07.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 30.05.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024